ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ VIII—1870.

КНИЖКА X.

ТОМЪ IV.

ВИЛЬНА.
Въ типографіи Штаба Виленскаго Военнаго Округа.
1870.

Дозволено Цензурою 17-го Ноября 1870 г. Вильна.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія журнала

„ВѢСТНИКЪ

западной Россіи“

въ будущемъ 1871 году.

(девятомъ).

Я принялъ на себя изданіе „Вѣстника западной Россіи“ въ самую трудную для него эпоху. Вызванное личнымъ сознаніемъ долга и настояніями людей русскихъ, его продолженіе потребовало отъ меня различныхъ самопожертвованій, помогшихъ мнѣ пережить кризисъ Вѣстника настолько успѣшно, насколько то было возможно въ его недугѣ: прежніе его сотрудники сочувственно откликнулись на мой призывъ, журналъ, позволяю себѣ думать, сдѣлался содержательнѣе и скоро войдетъ въ свои нормальные сроки,—надѣюсь, при помощи Божіей и содѣйствіи добрыхъ людей, поднять его уровень далеко выше.

„Вѣстникъ западной Россіи“ будетъ издаваться по прежней своей программѣ, именно:

Отдѣлъ I.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народобытовой исторіи западной Россіи, съ переводомъ

на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на
скомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ, съ изъясненіемъ
нятныхъ словъ и выраженій тѣхъ документовъ, которые п
на древнемъ русскомъ языкѣ, и съ прибавленіемъ необход
примѣчаній.

Отдѣлъ II.

Очерки и разсказы изъ событій прошедшаго быта
вовъ,—научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ
исторической сферѣ,—біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣ
вавшихъ въ западной Россіи,—свѣдѣнія о церквахъ, мо
ряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое
ніе, и описанія мѣстностей съ историческими воспомина
Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и
по части отечественной археологіи.

Отдѣлъ III.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ западн
сіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ,—
верженіе вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе,
страняемыхъ печатно недругами нашего отечества,—обличе
во всякомъ искаженіи фактовъ, вообще полемика со всѣм
направлено къ нарушенію благосостоянія и цѣлости нашей
и народности.

Отдѣлъ IV.

Повѣсти, разсказы, очерки, описанія и изслѣдованія р
сторонъ настоящаго быта западной Россіи, въ связи съ е
шедшею исторіей,—свѣдѣнія о заграничныхъ славянскихъ
нахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежа
прежде къ Россіи, о русской грамотности и распростране
въ областяхъ западной Россіи, новыя государственныя по
ленія и мѣстныя административныя распоряженія, каса
сихъ областей,—извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ
налов и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западно
сіи,—библіографическія извѣстія о вновь вышедшихъ кни
брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ эти области,—некро
разныя мелкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящ

ику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденціи, объявленія роч.

„ВѢСТНИКЪ“

тъ выходить съ января мѣсяца книжками, около 12 листовъ новенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

І ВИЛЬНЫ—у книгопродавца *А. Г. Сыркина*, на Большой улицѣ, домъ Учебнаго Округа.

С.-ПЕТЕРБУРГѢ—у коммиссіонера «Вѣстника», книгопродавца *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной.

МОСКВѢ—у книгопродавца *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

Иногородные благоволятъ адресоваться прямо и *исключительно* въ редакцію «Вѣстника Западной Россіи», въ Вильнѣ.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ИЗДАНІЮ:

Въ *Вильнѣ* 6 р., съ доставкою на домъ 7 р., съ пересыл. во всѣ мѣста Имперіи 8 рублей. Для сельскаго духовен. и волостныхъ правленій годовой экземпляръ „Вѣстника“ ается за 6 р. съ пересылкою. Принимается подписка и на ода, но только *съ непремѣннымъ* условіемъ высылки де. въ маѣ и на 2-е полугодіе. Адресы прошу писать какъ о разборчивѣе.

Для избавленія меня отъ рисковой затраты капитала, прошу рнѣйше желающихъ выписывать мое изданіе *ускорить подсою*.

Редакторъ-издатель **И. Эремичъ.**

IV.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ВИЛЕНСКАГО ВѢСТНИКА“

въ 1871 году.

Большинство читателей „Виленскаго Вѣстника“, какъ мѣстные жители, близко знакомы со всѣми требованіями и условіями общественной жизни сѣверо-западнаго края и потому ясно понимаютъ характеръ и содержаніе нашей газеты, вытекающіе изъ суммы всѣхъ этихъ условій. Для такихъ читателей мы не имѣли бы надобности излагать програму, или говорить о дѣйствительномъ значеніи „Виленскаго Вѣстника“; притомъ, редакція, составившаяся въ февралѣ мѣсяцѣ настоящаго года, имѣла случай объявить програму, которой намѣрена была слѣдовать, и затѣмъ, въ серединѣ года, представила своимъ читателямъ отчетъ о достигнутыхъ ею результатахъ. Но, обращаясь къ меньшинству читателей, разсѣянныхъ по всѣмъ внутреннимъ губерніямъ, и къ нашей читающей публикѣ вообще, считаемъ долгомъ опредѣлить содержаніе и направленіе „Виленскаго Вѣстника“.

Програма нашего изданія допускаетъ всѣ элементы обыкновенныхъ политическихъ газетъ и, подъ вліяніемъ дѣйствительныхъ требованій жизни, „Виленскій Вѣстникъ“ сдѣлался газетою политическою, въ обще-принятомъ смыслѣ.

Группируя всѣ статьи, помѣщенныя, въ теченіи настоящаго года, по принятымъ въ нашей газетѣ рубрикамъ, получимъ, какъ выводъ, что програма „Виленскаго Вѣстника“ слѣдующая:

Отдѣлъ офиціальный: Дѣйствія правительства, правительственныя распоряженія.

Отдѣлъ мѣстный: Дѣйствія и распоряженія высшей мѣстной власти сѣверо-западнаго края, мѣстныя событія, происшествія, заявленія, свѣдѣнія о ходѣ народнаго образованія и вообще учебной дѣятельности въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ; корреспонденціи изъ разныхъ мѣстностей западныхъ губерній; этнографическія и историческія описанія и изслѣдованія разныхъ мѣстностей, въ предѣлахъ западныхъ губерній.

Отдѣлъ внутреннихъ извѣстій: Извѣстія о всѣхъ событіяхъ и явленіяхъ по всѣмъ отраслямъ общественной и эко-

ческой жизни внутреннихъ губерній; корреспонденціи изъ
ихъ мѣстностей Россіи.

Отдѣлъ политическій: Политическія обозрѣнія, полити-
я статьи и заграничныя корреспонденціи, выписки изъ ино-
нныхъ газетъ и политическія телеграммы, получаемыя непо-
ственно по телеграфу.

Фельетонъ: Оригинальныя и переводныя бельлетристическія
и; повѣсти и разсказы; статьи библіографическія, истори-
я и научныя.

Такое содержаніе газеты, какъ мы сказали уже, опредѣли-
естественнымъ образомъ изъ дѣйствительной потребности
ныхъ жителей. Въ виду необходимости для нашихъ чита-
і знать все, на что они имѣютъ право разсчитывать, по-
і газету, то есть, получать своевременно самыя полныя свѣ-
і о всѣхъ явленіяхъ жизни своего русскаго отечества и
политическаго міра, по скольку это исполняется газетами,
должны были сдѣлать „Виленскій Вѣстникъ" газетою болѣе
-русскою, чѣмъ мѣстною, хотя потребность въ выраженіи
ныхъ вопросовъ принуждаетъ иногда удѣлять имъ значи-
ое мѣсто.

По такой же причинѣ мы придали самое широкое развитіе
ну политическихъ извѣстій, въ которомъ, благодаря геогра-
скому положенію Вильны, мы сообщаемъ всѣ извѣстія за
или на три дня прежде, чѣмъ столичныя газеты. По боль-
части, мы успѣваемъ сообщить подробное извѣстіе въ то
время, какъ въ столичныхъ газетахъ появляются только
кія телеграммы о данномъ событіи. Сверхъ того, „Вилен-
Вѣстникъ" получаетъ политическія телеграммы отъ раз-
агентствъ, въ такомъ количествѣ, въ какомъ не получа-
ни одна провинціальная газета. Понятно, что развитіе по-
ческаго отдѣла вызвано современными событіями; но при
ѣнѣ обстоятельствъ первенствующее мѣсто можетъ перейти
ругимъ отдѣламъ, вполнѣ согласно съ настроеніемъ и тре-
іемъ общества. Изъ этого объясненія читатели могутъ су-
что мы вовсе не представляемъ невозможныхъ въ испол-
, одностороннихъ программъ, не навязываемъ имъ невѣдо-
и несущественныхъ цѣлей, а просто обѣщаемъ политиче-
газету въ общепринятомъ смыслѣ, которая усердно слу-

жить обществу, стараясь всѣми силами доставлять, съ возможною скоростію, всякія извѣстія и свѣдѣнія и радушно открываетъ столбцы для всѣхъ законныхъ заявленій.

Думаемъ, что, при такихъ условіяхъ, „Виленскій Вѣстникъ“ можетъ быть удобенъ, какъ газета, во всѣхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества, ибо вездѣ извѣстія его придутъ одновременно съ извѣстіями столичныхъ газетъ.

Мы считаемъ неудобнымъ касаться здѣсь политическаго характера „Виленскаго Вѣстника“; въ теченіи настоящаго года, характеръ этотъ рѣзко опредѣлился, ибо вѣрно знаемъ, что ни разу не сбились съ пути, указаннаго нашими убѣжденіями. Въ заключеніе скажемъ, что въ текущемъ году „Виленскій Вѣстникъ“ переживалъ трудный кризисъ; но усиліями редакціи положеніе его упрочилось, и „Виленскій Вѣстникъ“ вступаетъ въ новый годъ съ такими средствами, которыя позволяютъ въ полной мѣрѣ исполнить всѣ обязанности и задачи политической газеты обширнаго сѣверо-западнаго края.

„Виленскій Вѣстникъ“ будетъ выходить въ слѣдующемъ 1871 году по той же программѣ, какъ и теперь, три раза въ недѣлю, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	безъ пересылки и доставки.		съ пересылкою и доставкою.
На годъ.	8 руб.		10 р. [1]).
— полгода.	4 —		5 — [2]).
— три мѣсяца.	2 —	40 к.	3 — [3]).
— одинъ мѣсяцъ „		80 к.	1 — [4]).

Подписка принимается: въ Вильнѣ въ конторѣ редакціи „Виленскаго Вѣстника“, на углу Погулянки и Завальной улицы, въ домѣ г-жи Диоховской; въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной № 30; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ въ провинціяхъ.

---

1) Въ томъ числѣ за укупорку 40 к.; за пересылку 1 р. 60 к.
2) — — — — — 20 „ — — 80 „
3) — — — — — 10 „ — — 50 „
4) — — — — — 4 „ — — 16 „

I.

ДОКУМЕНТЫ,

ОЩІЕСЯ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ (1794 годъ)
ДЪ ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМЪ КОСТЮШКИ [1]).

1.

(*Секретно*).

тельнѣйшій князь [2])! Милостивый Государь! Сторо-
ошли до меня извѣстія, что появились въ Литвѣ
ры слѣды заговора, клонящагося къ возмущенію
го края. Хотя еще и нельзя принять сего за до-
ное, но какъ требуетъ осторожность съ нашей сто-
лаговременно обезпечить себя всѣми нужными къ
режденію зла сего мѣропріятіями, я предписалъ во
сти войскъ моего начальства по Польшѣ и Литвѣ

акъ для изученія разныхъ пріемовъ и фазисовъ польскихъ
й вообще и Костюшскаго вчастности, такъ и для указа-
ающей публикѣ, какое капитальное богатство историче-
документовъ заключается въ „Описаніи дѣлъ, хранящихся
вѣ Виленскаго генералъ-губернаторства", составленномъ
Энгелемъ,—мы сочли себя обязанными познакомить своихъ
ей съ нѣкоторыми документами, касающимися возстанія
ки. Говоримъ: сочли себя обязанными потому, что изда-
ьма роскошное и обширное) г. Энгеля, вышедшее въ огра-
омъ (1200) количествѣ экземпляровъ и потому имѣющее
ть достояніе немногихъ библіотекъ и ученыхъ, лишено бу-
ой популярности, на которую оно, по своему интересу, имѣ-
мыя неоспоримыя права. Ред.

Николай Васильевичъ Репнинъ. Ред.

расположеныхъ, устремлять найприлѣжнѣйшее наблюденіе на всѣ поступки здѣшнихъ обывателей; а между тѣмъ изыскавъ благонадежнаго человѣка изъ самихъ поляковъ, способнаго къ узнанію Литовскихъ обстоятельствъ, посылалъ я его для того въ Вильну, и онъ возвратясь нынѣ оттуда, какія тамъ собралъ и представилъ ко мнѣ свѣдѣнія, переводъ [1]) оныхъ подношу при семъ вашему Сіятельству. Изъ бумаги сей изволите увидѣть, Милостивый Государь, что по увѣренію конфидента дѣйствительно кроются тамъ нѣкоторые признаки заговора, и общество къ возмущенію склонное составляютъ не малое число людей, такъ же что есть въ немъ постановленіе особымъ знакамъ, по коимъ состоящіе въ семъ обществѣ могутъ познавать другъ друга, какъ изволите усмотрѣть изъ влагаемой здѣсь же бумаги подъ названіемъ l'Indien и [2]) что партія сія имѣетъ сообщниковъ даже въ Курляндіи и Лифляндіи. Потому долгомъ моимъ поставляя себѣ донести о семъ вашему Сіятельству, дабы вы, Милостивый Государь, также и съ своей стороны могли приказать сдѣлать нужныя на сіе наблюденія. Имѣю честь быть съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію вашего Сіятельства, Милостиваго Государя, всеподданнѣйшій слуга Баронъ Игельстромъ. Варшава. № 50. 28 февраля 1794 г.

2.

Милостивый Государь мой князь Николай Васильевичь.

На отзывъ вашего Сіятельства отъ 25 минувшаго февраля симъ почтеннѣйше сообщаю, что о назначенныхъ

---

1) Помянутаго перевода въ дѣлѣ нѣтъ.

2) Въ дѣлѣ также нѣтъ. Очень жаль что онѣ похищены. Ред.

ачальство ваше полкахъ изъ состоящихъ въ Поль-
ормальнаго предписанія до нынѣ не было, потому,
правленіе ихъ оттуда не такъ скоро еще послѣду-
огда же Осипъ Андреѣвичь Игельстромъ объ нихъ
вамъ отнесся, то присоединяю къ тому, что не
выступленія ихъ ожидать можно, какъ по оконча-
формы польскихъ войскъ, въ концѣ Апрѣля, или въ
ъ числахъ Мая мѣсяца, какъ онъ меня увѣдомляетъ.
о назначенія о ихъ расположеніи никакого нѣтъ, а
тавляется собственно благоразсмотрѣнію вашему, со-
удобности продовольствія и взаимныхъ выгодъ
елей и военно-служащихъ. Что же касается до ар-
йскихъ лошадей, то ихъ по доставленіи орудій при-
отдать господину артиллеріи Генералъ-Порутчику
леру Вульфу, которому отъ господина Генерала-
цейхмейстера и кавалера графа Платона Алексан-
а Зубова надлежащее предписаніе учинено быть
. Имѣю честь и проч... Гр. Н. Салтыковъ. 3 марта
г.

3.

тельнѣйшій князь!

Милостивый Государь!

послѣдствіе секретнаго донесенія моего вашему
ьству отъ 28 Февраля, спѣшу вновь вамъ Милости-
осударь представить:

случаю наступившей польскимъ войскамъ рефор-
ишь только дошло объономъ отъ здѣшней военной
ссіи повелѣніе въ бригаду Народовой кавалеріи на-
ва бригадира Мадалинскаго, бригада сія явнымъ обра-
повелѣнію сему воспротивилась. Начальникъ ее со-
всѣ ескадроны въ одно мѣсто, выступилъ съ оны-

ми въ походъ, прославъ въ помянутую коммиссію рапортъ, изображающій: что какъ отечество ихъ отвергаетъ, они должны себѣ искать въ чужой странѣ пристанища. При сборѣ же онымъ бригадиромъ подчиненныхъ ему ескадроновъ, пронесся здѣсь слухъ, что сборъ сей происходитъ отъ разсѣянной между ними ложной вѣдомости, якобы они скоро принуждены будутъ вступить въ россійскую службу, и что для защищенія своей вольности а также и варшавскаго Арсенала, угрожаемаго опасностію быть взятымъ русскими войсками, идутъ къ Варшавѣ. Извѣстясь о семъ слухѣ я тотчасъ приказалъ части корпуса войскъ, расположенныхъ по близости тѣхъ мѣстъ, гдѣ до того пребывала бригада сія, выступить противъ нее и, въ случаѣ справедливыхъ объ ней слухахъ, привести ее военною рукою въ повиновеніе, сверхъ того отрядилъ къ ней и отсюда на встрѣчу съ таковымъ же предписаніемъ не большія команды. До селѣ не имѣю еще донесенія, что у сихъ отрядовъ происходитъ, а извѣстился только вчера что бригада Мадалинскаго, вмѣсто слѣдованія къ Варшавѣ какъ носились слухи, направилась въ границы ... сіи и остановилась въ мѣстечкѣ Млавѣ, разстояніемъ отъ Варшавы въ $14^1/_2$ миляхъ, но сей часъ увѣдомился я вновь, что бригадиръ Мадалинскій выступилъ уже съ нею оттуда и слѣдуетъ къ Червинску, гдѣ сказываютъ намѣренъ переправиться черезъ Вислу. Совершеніе сего намѣренія сдѣлаетъ рѣшительное открытіе его цѣли. Полагаю я, что пойдетъ онъ къ Варшавѣ или въ Сендомирское воеводство, ежели изберетъ последній путь, тогда судить должно, что намѣреніе его в томъ состоитъ чтобъ притянуть къ себѣ тамо расположенныя польскія войска и начать по польскому обыкновенію конфедерацію, или при постороннемъ способствованіи открыть продолженіе Сейма 3 Мая, буде же пойдетъ к Варшавѣ, тогда уже положить должно, замыслы его к...

ится къ тому, чтобъ начать здѣсь революцію подобную французской, къ чему многія другія обстоятельства и доходящія до меня почти ежечасно слухи подаютъ нѣкоторые виды. Чернь по всѣмъ шинкамъ здѣсь въ Варшавѣ о томъ только теперь и твердитъ.

Знатные же всѣ вообще поступками бригадира Мадалинскаго крайне недовольны. Я приказалъ всѣмъ высланымъ противъ бригадира Мадалинскаго отрядамъ соединясь, окружить его бригаду и стараться обезоружить ее, идеже бы въ томъ не успѣли, то наступить на нее и разсыпать ее. Между тѣмъ занимаюсь теперь принятіемъ всѣхъ прочихъ потребныхъ мѣръ, къ удержанію приходимаго въ колеблемость въ здѣшнемъ краю спокойствія, въ случаѣ же нарушенія онаго къ усмотрѣнію бунтующихъ долженъ уже буду также приняться за силу оружія. Поелику же бригадиръ Мадалинскій въ предпріятіи своемъ найболѣе полагаетъ надежду на Литву, что изволите ваше Сіятельство увидѣть изъ приложенной присемъ записки, показаніямъ прусскаго солянаго Пристава изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ квартировала бригада Мадалинскаго, везшаго сюда прусскихъ соляныхъ сборовъ казну, взятую на пути тѣмъ бригадиромъ, и какъ еслибы случилось возгорѣться въ здѣшнемъ краю возмущенію, я принужденнымъ найдусь собирать подчиненныя мнѣ войски ближе сюда, и Литва, гдѣ и безъ того уже мало нынѣ войскъ тогда останется безъ довольной защиты, а Жмуція и совсѣмъ никакой не будетъ имѣть, я поспѣшаю по симъ обстоятельствамъ завременно донести о томъ вашему Сіятельству и просить покорнѣйше, чтобы вы, Милостивый Государь, приказали устремить строжайшее наблюденіе на Курляндію и Жмуцію и въ случаѣ открытія и тамъ слѣдовъ къ возмущенію, принять дѣятельныя мѣры посредствомъ воинскихъ распоряженій къ его прекращенію. Съ истин-

нымъ высокопочитаніемъ и совершенною предан
имѣю честь быть Вашего Сіятельства Милостиваго
даря всепокорнѣйшій слуга Баронъ Игельстромъ.

Варшава. № 51. 5 март. 1794 г.

Показанія прусскихъ соляныхъ сборовъ пристава
сительно бригады Мадалинскаго.

1) Вся сія бригада учинила присягу на вѣрност
ему начальнику бригадиру Мадалинскому, также и
щищеніе вольности.

2) Откинула гербъ республики и вензелъ корол

3) Намѣряется производить мщеніе надъ всѣми
шими на минувшемъ въ Гроднѣ сеймѣ и подписа
трактатъ объ уступкѣ отдѣленныхъ отъ Польши
начальное же предполагала произвесть надъ бывшим
мовымъ посломъ Древновскимъ, имѣющимъ помѣст
сторонѣ Остроляикѣ.

4) Даетъ за деньги паспорты и билеты поселяна
свободное гдѣ пожелаютъ пребываніе.

5) Разграбила прусскую соляныхъ сборовъ казн
стоявшую изъ пяти сотъ тысячъ польскихъ злотыхъ
гадиръ Мадалинскій при дачѣ отъ себя квитанціи
тіи оныхъ сказалъ, что у Прусскаго короля берет
ги, а русскіе заплатятъ ихъ своею кровью. У
цовъ же ничего не берутъ потому, что они сами
не взяли отъ Польши.

6) Онъ же Мадалинскій сказалъ, что начинаема
нынѣ революція, предпріемлется не по образу о
венныхъ польскихъ возмущеній, но по системѣ ф
зовъ будетъ всеобщая и основывается на устано
права вольности и равенства.

7) Нѣкоторые бригады сей товарищи говорил
они пойдутъ къ туркамъ или къ французамъ.

Иные сказывали, что между ними и Костюшко на-
я.

Въ бригадѣ сей примѣрно теперь можно положить
00 человѣкъ, народной кавалеріи. Набираетъ еще
ь, и имѣетъ также при себѣ пѣшихъ вооруженныхъ
не великое однако число.

Сверхъ того не малое количество изъ мелкаго шля-
находится при оной.

Великое полагаетъ надѣяніе на литовцовъ.

Имѣетъ при себѣ четыре орудія, доставленныя
изъ Новогродка въ Литвѣ.

4.

(Секретно).

лостивый Государь мой князь Николай Васильевичъ.

отзывъ вашего Сіятельства ко мнѣ по поводу по-
ыхъ вами отъ Осипа Андреевича барона Игельстро-
ѣстій о происходящемъ въ Польшѣ нѣкоторомъ бес-
твѣ, не распространяюсь я въ семъ письмѣ съ ва-
Сіятельствомъ по сей матеріи говорить, знавъ что
о къ вамъ уже высочайшее по сему случаю пове-
Относительножъ вопроса вашего, можно ли будетъ
бованію его Осипа Андреевича употребить вамъ
начальству вашему ввѣренныя на случай, естьли
че всякаго чаянія подобное безпокойство и далѣе
странилось, въ соотвѣтствіе скажу, что въ случаѣ
го неожидаемаго возмущенія въ Курляндіи, зави-
удетъ конечно отъ вашего распоряженія принятъ
жащія мѣры къ пресѣченію сего зла, употребивъ въ
сти и полки вашей команды къ возстановленію дол-
въ Курляндіи спокойствія; принадлежательно же до
енія на подобную нужду части вашихъ войскъ въ

Жмудь или Литву, то полагаю я, что у Осипа А
ча щитаю достаточно будетъ войскъ, укротить на
въ Польшѣ безпокойства; будежъ бы сверхъ чаянія
покойствы распространились въ Литвѣ и въ Ж
Осипъ Андреевичь отозвался бы къ вамъ, что о
ми одними войсками не можетъ укротить тамъ т
тенія безъ помощи вашихъ, въ такомъ необходим
чаѣ ваше Сіятельство можете употребить для вве
Литву по сношенію съ нимъ два карабинерны
Московской и Рижской; пѣхотныежъ полки до ос
повелѣнія оставить, какъ для исправленія въ Ли
должной службы, такъ и для наблюденія, чтобы
наши были ограждены отъ всякаго сообщенія от
добной наглости и сумазбродства. Пребываю в
съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ и особенною п
стію, Милостивый Государь мой, вашего Сіятель
корнѣйшимъ слугою Гр. Н. Салтыковъ. № 623.
1794 г.

5.

Копія съ рапорта Ингерманландскаго караб
полка секундъ-маіора фонъ-Герцберха, начальст
въ Ковнѣ отрядомъ войскъ, къ генералъ-маіору
Циціанову, отъ 28 марта 1794 года.

Сего числа явился ко мнѣ русской купецъ
находился здѣсь для торговли мѣсяца три, доне
что онъ уже съ тѣхъ поръ, что полки наши вы
здѣшнихъ сторонъ, примѣчалъ нѣсколько безпоко
народѣ, которыя теперича день со дня пріумн
пришелъ къ нему сего дня польской шляхтичь
ему знакомый, совѣтовалъ ему по дружески въ
изъ города выѣхать, ибо во время осьми дней

новостей, притомъ узналъ онъ, что здѣшные маги-
ы, въ которыхъ вышеписанный шляхтичъ тоже на-
ся, имѣли по ночамъ тайныя собранія въ одномъ
кулярномъ домѣ. Еще носится слухъ, какъ и тотъ
ь проговаривалъ, что въ здѣшнихъ кляшторахъ жи-
много праздныхъ шляхтичей; при всемъ этомъ мо-
еще быть подозрительною команда польскихъ сол-
о которыхъ мнѣ хотя донесено, что она числомъ 30
къ и стоящая уже при бытности его превосходи-
ва господина генералъ-маіора и кавалера Германа,
ѣ того завсегда была для собранія податковъ и хра-
казны. При такомъ множествѣ знаковъ возмущенія
торымъ еще присоединяются презрительныя рѣчи
овъ о здѣшнемъ малочисленномъ отрядѣ, не смѣю
ично приступить къ тому шляхтичу, особливо какъ
ъ меня не уйдетъ, который купцу совѣтовалъ выѣ-
зъ города, дабы чрезъ то не могъ выйтить публич-
унтъ, въ коемъ, разсуждать по здѣшнему многочи-
му народу и не дальнему разстоянію отъ польскихъ
, сила мнѣ ввѣреннаго отряда не былабы велика,
сается до ночныхъ собраніевъ, имѣю я, въ силу
вашего Сіятельства, прилагать всемѣрное стараніе
тить оныя. (Засвидѣтельствовалъ подполковникъ
Фризесъ).

6.

(Секретно).

лостивый Государь мой князь Николай Васильевичь!
продолженіе увѣдомленій, по поводу коихъ предъ
исалъ я къ вашему Сіятельству, назначая на слу-
айней нужды карабинерные Московской и Ригской
къ отправленію въ Литву, нынѣ получены отъ Оси-

па Андреевича Игельстрома вновь донесенія, по
необходимо нужно подкрѣпить его, а потому въ с
Высочайшаго Ея Императорскаго Величества по
полкамъ онымъ прикажите безъ малѣйшаго медле
ступить и прямѣйшимъ трактомъ сколь можно по
слѣдовать къ Вильнѣ и состоять подъ начальств
ходящагося тамъ господина генералъ-маіора и
Арсеньева; а сверхъ того одному изъ пѣхотныхъ
передвинуться въ Курляндію, въ Бовскъ, и там
ложиться, какъ для сохраненія внутренняго въ К
спокойствія; такъ и для того, что буди бы Осип
евичу сверхъ оныхъ полковъ еще была надобна пом
по сношенію съ нимъ и сей пѣхотный оттуда о
будетъ удобнѣе, въ каковомъ случаи и имѣетъ у
и состоять подъ его начальствомъ.

Генералу-Провіантмейстеру Новасильцеву пре
я о скорѣйшемъ снабдѣніи тѣхъ полковъ суммо
тевое продовольствіе; но для выигранія времени
ли позаимствоваться на сей случай изъ Ригской
палаты, на счетъ провіантской суммы, дабы тѣм
полки оныя отправлены быть могли, когда же в
и который мушкетерской полкъ въ Курляндію н
не оставте увѣдомить пребывающаго съ истинны
копочитаніемъ и преданностію, вашего Сіятель
корнѣйщимъ слугою гр. Н. Салтыковъ. № 30.

Собственноручная приписка:

Изъ Креіцбурха тамбовскому иолку я приказ
іттить к вілне; щитаю, что теперъ препровожд
кругъ изъ полши небудетъ; а потомъ внемъ там
бности не будетъ же. 30 марта 1794 г.

7.

ственноручное секретное письмо Игельстрома.

тельнѣйшій Князь, Милостивый Государь! О взбун-
ейся здѣсь бригадѣ народовой кавалеріи Мадалин-
имѣлъ я честь донести вашему Сіятельству. Послѣ
дня на день умножающіяся въ здѣшнемъ краѣ
йствія, а потому и заботы мои и занятія не позво-
родолжать мнѣ преподавать вашему Сіятельству во
ремя о здѣшнихъ обстоятельствахъ извѣщенія. Те-
риступаю къ совершенію сего долга.

далинскій при переходѣ своемъ по новой прусской
ѣ, учинивъ разныя по оной злодѣйства и насилія,
авился потомъ черезъ рѣку Пилицу и пошелъ въ
ирское и Краковское воеводства, при слѣдованіи
кои присоединилъ къ себѣ всѣ бывшія тамъ располо-
ми Польскія войска и устремился къ Кракову. Ме-
мъ $^{13}_{24}$ числа Марта явился въ Краковѣ польскій
лъ Косцюшко и превозгласивъ себя главнымъ на-
комъ силъ народа, возвѣстилъ тамъ вольность по
о французской революціи, и при самомъ началѣ
я весь городъ къ присягѣ, въ ономъ издалъ по-
о всему народу и войску Польскому манифесты и
озстанія, наполненные пагубными правилами нынѣш-
ченія французовъ, приглашая оными всѣхъ и каж-
риняться за оружіе для востановленія первобытнаго
ія Польши, и утвержденія цѣлости и вольности въ
Возмутитель сей блеснувъ въ глазахъ народа и
лестными сими представленіями, успѣлъ при са-
первомъ разѣ привлечь на свою сторону нѣсколько
какъ войскъ польскихъ, такъ и мѣлкаго шляхет-
разной черни. По сей необходимости собравъ я
моего начальства отрядилъ корпусъ оныхъ къ Кра-

кову, а другой собралъ и содержу здѣсь въ Варша
между тѣмъ открылъ я, что въономъ крылся вес
малый заговоръ, составленный изъ сообщниковъ р
рода и состоянія на возженіе во всемъ здѣшнемъ
мятежнаго огня и на введѣніе въ оный пагубной с
Якубинцовъ, что Варшава назначена была мѣстом
положено было первоначально открыть сію револю
что готовность сего мѣста къ тому явно ознаменов
теперь нахальство и грубость жителей; и естли е
жится въ ономъ спокойствіе, такъ единственно пот
есть теперь здѣсь войски, устрашающія городъ
пить къ предпріемлемому возмущенію.

Отряженныя мною къ Кракову подъ начальств
нералъ-маіоровъ Денисова и Тормасова войски т
ное уже имѣли сраженіе съ мятежниками. Два
изъ нихъ были для насъ удачны, но третье, не
какъ въ пяти миляхъ отъ Кракова происходивше
коемъ самъ Косцюшко предводительствовалъ собра
ся къ нему войсками и разною сволочью вооруже
пьями и топорами и въ бой введенною въ
образѣ, кончилось съ нѣкоторымъ чувствительны
насъ урономъ, однакоже и непріятель пострадалъ
что принужденъ былъ ретироваться къ Кракову
жить до подкрѣпленія себя новыми силами, на
свое клонившееся къ тому, чтобъ открыть себѣ до
подшествію въ Варшаву.

Какъ явственно уже теперь по всѣму, что о
тежа взялъ здѣсь такую силу, что нѣтъ другихъ
утушить его кромѣ силы оружія, то я имѣя нед
къ тому въ войскахъ моего начальства и обнажив
ніемъ ихъ сюда всѣ почти мѣста Польши, возп
шейся чрезъ то полною свободою производить въ

ѣянныя по ней зловредныя начертанія Косцюшки, щилъ о томъ командующему войсками Ея Император- Величества въ новопріобрѣтенныхъ отъ Польши къ іи областяхъ расположенными господину генералу по- ику и кавалеру Дерфельдену и просилъ объ отдѣле- изъ подъ начальства его нѣкоторой части войскъ сю- ь Польшу и двукратно сдѣлалъ уже о томъ Ея Им- торскому Величеству всеподданнѣйшее мое донесеніе. Литва хотя также заражена тоюже язвою, какая здѣсь ружилась, однакоже до сего дня вступали ко мнѣ до- нія что все тамъ еще тихо и спокойно. Но нынѣ по- нный изъ Ковна рапортъ и отъ Кенигсбергскаго гу- атора господина Генералъ поручика Бриникена (Brun-), къ пребывающему здѣсь прусскому министру Бух- цу увѣдомленіе, съ коихъ имѣю честь представить семъ въ благоразсмотрѣніе Вашего Сіятельства копіи , с) возвѣстили мнѣ, какъ и сами, милостивый Госу- ь, изъ тѣхъ бумагъ увидѣть изволите, что во всей Жму- пламя мятежа уже готово къ открытію и безсомнѣнно сихъ же дняхъ въ явномъ видѣ оное обнаружится. Въ вѣ имѣю я весьма мало начальства моего войскъ. Гро- и Вильно нѣсколько оными заняты, въ Ковнѣ же лись только двѣ роты пѣхоты и ескадронъ караби- ь и затѣмъ по всей Жмуціи ни гдѣ ни души россій- о войска нѣтъ. Прусскія войски здѣсь малочисленны, амъ и совсѣмъ ихъ также нѣтъ. По такимъ обстоя- льствамъ принужденнымъ вижу себя всепокорнѣйше ва- у Сіятельству представить и просить, дабы сколько но отдѣлили изъ подъ начальства вашего войскъ и казали онымъ поспѣшно слѣдовать въ Литву и занять уцію для укрощенія открывающагося тамъ мятежа. Я каю себя надеждою, что ваше Сіятельство для пользы

службы неоставите сей моей просьбы безъ удовлетворенія и увѣдомленіи о томъ того, который съ душевнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣетъ честь быть вашего Сіятельства милостиваго Государя всепокорнѣйшій слуга Баронъ Игельстромъ. № 62. Варшава. 2 апрѣля 1794 г.

Переводъ.

a) Высокородный и высокопочтенный господинъ тайный оберъ-финансовый совѣтникъ. Изъ дошедшихъ ко мнѣ отъ границъ рапортовъ усмотрѣлъ я, что Поляки въ Литвѣ конфедерацію открываютъ; зная при томъ, что наши границы съ оною провинціею смѣжныя не достаточно прикрыты войсками, пріемлю смѣлость, увѣдомляя о томъ ваше высокородіе, просить снестись по сему предмету съ Его Превосходительствомъ г. генералъ-аншефомъ Игельстромомъ и спросить его, сколько въ Литвѣ находится русскаго войска и гдѣ сколько ихъ расположено, а при томъ какую я могу отъ нихъ ожидать помощь, въ случаѣ нужды. Мнѣ крайне желательно получить скорѣйшій отвѣтъ, знать какія принять мѣры, не причиняя Его Королевскому Величеству излишнихъ расходовъ. Для большой ясности прилагаю при семъ въ копіи выписку изъ полученнаго мною съ границы письма съ нетерпѣніемъ ожидая скораго отвѣта и пребывая и пр. подписалъ Бруннекъ. Кенигсбергъ 10 апрѣля 1794 года.

Переводъ.

b) Имѣю честь ваше высокоблагородіе почтительнѣйше увѣдомить о происшедшихъ въ Польшѣ перемѣнахъ, о которыхъ я только что узналъ отъ прусскаго келлермейстера, пробывшаго восемъ дней въ Польшѣ.

Послѣ того какъ въ прошедшій вторникъ, то есть 1-го сего мѣсяца русское войско выступило изъ Жмуди, собравшіеся тамъ поляки до 2000 человѣкъ составили конфеде-

ю. Думаютъ что русскіе полки пошли по направле-
къ Варшавѣ. Революція начинающаяся отъ городовъ
ькувишъ, Старополя и Кальваріи простирается почти
зъ всю Польшу. Всякій дворянинъ или помѣщикъ
кенъ обучать своихъ крестьянъ воинскимъ упражне-
ъ; оружіе ихъ состоитъ въ пикахъ, исключая кресть-
имѣющихъ ружья, которыхъ обучаютъ стрѣльбѣ. Съ
ірехъ мызъ собрано 500 стрѣлковъ, которыхъ также
осходно обучаютъ. Въ Михалинѣ, что отсюда съ не
шимъ пять миль, живетъ нѣкій Губернаторъ (Gouver-
r), именемъ Даубершмидтъ, который при томъ и оберъ-
ъ-мейстеръ; онъ получилъ повелѣніе обучать означен-
ь стрѣлковъ. Нѣкоторые изъ дворянъ, приверженцы
сскаго двора, объявили, что если Король Прусскій
ъ имъ еще четыре недѣли времени, то всѣ ихъ пред-
тія приведены будутъ въ исполненіе, и они тогда ко-
но станутъ нападать на прусскія владѣнія и ихъ гра-
ь и жечь. У нихъ уже сдѣланы патроны, въ каж-
ь по двѣ пули, изъ коихъ одна цѣльная, а другая со-
итъ изъ четырехъ частей. Въ Вилдавѣ стоятъ Рус-
, но число ихъ неизвѣстно. Гдѣ польскіе дворяне
дятся, тамъ они пьютъ за здравіе французовъ, говоря,
хотятъ съ ними соединиться. Подписалъ Бушъ. Ейд-
енъ 4-го апрѣля 1794 года.

с) Пользуясь симъ случаемъ, что Его Превосходитель-
г. генералъ порутчикъ Бруннекъ отсылаетъ къ вамъ
ьмо и осмѣливаюсь приложить къ оному нижеслѣдую-
. По всѣмъ доходящимъ сюда извѣстіямъ, кажется,
Литва и Жмудь хотятъ привять участіе въ конфеде-
ціи. Опасность или безопасность отъ нея для насъ за-
ятъ отъ числа русскаго войска въ тѣхъ странахъ. Гла-
йшее дѣло состоитъ теперь въ томъ: во первыхъ: знать
лько въ тѣхъ мѣстахъ находится русскаго войска, во

вторыхъ: чтобы наши генералы посовѣтовались съ русскими, и подавали бы взаимную другъ другу помощь, коль скоро Поляки тронутся. Въ разсужденіи откомандированія всѣхъ почти изъ южной Пруссіи полковъ, видя Литву, по причинѣ нереведенія войскъ въ южную Пруссію, крайне открытою, такъ, что все свое пространство оборонять сама собою не можетъ; Литва же лутчую часть земли составляетъ, покорнѣйше васъ прошу относительно до первой выше показанной статьи, доставить къ намъ надлежащія и найвѣрнѣйшія извѣстія, а вторую производить въ дѣйство чрезъ Его Высокопревосходительство г-на Г. А. Игельстрома.

О семъ къ крайнему сожаленію, совсемъ не помышлено, а того менѣе о присоединеніи нашего войска съ русскимъ, что по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, кажется мнѣ необходимо нужно. Отъ дѣятельности вашего В-дія ожидать должно хорошаго успѣха; позвольте лишь покорнѣйше просить ни мало не терять времени, потому что при началѣ ихъ проказъ каждый напрасно упущенный день не можетъ быть безъ важныхъ послѣдствій.

Если въ Жмуди находится хоть нѣсколько русскаго войска, а Гродно, Троки и Вильна защищены достаточно а мы дойдемъ до Ковны, то для сей границы довольно, но къ тому нужно взаимное съ обоихъ сторонъ согласіе. Во ожиданіи милостиваго отвѣта и желая вамъ получить пріятныя извѣстія изъ великой Польши, честь имѣю пребыть и пр., подписалъ Шреттеръ.

Кенигсбергъ,
10 Апрѣля 1794.

Его Превосходительство Генералъ Поручикъ фонъ Брюннекъ извѣщаетъ также, что отъ Его Королевскаго Величества вамъ о семъ уже повелѣно.

II.

ОПЫТЪ ИСТОРІИ ЯЗЫЧЕСКОЙ ЛИТВЫ.

I.

Религія Литовцевъ.

Гедимина, Ольгерда, Кейстута и далѣе, у разныхъ ис-
въ, лѣтописцевъ и другихъ любознательныхъ современни-
хъ и не современниковъ, туземныхъ и иностранныхъ,
ается огромная масса матеріаловъ для исторіи Литвы;
е эпоха исторической Литвы. Не такова судьба ея до
нскаго быта! Собирателю исторіи языческой, такъ ска-
до исторической Литвы приходится довольствоваться скуд-
нерѣдко противорѣчащими другъ другу свѣденіями, изрѣдка
ющими на страницахъ историческихъ трудовъ польскихъ
многихъ другихъ) писателей. На основаніи этихъ небо-
и отрывочныхъ источниковъ и составленъ предлагае-
благосклонному и снисходительному вниманію читателей
ника Западной Россіи" нижеслѣдующій „Опытъ исторіи
кой Литвы", въ которомъ сначала будутъ изложены об
нятія, касающіяся данной эпохи и народа, потомъ крат-
обственно прагматическая исторія языческой Литвы.
тя языкъ литовскій, даже во время язычества, былъ въ
ь употребленіи только у простонародья, потому что князья
е усвоили себѣ русскую рѣчь—однако онъ не пересталъ
языкомъ религіи до введенія въ Литвѣ христіанства.
товскою рѣчью обращались къ народу жрецы, принося
арственныя жертвы богамъ и на литовскомъ языкѣ они
, вмѣстѣ съ народомъ, своихъ боговъ.
ежду славянскими племенами больше всего язычество дер-

жалось въ Литвѣ; а еще дальше на Жмуди (до начала XV вѣка). По этой причинѣ до нашего времени больше дошло свѣдѣній о язычествѣ литовскомъ, нежели иныхъ славянъ. Но та религія, которую житель лѣсовъ исповѣдывалъ открыто до XV вѣка, а потомъ еще долгое время тайно,—хотя, вѣроятно, подобно всѣмъ языческимъ религіямъ народовъ, проистекала изъ одного источника, но въ послѣдствіи такъ много заимствовала отъ сосѣднихъ народовъ, что стала разниться у Литвы и жмудиновъ, у пановъ и простолюдиновъ. Отсюда сформировалась цѣлая языческо-литовская религія, изслѣдованіе разнообразнаго характера которой и систематическое изложеніе цѣлой миѳологіи литовцевъ довольно трудно. Попытаемся однако, хоть въ главныхъ чертахъ, обрисовать это исполинское и довольно странной архитектуры зданіе, которое громоздилось и лѣпилось въ разные вѣка, изъ матеріаловъ, приносимыхъ изъ разныхъ странъ.

Въ самой первоначальной религіи литовцевъ, просвѣчивается отрывокъ культа индійскаго и персидскаго; потому что изслѣдованіе ихъ религіи заставляетъ насъ думать, что литовцы съ древнѣйшихъ временъ поклонялись тѣламъ небеснымъ и земнымъ животнымъ. Со временемъ, свои понятія о божествахъ, они украсили заимствованіями изъ миѳологіи грековъ и римлянъ. Доказательствъ тому много найдется въ религіи литовцевъ. По этому-то поводу въ языческихъ воззрѣніяхъ литовцевъ не находимъ тѣхъ дикихъ и варварскихъ понятій, которыми переполнены миѳологіи иныхъ сѣверныхъ народовъ. Рядомъ съ этими заимствованіями встрѣчаемъ нѣкоторые религіозные обычаи, похожіе на кельтскіе и галльскіе, въ особенности въ устройствѣ духовной іерархіи, что они могли заимствовать тогда, когда галлы наводнили всю Европу. Въ первые вѣка христіанства литовцы, въ продолженіи большаго промежутка времени, были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ готѳами и отъ нихъ приняли нѣкоторые обряды, скандинавскія преданія и легенды. Сосѣдство славянъ, съ другой стороны, надѣлило ихъ своими предразсудками и научило ихъ патріархальному гостепріимству. Ко всему этому не мало примѣшалось мѣстныхъ повѣрій и легендъ.

Поклоненіе литовцевъ планетамъ, какъ первообразъ ихъ

религіознаго воззрѣнія, которое существовало въ очень отдаленное отъ насъ время, мало оставило по себѣ слѣдовъ, и только нѣкоторыя данныя подтверждаютъ это предположеніе. Такъ, литовская богиня мудрости *Будте* напоминаетъ индійскаго *Буду или Коросъ*—бога мудрости и вмѣстѣ съ тѣмъ—свѣта и солнца. Плиній говоритъ, что на берегахъ Балтійскаго моря поклонялись Аполлону, то есть солнцу; которое называли Коросъ. Даже до настоящаго времени литовцы, воспѣвая въ своихъ жатвенныхъ пѣсняхъ теплотворный и живительный лучъ солнца, употребляютъ слово *Гору* или *Кору*,—что очень созвучно со вторымъ именемъ Будды 1). Хроники говорятъ, что около 1345 года Ольгердъ приносилъ жертвы солнцу. Нарбутъ говоритъ, что поклоненіе солнцу долго сохранялось между высшими литовскими сановниками и послѣ введенія въ Литвѣ христіанства. Олицетвореніемъ солнца также былъ *Сотваросъ*, называемый еще по литовски *Швайстыксъ* или *Яучобобисъ*. Нарбутъ производитъ имя Сотвара отъ греческаго Сотеръ, которымъ называли бога добра. Въ литовскомъ нарѣчіи тоже находимъ слова, подходящія близко по звуку; такъ: Сутвэримасъ—твореніе; Сутвэроясъ—творецъ; сутвэріо—творю.

Сотваросъ почитался богомъ свѣта, оживляющимъ цѣлую вселенную. По понятію литовцевъ, луна была супругою Сотвара. Остальныя планеты и свѣтила были дѣтьми этихъ супруговъ. Какъ солнце олицетворялось образомъ Сотвароса, такъ луна—богиней *Ляима*, которую величали иногда именами *Лея* и *Менуля*. Какъ солнце считали источникомъ огня, то и тъ-же Сотваросъ, какъ божество этой стихіи, величался также именемъ *Габіе*, и пылкое воображеніе дикарей тотчасъ подобрало приличную форму огню въ образѣ богини *Прауримы* (также: Паленгабія и Матергабія), покровительницы преимущественно священнаго огня. Огонь имѣлъ большое значеніе въ языческой Литвы. Беречь огонь въ хижинѣ поручалось дочери хозяина, которую при выходѣ за мужъ, троекратно обводили вокругъ горящаго костра. Въ капищахъ берегли огонь жрецы и вайделотки, дававшія обѣтъ цѣломудрія. Потухшій

---

1) Нарбуттъ т. I. п. 18, 19, 41.

случайно огонь снова разводили при помощи кремня всегда хранился въ рукѣ Перкуна 1), а небрежныхъ сожигали на кострѣ. При помощи огня людъ очи грѣховъ. Огонь употребляли при гаданьи и въ суди открытія виновнаго. При разведеніи огня въ гумнѣ при печеніи хлѣба, произносилась краткая молитва. ные лепешки пекли, перебрасывая ихъ чрезъ огонь [2]

Земенникасъ или *Курко* былъ богомъ земли. но знать, былъ ли Земенникасъ въ тоже время и бо и въ какихъ отношеніяхъ онъ находился къ Сотваро ли между ими и славянскими богами Бѣло и Чорно скими Оримуздомъ и Ариманомъ и египетскими Оз Тифономъ какого либо тождества или сходства? Кт нію, никто изъ историковъ Литвы не далъ отвѣта н просы, которые важны въ томъ отношеніи, что т бы извѣстно, что литовцы тоже вѣрили въ два нача и зла; и еще до христіанства были заражены ересь съ манихеизмомъ [3]). Вѣрованія въ эти начала во вс чаѣ, не могли самобытно зародиться въ Литвѣ, но с ли занесены отъ другихъ славянъ, какъ о томъ у въ своей книгѣ Петръ, епископъ камарацинскій [4]). ваніе предполагать, что вмѣстѣ съ чествованіемъ (Короса), переселены съ востока на почву литовско гіи греческая Венера и Купидонъ, переименованныя ду и Каулисо и олицетворявшіе тоже культъ красотѣ Хотя кромѣ Сотвароса были еще божества, олицетвор лю, воду, воздухъ, *Курка, Атримпа, Гардел* поклоненіе огню преимущественно было распростран литовцами. Неугасаемый огонь или Зничъ не только на олтаряхъ Перкуна, Курка, Прауримы,—но даже

1) Имѣющій большое сходство съ славянскимъ Перу какъ иные его называютъ, тоже Перкуномъ.

2) Стрыйковскій. Также Нарбутъ т. I.

3) Ученіе персидскаго лжеучителя Манеха или Мана лѣтія; язычеcко-христіанская секта, признававшая два божества: доброе и злое.

4) Petri Episcopi Camaraccnsis de Manicheis Agapiani et Litvania. Нарбуттъ. I т. п. 19.

ны особенные мѣста для чествованія огня, какъ символа безсмертной души боговъ и цѣлой вселенной. Въ этомъ ...іи виднѣется средство миѳологіи Литвы, персовъ и со...анныхъ гвебровъ 1).

Недовольствовался мечтатель—литвинъ этой группой бо... его воображеніе неясно и туманно рисовало ему какое-то ...ѣе, совершеннѣйшее существо. И вотъ, признаки этого ...ства онъ началъ возсоздавать въ разныхъ образахъ. Такъ *...пирмасъ*—божество, имѣвшее начало безъ начала; *Вир...тасъ* у Литвы, *Аукстэясъ-Виссагистэстъ* у жмудиновъ— богъ боговъ. Впрочемъ, Перкунъ считался королемъ бо... неба, земли. повелителемъ вселенной и грома. Во всѣхъ ...ь вымыслахъ проглядываетъ мысль о первомъ и наивысшемъ ...ствѣ, отъ котораго все получило начало.

Перкунъ въ обществѣ Атримпа и *Покла* составляетъ от...ную группу языческой вѣры литовцевъ. Эти три божест... будучи даже девизомъ народнаго пруссовъ знамени, вмѣстѣ ...ые, составляютъ какое-то одно цѣлое, какую-то троицу ...ества; которая была символомъ неба, земли и ада; также: ...и, смерти и вѣчности. Въ этой троицѣ видно подражаніе ...йской троицѣ: Брамы, Вишну и Шивы, или славянскому ...лаву, имѣвшему власть надъ небомъ, землею и адомъ. На ...рѣ этихъ божествъ горѣлъ неугасимый огонь. Все таки ...кунъ пользовался гораздо большимъ почетомъ и благоговѣ...ь въ Литвѣ; въ чемъ ясно видно сходство понятій литов..., и языческихъ славянъ о которыхъ Прокопій, писатель ...ѣка говоритъ: „unum Deum, fulgnris effectorem, agnoscunt“.

Къ вышеупомянутымъ понятіямъ литовцы присоединяли еще ...ъ догматъ, проведшій рѣзкую черту между религіозными воз...ніями ихъ и славянъ. Изъ Прокопія знаемъ, что славяне ...вѣрили въ фатализмъ: „Fatum minime norunt ne illi in mor... aliquam vim adribunnt“. У Литвы напротивъ, *Прамжи...ъ* или *Прокоримасъ*, а у Литвы *Литкенсъ* были оли...ореніемъ предопредѣленія; которое управляло судьбою лю... свѣта и даже боговъ. Въ низшей степени эту власть при...ывали богинѣ *Лаймѣ* (которую также называли: *Менуле*,

---

1) Послѣдователи ученія Зороастра; поклонники огня.

Леля, Кунимерчесъ и *Медзяйма)* отъ которой преимущественно зависѣла судьба женщинъ. Вѣра въ предопредѣленіе до того была распространена и такъ срослась съ жизнію и понятіями литовцевъ, что и по настоящее время оно сохранилось въ простонародьи у Литвы. Предопредѣленію приписывали многія явленія природы: землетрясеніе, потопъ, о которомъ ходило между народомъ смутное и не ясное преданіе, напоминающее описаніе потопа Девкаліона и Ноя.

Религія литовцевъ, подобно всѣмъ язычествамъ, подверглась одинаковой съ ними участи, и съ своею миѳологіею прошла всѣ фазы и колеи, какими проходили иныя языческія реліи. Едва сталъ проясняться разумъ и общій понятія раздѣляться на отдѣльныя вѣтви и отпрыски, созданія миѳическія стали тратить свое первоначальное единство, свою цѣлостность; стали распадаться на большее число мелкихъ частей: семья боговъ стала увеличиваться. На сколько уменьшались могущество и власть, въ мнѣніи люда, перворазрядныхъ божествъ, на столько увеличивалось вѣрованіе въ подначальныхъ имъ духовъ. Особенности и нужды разныхъ мѣстностей, были поводомъ преимущественнаго чествованія въ разныхъ мѣстахъ, разныхъ божествъ. Такъ, у литовцевъ, жившихъ по берегу Балтійскаго моря, пользовались особеннымъ уваженіемъ покровители мореходства и рыболовства—*Атримпосъ* и *Гардельдисъ*. Племена, жившіе внутри страны больше чтили бога озеръ *Эзеринисъ* и богиню рѣкъ—*Упину*. Разсматривая литовскую миѳологію, видимъ, что все деревенское хозяйство, избы, хлѣвы, конюшни, домашнія животныя, пчелы, разныя земледѣльческія работы, посѣвы, хлѣбъ, растенія,—преимущественно красильныя,—ленъ, фруктовыя деревья,—въ особенности вишня,—ремесла, важнѣйшія эпохи жизни человѣка отъ его рожденія до самой смерти,—война, народныя качества, страсти имѣли особыхъ боговъ покровителей и духовъ. Наконецъ, каждый человѣкъ имѣлъ своего отдѣльнаго хранителя, генія. Такими-то созданіями вымысла, которыхъ имена, свойства и обряды поклоненія имъ описали изслѣдователи литовской миѳологіи: Гарткнохъ, Стрыйковскій, Ласицкій, Стендеръ, Нарбуттъ и др.,—наполнились жилища литовцевъ, поля, луга, лѣса, рощи, озера, рѣки, ручьи, горы, внутренность земли и воздухъ. Сло-

есь свѣтъ былъ такъ переполненъ ими, что литовецъ
домъ шагу видѣлъ своихъ покровителей боговъ; злыхъ
ыхъ гномовъ 1), нимфъ, сатировъ, гемадріадъ, духовъ
ныхъ, воздушныхъ, какихъ то страшилищъ вредныхъ,
, геніевъ злыхъ и добрыхъ. Панамъ покровительство-
Маркополи; бѣднякъ крестьянинъ молилъ своего
йтыса, начальника гномовъ и взывалъ въ пѣсняхъ къ
ци, богинѣ волности, чтобы она сама сошла съ неба
ить его недолю. У литовцевъ также и латышей, каждый
тъ, имѣвшій своего бога, имѣлъ и соотвѣтственную бо-
Поэтому легко себѣ представить какъ длинна была
а, чтимыхъ литовцами божествъ! Сверхъ того, у нихъ
какія-то таинственныя божества, которыхъ свойства и
за остались не извѣстны изслѣдователямъ литовской ми-
. Быть можетъ эти божества пользовались особымъ
мъ и уваженіемъ только какихъ либо братствъ или
ныхъ личностей, посвятившихъ себя этимъ божествамъ и
веннымъ ихъ чествованіямъ. Храмы такихъ божествъ и
въ [1]) были въ Вильнѣ и Трокахъ.
огда, такимъ образомъ, вся литовская миѳологія превра-
въ обширную іерархію боговъ и богинь, первостепенныхъ
подначальныхъ, съ приличною свитою полу-божковъ и
, тогда-то невѣжество, помраченное лживою набожностію,
дая свои первоначальныя религіозныя понятія, ввело по-
іе фетишамъ. Жабы, ящерицы, змѣи, въ особенности
ыя, которыя были символомъ бога *Аушлявиса,* покро-
литовскихъ эскулаповъ,—даже камни и, вѣроятно, еще
иныхъ предметовъ одушевленныхъ и не одушевленныхъ
редметами преимущественнаго поклоненія въ нѣкоторыхъ хра-
покровителями знатныхъ родовъ. Многія семейства, многія
ости и нѣкоторыя отдѣльные личности имѣли своихъ отдѣль-
фетишей, къ которымъ они обращались съ нарочитою
овѣйною молитвою. Ко всему этому добавимъ, что все,
олько имѣло какое либо отношеніе къ религіи: жрецы,
, жертвенники, храмы, развалины, нѣкоторыя горныя вер-

Кабалисты давали такое названіе духамъ, живущимъ въ зем-
хранящимъ сокрытыя въ ней сокровища.

шины, озера, рѣки, рощи, отдѣльныя деревья, въ особенност дубы,—все это дѣтьми лѣса считалось предметами святости Кромѣ того, литовцы были знакомы съ миѳологическими мета морфозами, память о которыхъ дошла до насъ въ пѣсняхъ легендахъ. Такъ, одна изъ легендъ оканчивается тѣмъ, чт мать превратилась въ ель; два сына ея—въ дубъ и ясень, дочь—въ осину. Другая легенда оканчивается тѣмъ, что хо рошенькая литовка превратилась въ плакучую иву.

Хотя религія литовцевъ была обильна богами и совреме немъ упала до поклоненія фетишамъ, однако она заключала в себѣ нѣкоторые зародыши доброй нравственности главнѣйшими из нихъ были: вѣра въ безсмертіе души, будущую жизнь, наград и наказаніе за грѣхи послѣ смерти. Первое понятіе о без смертіи души, нужно предполагать, литовцы заимствовали из метапсихозиса, т. е. изъ языческаго ученія о переселеніи душ по которому души умершихъ переходятъ въ животныхъ зе ныхъ, водяныхъ и воздушныхъ; а потомъ опять вселяются в людей. Это ученіе, очевидно заимствовано отъ индійцевъ. В мнѣніи народа долго еще сохранялось повѣрье, что душа ребенк или помѣшаннаго человѣка, какъ неимѣющая достаточнаго со вершенства для жизни вѣчной, не достойна ни наказанія, н награды, а потому осуждается скитаться въ верхнихъ слоях атмосферы, пока не наступитъ назначенная ей пора оживит другое тѣло. Объ этомъ вѣрованіи литовцевъ упоминаетъ в своей хроникѣ польши Викентій Кадлубка, жившій въ XIII вѣ кѣ. Но его современникъ, хроникеръ, ливонцевъ, Дуисбург а потомъ Стрыйковскій не упоминаютъ о метапсихозисѣ. Из этого слѣдуетъ заключить, что при частыхъ сношеніяхъ литов цевъ съ европейскими народами, ихъ азіатскія понятія со вре менемъ приняли форму болѣе или менѣе европейскую. Впро чемъ, у ядзвинговъ, какъ говоритъ тотъ же Кадлубка, вѣ рованіе въ переселеніе душъ существовало до XIII вѣка. Ли товцы вѣрили въ жизнь будущую, но вѣрили по своему. П ихъ мнѣнію и за гробомъ существовало сословное различіе. По этому съ тѣлами князей, магнатовъ и бояръ сожигаемы бы ихъ прислуга, кони, собаки, соколы, наряды и полный рыца скій приборъ, съ убѣжденіемъ, что они воскреснутъ для т же дѣятельности, въ томъ же величіи и блескѣ съ какимъ со

ы. Богачъ надѣялся быть богатымъ послѣ смерти; бѣд-
ъ льстилъ себя надеждой, что безъ тяжелой брони и мно-
исленной свиты, ему, одинокому, легче будетъ отъ богача
ебраться чрезъ крутую гору,—*Анафіелясъ*,—которая ве-
ь въ жизнь вѣчную, и на которой совершается окончатель-
судъ, что свободный отъ гнета нѣмца, ляха, русина и
его магната, можетъ, доступить вѣчной радости и покоя.
дей добродѣтельныхъ, храбрыхъ воиновъ, искреннихъ въ
жбѣ ожидали по смерти, въ обществѣ боговъ, разныя фи-
ескія наслажденія: красивыя жены, хорошія платья, застоль-
бесѣды и бѣлый напитокъ 1)—и сверхъ того, господство
ъ нѣмцами, которые, какъ распространители мечемъ и
емъ, христіанства, были смертельными ихъ врагами. Винов-
ъ ожидалъ адъ,—*Прагарасъ*, гдѣ жестоко съ ними рас-
влялся неумолимый *Поклусъ*. Онъ былъ страшилищемъ и
зою литовца, жрецы умѣли ловко пользоваться набожнымъ
вѣріемъ люда для пріобрѣтенія большаго надъ нимъ вліянія.
дъ тѣнями умершихъ имѣла также нѣкоторую власть богиня
ности, *Велгсна*.

Набожные литовцы хоронили умершихъ торжественно, съ
ршеніемъ разныхъ религіозныхъ обрядовъ. Установленъ
ъ трауръ, назначены были особенные дни, называемые по
овски *хаутурей*. 2), по русски—*дзяды*, въ которые по-
али умершихъ молитвами, подаяніемъ, нанятыми плакальщи-
и и хвалебными пѣснями, которыя назывались *Раудами*.
льшимъ грѣхомъ считалось оставить непохороненными тѣла
шихъ въ битвѣ воиновъ, которыхъ тѣни витали въ рощахъ
есныхъ. За такой проступокъ разгнѣванные боги наказыва-
цѣлую страну неурожаемъ, моромъ и голодомъ.

Многочисленность боговъ дала поводъ большому разнообра-
обрядовъ, молитвъ, жертвъ, которыми праздновали торжест-
установленныя въ честь каждаго изъ нихъ. Въ жертвы

---

1) Подъ этимъ именемъ нужно подразумѣвать или медъ, при-
овляемый изъ такъ называемаго липца (липовый), или *алусъ*—
о, можетъ быть, даже кобылье молоко, которое употребляли
овцы.

2) У бѣлоруссовъ, отчасти и у литвиновъ по настоящее время
инки называютъ *хаутурами*.

приносились разныя животныя; но подвергались сожже
ко голова и внутренности; остальные части жарились
истребляемы людомъ, собравшимся къ моленію. Разумѣ
ному и голому народу доставались на долю обгорѣлі
кости,—болѣе же лакомыя части исчезали въ желудкахъ
жрецовъ. Подземнымъ богамъ и второстепеннымъ духамъ
жертвы хозяйственными продуктами, съѣстными припасам
ками, и приносимое не сожигали. Необходимыми принадле
каждаго приношенія были хлѣбъ и алусъ. Низшаго
жертвы посвящали богамъ *Вуршайтосы*, средняго—
лошы; болѣе важныя—мѣстный *Креве* и самыя то
ныя,—непосредственно самъ *Креве-Кривейто*. Пос
жертву богамъ обыкновенно украшалъ голову свою в
облачался въ бѣлую одежду. Кровью жертвы, а ес
симое были продукты, то чистою водою, окропляла
щійся людъ. Годичные праздники, случайныя торжест
ды, народныя бѣдствія были поводомъ благодарственны
лостивительныхъ и гадательныхъ жертвъ. Заслужива
манія жертвоприношеніе козла, которое совершали въ
да. При этомъ вайделотъ читалъ наставленіе женщ
мужчинъ, по примѣру католическихъ ксендзовъ, испов
Очевидецъ такого обряда въ 1520 году былъ Груно,
XVI вѣка.

Принесеніе въ жертву людей не было чуждо л
Младенцевъ приносили въ жертву Атримпу. Месть
можно было смягчить только человѣческою кровью.
торжествовали сожженіемъ плѣнныхъ. Часто иные до
себя обрѣкали на смерть, лишь бы умилостивить р
ныхъ боговъ. Впрочемъ эти варварскіе обряды, заи
ные отъ готовъ, вышли изъ употребленія раньше пад
чества. Послѣдній случай принесенія въ жертву плѣнн
въ 1365 году. Поклусъ еще раньше дозволилъ умил
себя кровью вайделота, который наносилъ себѣ рану
тельное вознагражденіе. Принесеніе въ жертву дѣтей е
ше оставлено. За то неугасаемые Зничи на алтаряхъ
мы, Курка, Перкуна, были потушены лишь христіанс

Стражемъ вѣры было духовенство, во главѣ кото
ялъ *криве-кривейто*, жрецъ жрецовъ. Потомъ—*кр*

лоты и *вайделотки* 1), жрецы и жрицы, посвященныя и посвятившіе всю жизнь и дѣятельность исключительно какому либо божеству, такъ *сигенотти*—бога Атримпа; *потиникасъ рагутени*—бога Рагута, жрецы и жрицы особенныхъ обрядовъ, напримѣръ: *лингуссонесъ* и *тиллусонесъ*—похоронъ, *алгонесъ*—браковъ и прислужники при жертвоприношеніяхъ—*гршайтосъ*. Къ кастѣ, имѣвшей близкія отношенія къ религіи можно отнести литовскихъ бардовъ—*буртиникасъ*, *бурте*, потому что въ своихъ пѣсняхъ они прославляли Сотвара. Съ упадкомъ язычества они потеряли свое значеніе. Изъ бардовъ, воспѣвавшихъ героическіе подвиги боговъ, они снизошли до значенія простыхъ пѣснопѣвцевъ, а въ позднѣйшее время имя буртиникасъ и бурте считалось даже низкимъ, имѣвшимъ смыслъ чародѣя и чародѣйки.

Хотя каждый жрецъ былъ въ то же время прорицателемъ, а самъ креве-кревейто—живымъ оракуломъ, однако кромѣ ихъ было большое множество и подъ разными названіями гадальщиковъ, чародѣевъ, ворожей, занимавшихся предсказываніемъ будущаго и лѣченія люда. Отличительнымъ знакомъ духовной особы отъ мирянина былъ бѣлый поясъ, который надѣвался наверхъ одежды. При совершеніи религіозныхъ обрядовъ, духовенство облачалось въ особенные костюмы, присвоенные каждому сану. Низшее духовенство содержалось на добровольныя приношенія, а креве-кревейто получалъ содержаніе отъ правительства; кромѣ того, ему предоставлялась третья часть военной добычи. Судя по мнѣнію историковъ, вся духовная іерархія литовцевъ не составляла отдѣльной касты, какъ то было въ Индіи и Египтѣ. Здѣсь каждый изъ духовныхъ, не исключая самаго креве-кревейты, зависѣлъ отъ выбора вайделотовъ. Прислужники, гадальщики добровольно принимали на себя эти занятія. Одни только вайделоты, какъ многіе думаютъ, составляли отдѣльную касту, и нигдѣ не встрѣчается намѣка, чтобы кто либо имѣлъ власть посвящать мірянъ въ вайделотовъ, тогда какъ отъ ихъ выбора зависѣло все духовенство.

Креве-кривейто всегда избирался одинъ; власть его распро-

---

1) Вайделотки (наши монахини) были прислужницами въ храмахъ только богинь, наприм. Прауримы, Мильды и друг.

странилась на всю Литву. Первоначально столица его была въ
сіи и называлась Ромново. Креве-кривейто рѣдко являл
роду и очень трудно было получить у него аудіенцію
мѣрѣ распространенія христіанства, столица верховнаго
переносилась съ одного мѣста въ другое. Въ Пруссіи о
ла въ трехъ мѣстахъ; потомъ ее находимъ въ Литвѣ,
паденіи Дубиссы въ Нѣманъ; вслѣдъ за симъ была пере
въ мѣсто гдѣ впадаетъ Невяжа въ Нѣманъ. Въ XIII
встрѣчаемъ ее въ Керновѣ, и потомъ въ Вильнѣ. Креве
вейто давали обѣтъ безженства. Однако Стрыйковскій
ритъ, что одинъ изъ нихъ, именно Лездейко, былъ ж
Можетъ быть, впослѣдствіи правила и уставы язычеств
редъ его паденіемъ, потеряли свою первоначальную силу.
язычество было въ силѣ, власть и значеніе верховнаго
были обширны. Онъ имѣлъ вліяніе на дѣла не только
ныя, но и гражданскія, былъ главнымъ жрецомъ, главны
дьей; былъ прорицателемъ и отцемъ народа, побуждалъ к
нѣ и предлагалъ миръ, принималъ дѣятельное участіе в
треннихъ дѣлахъ княжествъ и въ семейныхъ дѣлахъ князей.
цы его, снабженные особеннаго вида жезлами, которые
ихъ неприкосновенными, безопасно пробѣгали весь край,
ся его приказанія или собирая нужныя для него свѣ
Первые креве-кревейты до того были проникнуты своею
кою обязанностію и назначеніемъ, до того подвинули сво
лигіозную восторженность, что за грѣхи люда нерѣдко пр
ли себя въ жертву и добровольно всходили на костры
позднѣйшее время не встрѣчается такого высокаго самоп
вованія; напротивъ, чтобъ сохранить свое вліяніе на
креве-кривейты не рѣдко позволяли себѣ обманъ и пошл
куссы, въ чемъ много способствовали имъ вайделоты, вайд
и гонцы, посредствомъ которыхъ собирались всѣ новости
жества. Политическіе перевороты и возраставшее могу
князей были причиною ослабленія власти верховнаго
У самогитовъ достоинство кривейты существовало до X
ка; послѣднимъ изъ нихъ былъ тамъ нѣкто Гинтовтъ, у
въ 1413 году.

Духовными начальниками извѣстныхъ округовъ были
Они жили въ болѣе модныхъ селѣніяхъ и въ мѣстахъ, пос

особенному чествованію боговъ, гдѣ приносились ими жер-
Кромѣ духовныхъ своихъ обязанностей, на нихъ лежала
ность разбирательства гражданскихъ дѣлъ, сбереженіе об-
еннаго богатства, которое частныя лица сносили на со-
іе въ капища,—и охраненіе семействъ, укрывавшихся у
во время смутъ и войнъ. Увѣренность въ цѣлости хра-
имущества у духовенства просуществовала до эпохи
янства. Капиталы малолѣтнихъ постоянно хранились въ
тѣ виленскаго храма. Отдавать же на ростъ деньги счи-
грѣхомъ у литовцевъ.
айделоты (по литовски: вейдасъ—истуканъ, лотасъ—об-
ель) имѣли громадное значеніе. Они находились при каж-
вятыни, какъ помощники креве. Всякое болѣе модное
имѣло нѣсколькихъ вайделотовъ. Имъ дано было пра-
иносить жертвы каждому порознь и нѣсколькимъ вмѣстѣ
и исполнять всѣ духовныя требы. Они-то преимущест-
употреблялись верховными жрецами вмѣсто гонцевъ и
ли по цѣлой Литвѣ. При ихъ помощи удавалось креве-
йтамъ творить ложныя чудеса и укоренять въ народѣ мнѣ-
го верховный жрецъ находится въ сношеніи съ богами,
у извѣстна будущность живыхъ и судьба мертвыхъ, что
остоянно видитъ души, отправляющіеся на тотъ свѣтъ.
лоты были учителями народа, которому, во время тор-
ь, сообщали правила вѣры, они восхваляли боговъ и сла-
дѣла богатырей народныхъ. Къ вайделотамъ обращались
къ предсказателямъ, лекарямъ, къ нимъ обращались за
омъ, въ нихъ искали утѣшенія и успокоенія въ горѣ. Тѣ
были самыми кровопролитными, къ которымъ людъ былъ
ваемъ вайделотами во имя боговъ. При каждомъ набѣ-
айделоты были неотступными товарищами вождей. Они
счисленіе года и устраивали календари.
ѣкоторые утверждаютъ, что духовно-свѣтская власть кре-
вейты и установленіе святыни въ Ромново было прямо за-
овано изъ готскихъ и скандинавскихъ обычаевъ, потому
ь старой шведской Упсали, какъ и у литовцевъ, жилъ
ь, блюститель права и въ тоже время верховный жрецъ.
псали, какъ и Ромновѣ, стояли истуканы трехъ боговъ,
вчно зеленѣющимъ дубомъ, окруженные дубовою рощею.

Даже жезлы креве-кривейты, его кревовъ и вайделотовъ, называвшіеся по литовски *бутгстункасъ, бутгстасъ и бутасъ* имѣютъ скандинавскій звукъ и напоминаютъ *бутстике* жезлъ дуньскаго короля. Нѣтъ сомнѣнія, что литовцы не одинъ предметъ заимствовали у скандинавовъ. Однако характеръ цѣлой ихъ іерархіи духовной болѣе схожъ съ іерархіею кельтскаго или гальскаго, нежели съ скандинавскою. Іерархія друидовъ, подобно литовской, имѣла одного духовнаго владыку, но раздѣлялась на три класса. Первый составляли собственно друиды, которыхъ названіе происходитъ отъ дубовыхъ лѣсовъ гдѣ они вели уединенную жизнь. Они изучали правила нравственности своей теологіи, законы страны и были высшими судьями. Ко второму—прорицатели и гадальщики. Эти не избѣгали сношенія съ прочими сословіями, изучали естественные предметы, физіологію, исполняли обязанности авгуровъ и жертвоприносителей. Третій классъ, состоявшій изъ бардовъ, былъ орудіемъ двухъ первыхъ. Разсыпанные по цѣлой странѣ, они воспѣвали ученіе друидовъ, качества народа, были неразлучными товарищами воиновъ, знатныхъ и богатыхъ, ихъ голосъ, ихъ пѣсня имѣли громадное вліяніе не на одно политическое событіе.

Сообразивъ все сказанное, можно предложить вопросъ: не было ли въ централизаціи власти духовной, въ подраздѣленіи духовенства и власти между ними, что либо похожаго въ Литвѣ? Впрочемъ религія галловъ многимъ разнится отъ литовской; напр. галлы не поклонялись истуканамъ.

Святыни литовскія какъ у галловъ, были подъ открытымъ небомъ, среди рощъ дубовыхъ. Величественный и громадный дубъ,—опоясанный оградою,—у ногъ его жертвенный алтарь и три истукана трехъ главныхъ боговъ: Перкуна, Атримпа и Покла, составляли святыню; такими описываютъ хроники всѣ Ромновы. Такая святыня была въ Вильнѣ на Святорогу, гдѣ только добавочныя строенія,—часовни, погреба,—были подъ кровлями. Объ одной только святыни на Антоколѣ, виленскомъ предмѣстіи, которое называлось Антосъ (отсюда произошло названіе этого предмѣстія, состоящее изъ двухъ литовскихъ словъ антосъ и калнасъ гора), предназначенной для всѣхъ боговъ,

---

1) О нихъ я скажу впослѣдствіи.

ворить Стрійковскій, что она состояла изъ „зала", слѣдовательно была покрыта кровлею. При святыняхъ сожигались тѣ умершихъ богачей и магнатовъ. Бѣдняковъ и простолюдивъ хоронили въ землѣ, въ деревянныхъ гробахъ.

Изъ всего сказаннаго о религіи литовцевъ видно, что она, ѣщая въ награду лучшую жизнь за боязнь боговъ, за добрыя зла въ отношеніи къ родинѣ, ближнимъ и самому себѣ, или рожая грѣшникамъ местью неумолимаго Поклуса, заключала себѣ задатки нравственности. полезныя для человѣка. Чрезъ лу и вліяніе верховнаго жреца; о которомъ думали, что онъ ъявляетъ волю боговъ, также-чрезъ энергичную дѣятельность о подчиненныхъ, язычество въ свое время было непоколебимо, правительство, при посредствѣ того же духовенства, въ своъ предпріятіяхъ имѣло всегда охочую помощь и слѣпую порность народа. Религіозному воодушевленію обязаны Миндовгъ Гедиминъ спасеніемъ страны. Язычество давало силу хаактеру въ трудную минуту испытаній и бѣдствій; вѣра въ редопредѣленіе—не мало храбрости въ пылу боя. Правда, ѣкоторые обряды были варварскіе, требовавшіе человѣческихъ ертвъ; самоубійство не было предосудительно, месть считалась бязанностію и доблестію; но и любовь къ человѣчеству не ыла чужда этой религіи. Боги дружбы, гостепріимства, приирения и иныхъ соціальныхъ качествъ имѣли множество своихъ оклонниковъ. Изъ литовской миѳологіи видно, что это язычетво приносило общественной жизни удовольствіе, собирая часто юдъ на празднества, оканчивавшіеся пиршествомъ, которыя, прочемъ, обходились безъ ссоры, драки и разврата. Религія товцевъ имѣла вліяніе на народную нравственность; скромность енщинъ высоко цѣнилась. Зато суевѣріе народа поддерживаось религіею и духовенствомъ изъ корыстныхъ видовъ послѣдихъ. Литовецъ безъ ворожбы и гаданья ни къ какому не риступалъ дѣлу. Чѣмъ было ближе время паденія язычества, ѣмъ больше усиливалось суевѣріе и кудесничество. Тогда-то буртиникасъ, со своимъ чародѣйствомъ, заступилъ мѣсто поэтическаго барда.

II.

Вооруженіе, способъ веденія войны.

Мало было порядка въ войскѣ и его вооруженіи,
товцы покидали свои дебри только для грабежа сосѣдей.
ковскій, говоря о набѣгѣ Эрдзвилла Монтвиловича на
вольно мѣтко описываетъ литовское войско. «Эрдзвилл
ритъ этотъ хроникеръ, построилъ свое войско поротно
чивъ мѣста знаменщикамъ и трубачамъ съ длинными
скими трубами; обозъ, состоявшій изъ скрипучихъ
поставилъ отдѣльно. Все рыцарство, вмѣсто доспѣховъ
цырей, было одѣто въ шкуры зубровъ, волковъ, медвѣд
сей; мало кто носилъ выдѣланную шкуру. Оружіе во
ставляли: простой лукъ, копье, дротикъ, обоженныя палк
ща. Сѣдло изъ дуба, безъ подстилки и вальтрапа,
недоуздки изъ лыка,—и только у гетмана—плохенькая
Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ, что лито
меши (острія, наконечники въ плугѣ), добытые ими наб
Руси, перековывали на острія къ копьямъ, дротикамъ
ламъ. Послѣ этого неудивительно, что полоцкіе князь
мая литовскихъ охотниковъ на службу, вынуждены
свой счетъ одѣвать и вооружать ихъ. Это первоначал
оружение было скоро измѣнено. Со временъ Рынгольда
ловинѣ XIII в.), они стали вести постоянныя войны,
мецкими рыцарями, Русью, Польшею и татарами, или
вая свободу и неприкосновенность своего язычества, ил
ясь удержать въ своихъ рукахъ захваченныя ими
Это вынудило ихъ обратить вниманіе на военное ис
вооруженіе и заимствовать у своихъ враговъ лучшее
отношеніи. При Гедиминѣ, литовское войско состояло
хоты и конницы. Первое было вооружено копьями, рог
стрѣлами, дротиками, пращами; конница имѣла сабли
Пращниковъ и вообще пѣхоту помѣщали между кавалер
подкрѣпленія послѣдней, которая старалась разорвать
строй непріятеля. Лукъ и стрѣлы, которыя литовцы,
заимствовали у татаръ, были обычнымъ оружіемъ цѣлаг
кромѣ того литовцы употребляли стрѣлы, напитанныя
только въ 1512 году это варварское оружіе уничтожи

антинъ Острожскій 1). Самострѣловъ или арбалетовъ [2])
цы не знали до XIII вѣка. Это видно изъ хроники Ду-
га, который, описывая пораженіе рыцарей прусскихъ и
ндскихъ въ 1260 году, говоритъ, что одинъ литвинъ,
на полѣ битвы натянутый самострѣлъ, надѣлъ его себѣ
ю и, не зная употребленія этого оружія, по неосторожно-
тронулъ спускъ и тетива перерубила ему шею.

ь половины XVI вѣка самострѣлы и кушбелты [3]) были
тны литовцамъ. Кушбелтами Ольгердъ поразилъ татаръ
иниxъ водахъ въ 1351 году. Въ сраженіи подъ Руда-
ь 1370 году стрѣла съ такого лука смертельно ранила
це магистра крестоносцевъ—Шиндекопфа. Къ рукопаш-
оружію принадлежала также мачуга, такимъ оружіемъ
убитъ магистръ крестоносцевъ Мейнгардъ изъ Кверфурта,
298 году. Большіе щиты, о которыхъ упоминаютъ лѣто-
еще со временъ Гедимина употребляла пѣхота; а конни-
ншіе, какой видимъ на литовскомъ гербѣ, называющемся
нь". Желѣзныя кольчуги, которыя въ то время были во
цемъ употребленіи у другихъ народовъ, вѣроятно, были
ы не однимъ изъ знатныхъ литовцевъ. Однако, кто не
шлема съ панцыремъ и наплечниками, или сѣтчатой изъ
юки рубахи, съ такимъ же чепцемъ, и кольчуги, для то-
прежнему служили звѣриныя шкуры и войлочныя шапки:
авшіеся *неромками*, потому что ихъ трудно было разру-
Объ употребленіи литовцами пушекъ впервые, упоминает-
дъ 1382 г.,—при осадѣ Юрбурга,—гдѣ Кейстутъ билъ
не одними тарапами, но и большаго калибра пушками.
этого видимъ, что литовцы очень рано познакомились съ
омъ. Впрочемъ, неуклюжіе пищали были введены во все-
употребленіе гораздо позже.

Военная тактика литовцевъ измѣнялась постепенно. Пер-
ально, когда литовцы покидали лѣса для набѣговъ и до-
все дѣло состояло въ быстротѣ нападенія. Неожиданно

Нарбутъ т. IV. п. 98.
Лукъ съ желобомъ, въ который кладется стрѣла.
Лукъ громадныхъ размѣровъ, бросавшій стрѣлы на далекое
ояніе.

напасть, разсыпаться по окрестнымъ селеніямъ, быстро о
страну и еще быстрѣе удрать съ добычей, въ свои лѣса
лота считалось дѣломъ самымъ воинственнымъ; только
мую критическую минуту, они становились лицемъ къ л
непріятелемъ. Стрыйковскій такъ описываетъ тогдашнее
ное состояніе литовцевъ: „въ домахъ, за трудными перел
рѣкъ, лѣсовъ, озеръ, въ непроницаемыхъ дебряхъ и бо
какъ въ недоступныхъ замкахъ, они преспокойно жили.
бы кто захотѣлъ въ этихъ трущобахъ напасть на них
легче было бы сразиться съ самымъ опытнымъ и хитры
тивникомъ; потому что здѣсь ему пришлось бы сражат
непобѣдимымъ противникомъ-голодомъ и съ невзгодами п

Въ XIII вѣкѣ обычаемъ было у литовцевъ строить
въ три шеренги. Это видно изъ волынской хроники, к
описываетъ битву вождя Миндовга Кандизата Товдяи
при городѣ Невблѣ, въ 1358 г., съ княземъ Василь
его сыномъ Владиміромъ, говоритъ: „Литва же бяше пр
рѣ....... и сѣдоша въ три ряды защиты, по своему нор
(1) Потомъ, вѣроятно, они измѣнили это построеніе, ил
дали къ нему еще новое; такъ мы читаемъ, что войско
мина не въ три шеренги строилось, но становилось въ
тыхъ колонахъ и прикрывалось большими деревянными
На водѣ литовцы не разъ сражались съ крестоносцами
нихъ ладьяхъ, баркахъ и лодкахъ. Обыкновеннымъ
боя была рѣка Нѣманъ. Съ того времени какъ литов
своихъ набѣгахъ, стали нанимать татаръ, легкая конниц
слѣднихъ построившись въ полумѣсяцъ, во главѣ цѣлаг
ства, начинала сраженіе, подъѣзжая къ непріятелю въ
ную и стрѣляя по немъ; а потомъ, прикидываясь бѣ
скрывалась за колоннами, которые опрокидывали неп
разстроеннаго перестрѣлкой татарской конницы. Такимъ
бомъ Гедиминъ началъ съ крестоносцами сраженіе подъ
въ 1319 году и разбилъ ихъ на голову. И сами
въ борьбѣ съ татарами дѣйствовали по ихъ способу; то
дѣлили свое войско на три изогнутыя колонны, которыя
ли въ одну линію, одну отъ другой на нѣкоторомъ разс

1) Карамзинъ, т. IV.

а непріятельская масса, плотною стѣною, бросалась на , то колонны рубили непріятеля съ двухъ сторонъ. Такимъ бомъ Ольгердъ разбилъ татаръ при Синихъ водахъ въ году. Когда военныя операціи литовцевъ сдѣлались бообширными, тогда войско, для переправы чрезъ рѣки, имѣсегда при себѣ лодки, сшитыя изъ зубровыхъ шкуръ, ко были такъ легки, что два человѣка съ легкостію могли ихъ. Для непроницаемости воды, швы покрывались ымъ слоемъ сала. Въ крайности, они по татарскому обы умѣли переправляться чрезъ самыя широкія рѣки, держась ми за конскіе гривы или за хвосты. Такъ они сдѣлали 384 году, переправляясь за Вислу подъ Завихвостомъ. виллъ, одинъ изъ начальниковъ конницы, первый подалъ примѣръ. Набѣги за грабежомъ и страхъ потери наменнаго подали литовцамъ мысль, при отступленіи, защися за подвижнымъ обозомъ. Такъ, въ 1270 году, возщаясь съ набѣга на островъ Эзель, до котораго добрались по замерзлому льду, окружили себя запряженными санями били нѣмцевъ, которые хотѣли отбить у нихъ добычу.

Вѣроятно, отъ рыцарей литовцы выучились строить замки камня и кирпича, брать и защищать ихъ. Въ XIII вѣкѣ знали уже употребленіе тарана для разбиванія стѣнъ,—балы и катапульты для метанія камней большихъ размѣровъ и далекое разстояніе и умѣли вести подкопы; а въ 1278 г. йденъ устроилъ подвижныя башни, на вершинѣ которыхъ щалось войско и овладѣлъ нововыстроеннымъ ливонцами омъ Динабургомъ. Впрочемъ, они всегда предпочитали неное нападеніе продолжительной и многостоящей осадѣ. До ой степени литовцы были знакомы съ военнымъ искуствомъ началѣ княженія Ягайлы, это видно изъ описанія взятія нововыстроенной ливонцами крѣпости Ковна, въ 1384 г., осадѣ которой они даже употребляли цирвумвалаціонныя и довольно ловко дѣйствовали орудіями. Командоръ, ося объ этомъ несчастіи коллегіи кардиналовъ, нарекаетъ русскихъ, которые снабдили литовцевъ огнестрѣльнымъ оруъ и пишетъ: „Propter..... machinarum jaculorum, bambarda et aliorum instrumentorum, quibus callida nimis et dolosa chiticorum de Russia machinatione, suffulti erant, resistentiam,

transire cum exercitu nequivi, auxilium ferre non potui." Въ
щиту своихъ крѣпостей они устраивали маскированные п
пы, въ которые проваливался подступающій непріятель.
на стражу замка дѣлалось нечаянное нападеніе и она в
силахъ была долго защищаться, тогда на стѣнахъ зажига
сигнальные костры изъ соломы и на этотъ знакъ собира
жители всѣхъ окрестныхъ селъ для отрѣзанія пути отступ
непріятелю. Среди простого народа и до нынѣ осталось
даніе, что въ замкахъ, называвшихся по литовски *Тве*
устраивали сигнальный колоколъ, для подачи знака тр
стражѣ и окрестнымъ жителямъ. Даже былъ богъ тре
называвшійся по литовски *Вартосъ*, что въ переводѣ зн
колоколъ. Такіе колокола преимущественно употреблялись
балтійскими литовцами и пруссами, у которыхъ они назыв
гумби. *Вадимасъ*, — такъ назывались стражи грани
замковъ; во время осады многіе изъ нихъ доходили до ге
ма. Такъ велика была ихъ вѣрность! Изъ такихъ осо
памятенъ одинъ. Это осада крестоносцами замка Пиллены,
гарнизонъ которой, послѣ долгой и мужественной защиты,
почелъ лучше умереть отъ собственнаго оружія, чѣмъ сд
крестоносцамъ.

Кромѣ крѣпостей, служившихъ задержкою для дальнѣй
углубленія въ край непріятеля, имѣлись еще другіе спо
для затрудненія движенія противника. Еще въ XIII
удалившись отъ прусской границы въ глубь страны, ли
со своей и прусской стороны оставили порожнякомъ бол
пространство земли и не дозволяли никому на ней сел
Такой незанятый поясъ пустыни, шириною въ 35 верстъ
росшій дремучими лѣсами, простирался отъ Балтійскаго мо
впаденія подъ Брестомъ Мухавца въ Бугъ. Непроходимыя б
и лѣса, озера, затопи, окопы, засѣки и, на извѣстномъ
стояніи другъ отъ друга, размѣщенные стражи, обязан
которыхъ была дать первый отпоръ непріятелю, подать з
тревоги и указать направленіе по которому непріятель
вался, словомъ, природныя и искуственныя препятствія,
трудняли входъ въ страну незнакомому съ окольными пу
По этому, каждый походъ рыцарямъ въ Литву стоилъ
дорого и былъ чрезвычайно утомителенъ, пока они не пе

чрезъ эту пустыню. Они на походѣ должны были устроивать
ро дороги, мосты, засыпать топкія мѣста. Имъ нужно
имѣть съ собою большой запасъ продовольствія не только
реходѣ чрезъ эту межу, но и при дальнѣйшемъ слѣдова-
трь страны; потому что за первымъ сигналомъ тревоги,
все уносили въ безопасныя мѣста, а остальное истребля-
этому крестоносцы, желая имѣть успѣхъ, должны были
ь для похода удобную пору, когда болота или высохли,
мерзли и дѣлать приготовленія къ походу съ большою
Они содержали на жалованьи множество шпіоновъ, кото-
изаны были розыскивать, гдѣ, какъ и когда удобно
ться чрезъ пустыню и въ какомъ мѣстѣ легче избѣгнуть
и пикета. Даже въ письмахъ своихъ рыцари употребля-
овные знаки и слова, на подобіе стенографіи, чтобы тай-
имъ не измѣнила, въ случаѣ если корреспонденція рыца-
усскихъ съ лифляндскими будетъ перехвачена въ Литвѣ
Жмуди.

мудиновъ наступленіе войны оглашали съ нѣкоторою
венностію, въ собраніи народа. Были, притомъ, разные
для объявленія жителямъ о войнѣ. Такъ, омоченное
ви копье съ обгорѣлымъ полѣномъ разносили по деревнямъ,
тѣмъ, что народъ призывается къ кровопролитію и
енію непріятеля огнемъ. Нарбутъ говоритъ, что сверхъ
ловнымъ знакомъ войны были вѣхи, разставленныя въ
ь мѣстахъ, на которыхъ, въ случаѣ созванія народа для
совѣта или, въ крайней необходимости, немедленнаго
я народа, на этихъ вѣхахъ вывѣшивались части кон-
остова потому что лошадь у литовцевъ была символомъ
Предъ выступленіемъ въ поле приносились вѣщія жертвы:
наносилъ рану плѣннику въ плечо или грудь. Если
изъ раны брызнула фонтаномъ, то это было хорошимъ
ь, въ противномъ случаѣ терялась надежда успѣха.
ть, что этотъ варварскій обычай заимствованъ литовцами
уссовъ. Отряды литовскаго ополченія становились подъ
, на которыхъ были изображены условныя знаки, божества,
омъ случаѣ на знамени писалась къ нимъ молитва о по-
Собранное войско, по своему. благословлялъ самъ креве—
то, котораго несли по фронту въ поланкинѣ или на но-

силкахъ вайделоты. На походѣ, впереди войска, вы
сторожевой полкъ. Сигналъ къ бою подавали жмудскі
и литовскіе рожки. Въ схватку все войско бросалось съ
на врага. Побѣду литовцы тотчасъ торжествовали на полѣ б
приносили богимъ брагодарственныя жертвы изъ знат
плѣнныхъ. Дуисбургъ такъ описываетъ эту церемон
полномъ вооруженіи, говоритъ онъ, пойманнаго рыцаря
на коня, котораго привязывали къ четыремъ столбамъ;
устраивали вокругъ всадника такой вышины костеръ,
изъ за костра было видно, и зажигали." Если было н
знатныхъ плѣнныхъ, то бросали жребій котораго и
принести въ жертву. Стрыйковскій пишетъ: „когда п
жмудь (въ 1261 году) одержали побѣду надъ рыц
богамъ собирались приносить жертву, то жребій упалъ н
магдебургскаго шляхтича, по прозванію Гирквасъ. Мн
язычниковъ знали его лично и его доброту, поэтому
они спасали его отъ смерти. Но когда былъ пойманъ
разъ, то онъ добровольно согласился быть сожжен
кирасѣ.

У Нарбутта, въ IV т. подъ г. 1263, 1288, 131
много и подробно описано такихъ жертвоприношеній.
нужно замѣтить, что они такъ поступали съ одними р
врывавшимися въ литву съ цѣлію введенія христіан
къ плѣннымъ русскимъ, полякамъ и даже татарамъ о
снисходительнѣе. Но если вспомнимъ, что въ однихъ р
они видѣли истинныхъ враговъ своихъ, тогда легко
отчего они такъ варварски съ ними поступали. Въ это
виднѣется вліяніе жрецовъ за оскорбленіе боговъ ихъ.
же причинѣ ксендзовъ—рыцарей, приходившихъ съ и
скою цѣлью, они давили, положивъ шею ихъ межд
досокъ; тогда какъ духовные греческіе и римскіе не подв
никакому преслѣдованію. Въ побѣдѣ надъ крестоносца
Грунвальдомъ, въ 1410 году, всѣмъ легшимъ въ б
чальникамъ крестоносцевъ сняты бороды съ кожею. Эти
были разрѣзаны на половины, съ нихъ сплетены два
и одинъ изъ нихъ, съ половиннымъ количествомъ заб
знаменъ, отправленъ въ виленскій храмъ, а другой въ
скій. Возвращающихся съ побѣды домой встрѣчали с

сней: „ладо, ладо“ и сопровождали шедшихъ аплодисмен-
Такъ былъ встрѣченъ Ольгердъ въ 1361 году, когда
щался изъ подъ Москвы и Ягелло въ 1384 году, послѣ
 его въ Польшу. О послѣднемъ хроника Быховца (Нарбутъ
 такъ говоритъ: „и Гильновцы подлугъ обычаю стараго
скаго поткаютъ князя великого Ягила съ женами и съ
 передъ мостомъ, пѣсни поючи и въ долони біючи.“
сли набѣгъ не имѣлъ успѣха, то строго поступали съ
 которые бѣжали, оставивъ товарищей своихъ. Такіе или
ись въ глубь лѣсовъ, или покидали родину; нерѣдко сами
ишали жизни, въ избѣжаніе стыда и наказанія. Стрый-
й, описывая пораженіе литовцевъ и ядзвинговъ въ 1282
 которое нанесъ имъ Лешекъ Черный, говоритъ: „изъ
евъ мало кто бѣжалъ, потому что многіе, которые бѣжали,
 изъ стыда, частію изъ боязни своихъ, сами себѣ на-
смерть.“ Изъ этого можно заключить, что въ Литвѣ
вовала позорная казнь и всеобщее посрамленіе для тѣхъ,
іе, хотя и съ проигранной битвы, бѣжали, оставивъ това-
 своихъ. Не удивительно, что между литовскими воинами
ись самоубійства послѣ проиграннаго сраженія, когда и
аннахъ тоже говоритъ Тацитъ: „Scutum reliquisse, prae-
m flagitium, nec aut sacris adesse, aut concilium
 ignominiosa fas, multique superstites bellorum in-
m, laqueo finierunt..“ Иногда даже жены погибшихъ
аженіи мужей лишали себя жизни. Объ этомъ упоминаетъ
оей хроникѣ Генрихъ Латышъ. Описывая походъ вождя
скаго Свалгостоса въ 1204 году, онъ говорилъ, что когда
 будучи окруженъ рыжанами и семигалами, погибъ въ
 и съ нимъ легло 1200 воиновъ, то въ одной литовской
нѣ повѣсилось 50 вдовъ. Генрихъ Латышъ говоритъ, что
кому поступку побуждала вѣра, что на томъ свѣтѣ они
 соединятся съ умершими мужьями.

(Продолженіе будетъ).

III.

I.

СЛУЧИЛОСЬ ТО, ЧТО ДОЛЖНО БЫТЬ.

...слѣ разъединенія церкви римской съ Церковью все-...й, первая ступила на путь произвола, самообольще-... человѣкоугодливыхъ ученій и мѣропріятій. Често-... властолюбіе, корыстолюбіе и другіе пороки рим-...клира, питаемые огромными богатствами и непомѣр-...илою римскихъ первосвященниковъ, въ теченіи 4 вѣ-... разъединенія съ соборною, христіанскою, единою ...вью достигли колоссальныхъ размѣровъ и возбудили ...ю въ средѣ честнаго и мыслящаго римско-католи-...о міра, Явился Лютеръ и его сектанты, отторгшіе ...одданства Риму мильоны папистовъ; изувѣрство и ...бразныя насилія папъ только усиливали новое уче-... умножали число прозелитовъ лютеранства. Съ тѣхъ ... папство начало клониться къ своему упадку и, ли-... внутренней крѣпости, поддерживало свою жизнь ...ролитіями, интригой, поддержкою сильныхъ земли ...костью всесвѣтной, мильонной папской арміи. Едвали ...ій подрывъ папству нанесли революціи энциклопе-... Удары ихъ, направленные противъ папъ, начали ...ть и христіанство. Если бы Наполеонъ I-й, изъ ...ическихъ, или точнѣе, эгоистическихъ побужденій, не ...ть, по выраженію нашего знаменитаго витія (Инно-...), своею самотканною порфирою бездны", ископап-...трицаніемъ, разъѣдававшимъ Европу въ концѣ про-... столѣтія, доктрина папъ и ихъ всемогущество по-...сь бы пылью историческихъ преданій.

Посѣянныя энциклопедистами сѣмена дали
всходы въ наше время. Разныхъ оттѣнковъ л
вольнодумцы, атеисты переполнили Европу и
подточили незыблемыхъ и несокрушимыхъ божест
основъ христіанства, то подорвали такое человѣч
режденіе, каково папство. Чѣмъ судорожнѣе от
римскіе первосвященники свои самозванныя прив
притязанія, тѣмъ болѣе дѣлали ошибокъ и тѣм
нѣе наносили пораженіе самимъ себѣ. Тамъ и з
наружилась реакція, протесты, отпаденія, разры
кордатовъ, изгнаніе іезуитовъ, конфискація кл
ныхъ имѣній и проч. Опять понадобились внѣш
трафорсы для защиты отъ паденія растресков
отъ буръ и времени зданія, и за эту работу
ся снова Наполеонъ, неправильно называющ
третьимъ, и его фанатическая, по природѣ, во
и національности, супруга. Пошли въ ходъ интр
тивъ православія на востокѣ, начала работать об
ками propaganda fidei въ Европѣ, Азіи и Америк
эти работы оказались непрочными, пошли въ ход
нарѣзныя пушки и шасспо, „надѣлавшія", дѣйст
„чудесъ", потому что онѣ на цѣлыхъ три года о
паденіе совсѣмъ наклонившагося къ западной сто
нія. И тотъ, въ пользу котораго, или точнѣе
православію, дѣлались всѣ эти „чудеса", не сид
жа руки: онъ сыпалъ на право и на лѣво „non possun
силлабусы, проклятія, благословенія, „священныя
всему лицу земли билась, до истощенія послѣдни
его разноцвѣтная, а особенно чорная, гвардія. К
эти мѣры къ защитѣ анахронизма оказались пол
въ Римѣ открылся папскій соборъ, по страсти
величеніямъ названный вселенскимъ, и на этом
мнимый глава церкви, если можно такъ вырази
терялъ голову и, въ опьяненіи своимъ самомнѣн
несъ себѣ послѣдній ударъ, усвоивъ своей особѣ
всѣ свойства Божіи. Говоримъ: чуть не всѣ, по
какъ не желалось ему окончательно сравняться
гомъ, здоровье Виктора Эмануила и другихъ

шасспо и французскіе мундиры на солдатахъ гром-
етестовали противъ его всемогущества, наглядно до-
ли, что папа есть только римскій архіепископъ, есть
овенный, только лишь болѣе всѣхъ заблуждающійся
гъ своей породы и своихъ прерогативъ, смертный.
иомъ дѣлѣ, болѣе удачнаго средства къ своему нрав-
ому самоубійству не могъ изобрѣсть папа, какъ про-
пеніе себя непогрѣшимымъ. Даже на соборѣ, не
на вліяніе грознаго повелителя западной церкви,
большинства, искуство іезуитовъ, репрессивныя мѣ-
отивъ свободы мнѣній,—противниками новаго догма-
лось около сотни самыхъ честныхъ и разумныхъ
повъ. Внѣ Рима оппозиція непогрѣшимому еписко-
рылась еще сильнѣе и ярче. Всѣ передовые люди
іональности заявили, какъ и слѣдовало ожидать,
ротесты противъ соборнаго абсурда, а нѣкоторые
и отъ надменнаго папства подъ сѣнь смиренно-му-
православія.

нравственному пораженію присоединилось внѣшнее
ческое: прежде фанатическая, теперь либеральная,
республиканская Испанія подвела подъ одинъ уро-
имское католичество съ іудействомъ и всякимъ дру-
культомъ; „апостолическая" Австрія разрываетъ ру-
аксонца вѣковѣчный конкордатъ съ его святѣйше-
; шасспо и зуавы, поддерживавшіе доселѣ шатав-
тронъ епископа-государя, понадобились въ другомъ
для болѣе нужнаго и цѣлесо-образнаго назначенія;
кто расходовалъ большую половину своей изобрѣта-
сти на интриги, вмѣшательства, насилія въ пользу
а, самъ, по волѣ судебъ, очутился плѣнникомъ пред-
еля лютеранскаго міра, обѣ обладательницы „свя-
хъ розъ", обѣ ех-королевы, безпримѣрныя и безгра-
я ультрамонтанки, должны искать убѣжища въ чуж-
имъ націяхъ. Наконецъ, Викторъ-Эммануилъ въ Ри-
лебисцитъ обнаружилъ чуть не поголовное отвращеніе
й области, къ ея недавному повелителю; въ кварта-
Авва (1) всѣ до одного (1800) голоса оказались за

До обладанія которымъ съузились владѣнія папы. Поне-

присоединеніе къ Италіи, сбылось то, чего такт
съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала лучшая часть ч
ства; сбылись вѣщія, святыя слова истинной гла
кви „власть моя не отъ міра сего", снята съ тіар
на, за которую римскій епископъ такъ судорожно
ся обѣими руками тысячу лѣтъ; нормальный ходт
возстановился, судъ Божій совершился!....

Въ теченіи 10 вѣковъ исторія не внесла въ с
ники болѣе крупнаго событія, какъ превращеніе Р
скаго въ Римъ. Только явленіе болѣе внѣшнее,
ское, только кровавый споръ представительницъ
и лютеранства отвлекаютъ вниманіе и ослабляют
тлѣніе, производимое этимъ событіемъ на мыслящ
вѣчество. Если только римско-католическій міръ
и Викторъ-Эммануилъ въ особенности отнесутся
событію какъ должно, міръ испытаетъ чуть не
деніе. Тормозъ извѣстный подъ именемъ „non p
не будетъ болѣе останавливать движеніе впередъ
чества; всесвѣтныя интриги лишатся своей иниціа
лигіозныя войны перейдутъ въ область историче
галищъ; іезуиты останутся словно овцы безъ
ихъ тщеславію, корыстолюбію, коварной политик
детъ почвы, мѣста и силы; законная власть не б
лѣе раздвояема, подрываема или парализуема сам
властію ватиканскою; мірское будетъ предоставл
духовное духу, религія съ гражданственностью
душу и тѣло человѣчества. Но, опять скажемъ,
новленіе міра послѣдуетъ тогда только, когда
взглянетъ на совершившійся въ Римѣ фактъ съ ка
кой точки зрѣнія, когда будетъ видѣть въ папѣ
архіепископа, пожалуй, патріарха, а не госуда
ществующаго болѣе государства, будетъ видѣть
брата другихъ патріарховъ и церквей, а не глав
когда Викторъ-Эммануилъ отнесется менѣе трусл
въ упоеніи богатствомъ военнаго приза, менѣе

волѣ вспомнишь афоризмъ Наполеона I-го „отъ великаг
наго одинъ шагъ".

о къ развѣнчанной de jure и de facto власти римска-
хіепископа.

Мы имѣемъ достаточное основаніе думать, что ущербъ,
енный теперь силѣ и власти римскаго первосвящен-
не останется безъ вліянія на отношеніе къ намъ на-
и домашнихъ папистовъ. Всѣмъ извѣстно, что па-
и посредственно, и непосредственно, оказывали и прав-
ную, и фактическую поддержку въ борьбѣ поляковъ
православною Россіей.

Прямое и безграничное вліяніе папъ на свое фанати-
е и раболѣпное духовенство, непосредственная связь
сударствами и государями, исповѣдующими папскую
ину, судорожная работа іезуитовъ и экзальтирован-
духовенствомъ женскаго пола,—давали папамъ много
одныхъ для такой поддержки орудій и побужденій.
аясь на такія связи и двойную силу главы римско-
ическаго міра, ультрамонтаны — наши антагонисты
казывались отъ своихъ утопій при самомъ безнадеж-
положеніи своего дѣла и соглашались на примиреніе
о подъ условіемъ возстановленія самобытной Польши,
раницахъ 1772 года. Послѣ перваго акта римскаго
а, законченнаго нелѣпою непогрѣшимостію человѣка,
брожелатели Россіи вообще и поляки въ особенности
етерпѣніемъ ожидали поднятія и, конечно, благопріят-
для нихъ рѣшенія на этомъ соборѣ польскаго вопро-
Сущность дебатовъ такого рѣшенія для насъ извѣстна
де, чѣмъ оно состоялось; но мы не знаемъ, какъ да-
простиралось бы фактическое его примѣненіе къ судь-
оляковъ и римскаго католичества въ Россіи. Быть
тъ дипломатическая коалиція 63 года превратилась
ъ союзъ политическій (со исключеніемъ, разумѣется,
іи); быть можетъ появилась бы булла, взывающая къ
толическому міру о крестовомъ походѣ противъ „схиз-
ческой Россіи", быть можетъ... но римскому собору
уждено было пойдти далѣе одного абсурда, вопросъ
скій исторія предрѣшили вопросомъ римскимъ, и на-
ы польскія на защиту ихъ дѣла вселенскимъ пап
ъ скончались во время родовъ, и Пій IX теперь оза-

боченъ не защитою другихъ, а самого себя, напрягаетъ всѣ свои скудныя силы, чтобъ отстоять хоть одну изъ своихъ властей (духовную), тоже стоящую въ прямомъ противорѣчіи съ ученіемъ Іисуса Христа.

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы ни говорили римскіе католики, они—волей неволей—всегда служили двумъ господамъ, и римскому иногда усерднѣе, чѣмъ какому либо другому. Раздвояя свои обязанности, они часто вносили въ жизнь и дѣятельность тотъ дуализмъ, при которомъ невозможенъ былъ нормальный культъ, ни религіозный, ни политическій; въ большинствѣ случаевъ выходило такъ, что лучшій папистъ бывалъ худшимъ гражданиномъ. Главенство (мнимое) папъ надъ всего церковью, по римскому ученію, простирающееся до „господства ихъ надъ царями и народами", свѣтская (незаконная) власть римскаго первосвященника, по тому же ученію, ставившія его въ главѣ государей,—дѣлали всегда доктрину папскую принципомъ политическимъ, перечившимъ нормальному строю жизни царствъ и народовъ. Заявляя свое „non possumus" при всякомъ, сколько нибудь несогласномъ съ притязаніями ватиканскаго повелителя, явленіи, отстаивая всегда ретроградное движеніе, обскурантизмъ, неподвижность, вмѣшательство въ чужія дѣла,—папы римскіе всегда были либо тормозомъ, либо реакціей свободнаго и раціональнаго отправленія функцій гражданской жизни. Сотрудники папъ настойчиво, ловко и большею частію успѣшно примѣняли желанія своего повелителя къ дѣлу и переполнили страницы исторіи описаніемъ тѣхъ хитростей, интригъ, столкновеній, измѣнъ, клятвопреступленій, насилій, кровопролитій, которыя были бы немыслимы безъ притязаній на усиленіе свѣтской власти и поддержки главенства папъ. И сицилійскія вечерни, и варшавскіе нешпоры, и варѳоломеевскія ночи, и костры инквизиціи, и упорныя кровопролитныя, продолжительныя и опустошительныя средневѣковыя войны, и повсемѣстныя возстанія противъ законныхъ властей,—все это дѣло епископовъ-государей и ихъ пособниковъ.

Изъ предыдущаго уже видно, что отнятіе у папъ одной

ой власти далеко не водворитъ мира и благоустрой-
ъ средѣ христіанскихъ обществъ, и что, для возста-
ія нормальныхъ между ними отношеній, необходимо
болѣе) уничтоженіе главенства *ихъ* надъ церковью
говой. Мы не говоримъ о томъ грубомъ противорѣ-
какое существуетъ между отмѣченными сейчасъ кур-
ь понятіями, какое существуетъ между ученіемъ *папъ*
хъ главенствѣ въ церкви съ весьма яснымъ ученіемъ
ь же предметѣ *Самаго Іисуса Христа,*—этотъ аб-
не требуетъ опроверженій,—но мы хотимъ обратить
ніе на то, какъ и почему это ложное ученіе вліяетъ
кныя отношенія между недѣлимыми и обществами.
но, съ прекращеніемъ, свѣтской власти папъ, значи-
ослабится и духовная, подобно тому, какъ отъ бо-
тѣла страдаетъ и душа; но все-таки искренно, *фак-
ски* исповѣдуемое папистами ученіе о главенствѣ надъ
вью римскаго архіепископа поминутно будетъ ставить
въ разладъ съ окружающею средою. Оставаясь гла-
и при томъ непогрѣшимою, церкви, папа все-таки
ется хозяиномъ всей внутренней, а потому чуть ли и
ей внѣшней жизни, своихъ чтителей. Религія сопри-
тся всѣмъ отправленіямъ жизни народовъ: она фор-
етъ извѣстное міросозерцаніе, установляетъ извѣстныя
ненія между недѣлимыми и обществами, къ власти и
у. Поэтому, если папа будетъ заправлять религіоз-
дѣлами и совѣстью всей р.-католической (по уче-
папистовъ *всей* вообще) церкви, если его догматика
ъ обязательна для всѣхъ его сектантовъ, то прило-
къ жизни этой догматики будетъ, по прежнему,
нять свободу мысли и совѣсти, будетъ вносить въ
ь народовъ незаконныя притязанія чуждой власти,
адъ и столкновенія. Поэтому, чтобы однажды навсе-
пресѣчь всѣ злоупотребленія монополіей духовной вла-
папъ, настоитъ вопіющая потребность превратить ихъ
имскихъ или италіанскихъ патріарховъ, поставить ихъ
акія отношенія къ другимъ церквамъ, въ какихъ на-
тся, напримѣръ, русская и греческая къ константи-
льской, учредить національныя, колегіальныя (собор-

ныя) церковныя власти во всякомъ р.-католическомъ
сударствѣ, поставить римскаго іерарха въ такія от
нія къ представителямъ другихъ церквей, въ какихъ
ходились апостолы другъ къ другу, а не въ такія,
кихъ находились они къ Господу ихъ и нашему I
Христу,—единой главѣ церкви, и въ какихъ хочетс
ставить ихъ къ себѣ обоготворившему себя римскому
пископу. Тогда страсти не будутъ заглушать голосъ
ны, тогда насильственный прозелитизмъ уступитъ
свободному выбору, тогда сократятся болѣе чѣмъ на
вину религіозныя распри и гражданскія нестроенія,
иновѣрцы не будутъ укорять христіанства за раздор
мѣчаемый ими между христіанами, тогда человѣчеств
нетъ на пути къ осуществленію пророчества Христова: б
одно стадо и одинъ пастырь.

2.

Напрасное обвиненіе.

Между упреками 1) здѣшнему духовенству, какіе
чалось мнѣ подслушать въ средѣ пріѣхавшихъ сюд
службу людей великорусскихъ, довольно популяренъ
дующій: „западно-русское православное духовенство
комъ лѣниво къ сказыванію церковныхъ поученій. Т
де-капитальное упущеніе лишаетъ неутвердившихс
вѣрѣ православныхъ туземцевъ того вразумленія и
данія, какія они могли-бы почерпать изъ церковной
повѣди и заохочиваетъ ихъ къ посѣщенію костеловъ
которыхъ, кромѣ другихъ удобствъ и приманокъ, он
премѣнно услышать *блистательную* проповѣдь.“

Упрекъ не вполнѣ заслуженный. Выражаюсь не
дѣленно потому, что если проповѣдь и не такъ часто
шаетъ своды здѣшнихъ православныхъ храмовъ, как
того хотѣлось; то причиною тому не столько лѣност
проповѣди церковныхъ ораторовъ, сколько оскорбите

---

1) Мы намѣрены посвятить имъ нарочитую статью. Ре

заслуженное не вниманіе къ ней слушателей. Я былъ
азъ свидѣтелемъ того прискорбнаго явленія, что съ
леніемъ проповѣдника предъ налоемъ, богомольцы
емляются изъ храма толпою, и своимъ шумомъ и шо-
мъ лишаютъ назиданія церковнымъ поученіямъ и тѣхъ,
рые придвинулись къ проповѣднику. Подумаешь, что
я-то нечистая сила толкаетъ бѣгущихъ отъ „единаго
отребу", что проповѣдь наша обладаетъ какимъ то про-
положнымъ свойствомъ церковному колоколу, такъ какъ
ый созываетъ въ храмъ; а послѣдній прогоняетъ изъ
а. Не такъ давно, въ одинъ изъ многознаменатель-
ихъ праздниковъ православныхъ, въ первопрестоль-
храмѣ сѣверо-западнаго края, говорилъ полное муд-
и и назиданія слово одинъ изъ достойнѣйшихъ уваже-
представителей здѣшняго духовенства. Казалось бы,
шансы были въ пользу достодолжнаго вниманія къ
амъ проповѣдника, и однакожъ чуть не цѣлая полови-
присутствовавшихъ въ храмѣ шумно и безпорядочно
емилась къ выходу церковному; бѣгство ихъ продол-
ось за половину поученія и было прямою причиною
, что и для оставшихся въ церкви была потеряна по-
на назиданія. Невольно возникало въ душѣ чувство
ти за себя и за другихъ, за тщету проповѣди и участь
няго православія! Невольно закипало въ сердцѣ чув-
негодованія къ тѣмъ, которые своимъ преждевремен-
ъ и преступнымъ бѣгствомъ изъ дома Божія оскорби-
мѣсто, время, провозвѣстника истины Христовой и са-
эту истину, а себя лишили напутственнаго благосло-
я церкви, безъ котораго предыдущее присутствіе при
итвѣ церковной обратилось имъ въ грѣхъ и осужденіе,
уши другихъ возмутили ощущеніями, противорѣчащими
нію мѣста и святости дня. Сколько зла отъ одно не-
умнаго и легкомысленнаго движенія! Не могу промолчать
ого обстоятельства, что значительная часть бѣглецовъ
тояла изъ тѣхъ, которые упрекаютъ наше духовенство
лѣности къ церковной проповѣди, и что ни одинъ изъ
ѣстныхъ мнѣ, присутствовавшихъ при богослуженіи,
словныхъ, у которыхъ тогда не было нарочитаго пра-
ика, не выпелъ изъ храма до окончанія богослуженія.

Отсюда слѣдуетъ, что критикамъ здѣшняго духове
вообще, и лѣниваго къ церковному проповѣданію вча
сти, не мѣшало бы чаще припоминать себѣ слова С
теля на счетъ соринки въ чужомъ и бревна въ собс
номъ глазѣ, и не укорять въ несказываніи тѣхъ про
дей, которыхъ нехотятъ они слушать. Не нужно имт
же забывать и того обстоятельства, что православ
здѣшнемъ краѣ состоитъ, если можно такъ выразить
на военномъ положеніи, что на него обращено здѣсь
го зоркихъ и критическихъ взглядовъ, отыскиваю
несуществующія и преувеличивающихъ наличныя н
гопристойности, и что ни *одинъ* изъ здѣшнихъ иновѣр
не осквернитъ мѣста святаго, не обидитъ проповѣд
бѣгствомъ отъ его проповѣди, — ни изъ костела, ни
кирхи, ни изъ синагоги, ни изъ мечети.

Быть можетъ есть особыя причины такого небре
къ слушанію православной проповѣди! Достаточныхъ
чинъ нѣтъ, а есть только софизмы, холодность къ
Божію, пустота душевная и, быть можетъ, спасеніе
тить въ словахъ проповѣдника отраженіе своей вну
ней физіономіи, — услышать заслуженныя обличенія
нравственности. Обыкновенно извиняютъ свое бѣгство
проповѣди обвиненіемъ проповѣдниковъ въ слабости и
хомъ сказываніи ихъ поученій; — причемъ обыкновенно
тивопоставляютъ имъ ксендзовъ-проповѣдниковъ, съ п
вокупленіемъ панигирика симъ послѣднимъ. Невда
въ сравненіе проповѣдей священническихъ съ проповѣ
ксендзовскими, скажемъ вообще, что по внутреннимъ
чествамъ: истинѣ, содержательности и назиданію, пе
безконечно выше послѣднихъ, что между ними тако
отношеніе, какое между папствомъ и православіемъ,
проповѣдникъ р. католическій разсчитываетъ на эфф
внѣшній, что онъ старается поражать блестящею м
рою краснорѣчія, напыщенностью, подборомъ казис
троповъ и фигуръ, смѣлыми противоположеніями, рѣз
примѣрами, дерзкими, порою нескромными обличені
неумѣстною развязностію, крикливостію, надутостью де
маціи, театральностью жестировки, словомъ всѣмъ т

что можетъ поразить чувства и воображеніе внѣшняго человѣка 1) на такомъ полѣ краснорѣчія грѣшно состязаться нашимъ проповѣдникамъ съ римско-католическими: пусть себѣ послѣдніе горячатся, блестятъ, кричатъ, метаются, а первыя спокойно, назидательно и смиренномудро возвѣщаютъ истины Христовы, нисколько необижаясь за *себя* тѣмъ, что есть люди бѣгущіе отъ глаголовъ живота вѣчнаго, предпочитающіе позлащенную мѣдь чистому золоту, цвѣты изъ тряпокъ живымъ цвѣтамъ, казистость формы богатству содержанія; имъ же хуже!.. Наконецъ здравая логика совѣтуетъ произносить приговоръ извѣстному явленію неиначе, какъ послѣ его окончанія. Безъ соблюденія этого правила, оцѣнка явленія будетъ преждевременна, неосновательна, фальшива, будетъ построена на однихъ предположеніяхъ, предвзятыхъ мысляхъ или капризѣ. Какое же имѣютъ право охуждать проповѣдь тѣ, которые неслыхали ее, которые бѣжали изъ дома Божія до ея начала?

...........*δ*.

---

1) Предметъ этотъ исчерпанъ въ статьѣ: „Кое-какое различіе между папствомъ и православіемъ" помѣщенной въ Вѣст. западн. Россіи 1866 г. 12 книжка, отд. IV, стран. 30—34.

IV.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННАГО БЫТА ЗАПАДНАГО КРАЯ.

*(Продолженіе *).*

Плодородные, нѣсколько волнистые наклонные къ югу, участки крестьянскихъ С. Волицы полей, пестрѣли зрѣлыми или дозрѣвающими нивами. Издали особенно въ то время когда лучъ солнца вертикально падалъ на болѣе ровныя яровыя поля, они имѣли живописный и въ то же время оригинальный видъ. Узкіе крестьянскіе участки тянулись длинными полосами; всякій хозяинъ, смотря по своей плодоперемѣнной системѣ, сѣялъ свою полосу, кусокъ овсомъ, кусокъ просомъ, ячменемъ, льномъ или гречихой; овесъ желтѣлъ возлѣ голубаго льну сосѣдняго участка, ячмень серебрился рядомъ съ бывшей еще въ цвѣту розовой гречихой, просо чернѣло помежъ ячменемъ и овсомъ;—всѣ эти растенія посѣяны были большими или меньшими квадратами, и яровое поле издали похоже было на узоръ, въ видѣ неправильной, разноцвѣтной шахматной доски. Озимыя поля засѣяны были сплошными массами довольно схожими другъ на друга издали цвѣтомъ, рожью и пшеницей, а только края полей окаймлялись болѣе или менѣе узкими полосами высокой темнозеленой конопли. Вспаханный подъ будущій посѣвъ паръ чернѣлся поодаль,—а на невспаханныхъ еще лоскуткахъ, росли разныя сорныя справы, а по преимуществу репейникъ который густо и привольно развѣтвляется на тучномъ черноземѣ. На южной сторонѣ поля тянулся сѣо косъ, съ котораго сѣно было уже снято, тогда какъ на близкомъ помѣщичьемъ лугу чернѣли еще приплюснутыя къ

---

*) См. „Вѣстникъ Западн. Россіи кн. 9.

землѣ дождемъ копны. Скотъ пасся на лугу, свиньи рыли его, лошади, хозяйничая на барскомъ лугу, терлись возлѣ копенъ и раскидывали ихъ, а пастухъ видѣлъ эту забаву, не одгонялъ проказниковъ и даже не трогался съ мѣста и думалъ: *паньске, страсця его матери*!

Рожь совсѣмъ уже созрѣла, и крестьяне, которые дотолѣ жали только по нѣсколько сноповъ, и то больше по нуждѣ или для забавы, теперь высыпали въ поле и усердно принялись за работу. Жали и старые и молодые; только подростки остались дома, а малютки принесенныя матерьми на поле лежали прикрытые простыхъ отъ палящаго солнца, подъ тѣнью сжатынями сноповъ, сложенныхъ *полукопками*, 1) или спали въ люлькахъ, повѣшенныхъ на трехъ деревянныхъ, воткнутыхъ въ землю, а сверху связанныхъ одна къ другой, палочекъ, завѣшанныхъ пологомъ отъ нападенія насѣкомыхъ и отъ свѣта солнечнаго. Тутъ же лежали хлѣбъ, соль, огурцы, лукъ, глиняные кувшины заткнутые грязными тряпками, съ водой и водкой; тутъ же покоились въ тѣни и собаки, разинувъ морды и высунувъ на четверть аршина отъ жары языки. Работавшіе были въ одномъ, по большей части чистомъ, бѣльѣ; бабы и дѣвушки одѣты были въ рубашки съ вышитыми узорами красною и синею бумагою наплечниками; на нихъ были пестрыя ситцевыя юбки и передники или записки 2). На шеяхъ у бабъ были бусы разной величены, формъ и цвѣтовъ, а у богатыхъ и кораллы переходившіе преемственно изъ рода въ родъ. И у бабъ и у мужиковъ на ногахъ надѣты были сапоги или лапти, потому что иначе, срѣзанная солома колола бы ноги. Жнецы то нагибались, то разгибали спины, а недавно зазубренные, ярко блестящіе серпы ихъ сверкали на солнцѣ.

Былъ часъ третій по полудни, и Юзько Лысый, который тоже жалъ на полѣ, рѣшилъ что пора уже ему и его семьѣ *полуднеть*. 3) Первый день жнива почитается крестьянами югозападнаго края днемъ торжественнымъ, а потому Юзько, его рыжая жена Мотра, два женатые ихъ сына и ихъ жены, и

---

1) Полукопокъ—тридцать сноповъ.
2) Записка—передникъ довольно грубой работы изъ шерсти.
3) Полудень—закуска, и отдыхъ отъ работъ послѣ полудня.

неженатый еще парень Данило, казалось бы, должны быть въ самомъ праздничномъ настроеніи духа; а между тѣмъ, напротивъ, всѣ они были не веселы.

— Когда человѣкъ поработаетъ, то и чарку не грѣхъ выпить, сказалъ Юзько, и выпилъ, но не одну а сразу двѣ, и передалъ кувшинъ съ водкой старшему сыну своему Васылю. Выпили по чаркѣ и Васыль, и Федько съ Даниломъ, дѣло дошло до бабъ. Старая Мотра, ничуть не стѣсняясь, хватила стаканчикъ, а молодыя бабы, ради приличія, начали кобениться.

— Не хочу, прысяй—бо 1), не хочу, говорилъ, закрывъ лице рукавомъ, Василива Прыська (Прасковія).

— *Таке погане,* 2) *то ще и пыты его?* добавила Маруся (Марья).

Мужчины хорошо знали, что подобныя отнѣкиванья молодыхъ бабъ не болѣе какъ пустыя фразы, но такъ какъ было бы, по принятому обычаю, очень неделикатно оставить ихъ въ покоѣ, то и принялись, убѣждать Прыську и Марусю выпить по чаркѣ. Прыська хотя за минуту предъ симъ и поклялась что не хочетъ водки, однакожъ, первая уступила убѣдительной просьбѣ своего мужа и, прихлебывая по бабьи, малыми глоточками осушила стаканчикъ до дна, а Моруся тоже не побрезгала названнымъ ею *поганымъ*.

Совершивъ неизбѣжный обрядъ водкопитія, Лысый и его семья принялись закусывать; во время закуски завязался общій разговоръ.

— *Вальное* 3) жито и должно быть умолотное будетъ! какъ возьмешь снопъ въ руки, такъ такой *важкій* 4), замѣтилъ Василь. То—то у васъ, *батьку*, обратился онъ къ отцу, будетъ жита! *Стогъ* (скирда) прошлогодній, два стога съ третьяго года и, вѣрно, еще стога три нынѣшняго!

А якъ буде то що? отвѣтилъ Лысый, не глядя въ глаза Васылю; а Василева Прыська подтолкнула мужа подъ бокъ съ такимъ видомъ, какъ будто бы хотѣла сказать: продолжай, продолжай!

1) Прысяй бо—ей Богу.
2) Поганый—скверный.
3) Вальное—славное.
4) Важкій—тяжелый.

Рыжая Мотра подметила движеніе Прыськи и взгля[нула на] нее такимъ пристальнымъ и суровымъ взглядомъ, что Пр[ыська] перепугалась, сконфузилась и, чтобы доказать Мотрѣ, чт[о] толкнула своего мужа безъ всякой задней мысли, а такъ, лишь бы только толкаться, начала толкать локтемъ и си[дящую] возлѣ нея Марусю, а послѣдняя, чувствуя что ее безъ [всякой] видимой надобности толкають подъ бокъ и ровно нич[его не] понимая, вытаращила на Прыську удивленные глаза. [Лысый] хорошо видѣлъ всю эту сцену, но притворился, что нич[его не] видитъ. Федько улыбался и глядѣлъ на Василя ободря[ющимъ] взглядомъ. Но мы должны передать читателямъ, прежде [чѣмъ] опишемъ начатую сцену, кое какія подробности объ Л[ысомъ,] его семьѣ, и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Лысый, не смотря на то что ежедневно съ утра д[о ночи] бывалъ подъ хмѣлькомъ, слылъ самымъ богатымъ хозяин[омъ въ] селѣ. Благосостоянію его способствовало много сложи[вшихся] благопріятно обстоятельствъ. Лысый былъ характера не кр[ѣпкаго,] но настойчиваго, а его рыжая половина, и всѣхъ дѣлъ [хозяй]ница, была зла, упряма, скупа, но женщина дѣльная. На[чало] богатства Лысаго, еще во времена барщины, было наз[начено] *атаманомъ* 1) не брезгавшимъ получить взятку съ [подчи]ненныхъ ему мужиковъ. Потомъ Лысый завелъ небольш[ую па]сѣку 2), снюхался съ братомъ своей Мотры, который бы[лъ па]сѣчникомъ у сосѣдняго богатаго, но нерядиваго пана, и [поку]палъ у своего родственника за безцѣнокъ краденныя и[зъ ульевъ] пчелъ; такимъ образомъ пасѣка Лысаго въ короткое вре[мя раз]росла до нѣсколькихъ сотъ ульевъ, которые приносили е[му по]стоянный значительный доходъ. Наконецъ, сыновья [Лысаго] подросли; онъ женилъ двухъ старшихъ и ни за что не х[отѣлъ,] по совѣту Мотры, отдѣлять ихъ, такимъ образомъ имѣлъ т[а]ныхъ работниковъ и работницъ, что, конечно, было весь[ма вы]годно. Мотра постоянно бранила и сыновей и снохъ, а [иногда] и поколачивала молодыхъ бабъ. Василь жаловался н[а свою] судьбу; трусливая Прыська плакала и въ тихомолку под[стрекала] мужа къ протесту; Маруся, болѣе энергичная чѣмъ Пр[ыська,]

1) Атаманъ—заказчикъ работъ.
2) Пасѣка—пчельной заводъ.

отгрызалась и подбивала къ реакціи своего добродушнаго Федька, но проку отъ такаго заговора небыло, потому что Мотра держала всѣхъ въ такихъ ежевыхъ рукавицахъ, что недовольные въ глаза ей или отцу не смѣли---бывало и заикнуться. Но, наконецъ, истощилось долготерпѣніе семьи Лысаго, и на семейномъ совѣтѣ рѣшено было, что Василь какъ старшій въ родѣ, объявитъ, безъ всякой церемоніи, въ глаза отцу и матери о своемъ и Федькиномъ желаніи отдѣлиться и зажить своими хозяйствами. Но гораздо легче было задумать это чѣмъ исполнить, и потому въ продолженіи нѣскольких дней Василь колесилъ возлѣ Лысаго и Мотры, дѣлалъ разные косвенные и оддаленные намеки; Прыська подтадкивала его подъ бокъ; Федько и Маруся подмигивали имъ; Мотра замѣчала, что чтото неладное творится вокругъ нея и злилась, Лысый тоже замѣчалъ и отмалчивался, а рѣшительное слово все таки небыло Василемъ произнесено. Когда Василь говорилъ о количествѣ стоговъ отцовской ржи, то онъ намѣкалъ тѣмъ, что отецъ его богатъ и что, слѣдовательно, онъ легко и безъ ущерба могъ бы отдѣлить сыновей, а Мотра, такъ же какъ и Лысый, хорошо понимала, къ чему клонится рѣчь, и потому такъ пристально и такъ сурово взглянула на Прыську видимо подстрекавшую мужа.

— Чего толкаешься? спросила, наконецъ, Маруся Прыську.

— Да что то кусается, отвѣчала, сконфуженная пуще прежняго, продолжая жестукилировать руками, Прыська, а потомъ одной рукой энергически начала чесать спину, а другой показывала видъ, что отгоняетъ муху или комара отъ своего раскраснѣвшагося лица.

— Дурна, лаконически замѣтилъ Василь, а Федька засмѣялся.

— Ой, что дурна, то дурна, согласилась Мотра, и вдобавокъ еще лѣнтяйка,—продолжала она, желая замять начатый Васылемъ разговоръ. Вотъ я и старая женщина, а успѣла уже нажать сегодня сорокъ пять сноповъ, а она молодая, поставила всего *полукопокъ*.

— Мухи все кусались и мѣшали жать, оправдывалась Прыська.

— Жаль, что я ихъ кулакомъ не отогнала, отвѣтила, злобно глядя на Прыську, Мотра. Погоди, придемъ домой, такъ по-

смотрю вымыла ли ты бѣлье, которое я вчера велѣ
вымыть; а не вымыла, такъ задамъ я тебѣ.

— Нѣтъ надобности Приськѣ мыть бѣлье на вс
сказалъ Василь, собравшись съ духомъ. Было бы справ
еслибы всякая баба мыла бѣлье только своему мужу
дѣтямъ.

— Кто же тогда мылъ бы мнѣ? простодушно спро
женатый Данило. Уже не мнѣ ли самому *хлопцю*
мыть?

— Тебѣ и батькѣ пускай *маты* моютъ, рѣшительно
Маруся.

— Слышишь ли, Юзько? спросила Мотра, едва с
свою ярость.

— Молчать всѣмъ! прикрикнулъ Лысый. Будетъ! Ч
балакать? 1); закусили, такъ принимайтесь за работу
за работу, а кто сію же минуту не послушается, т
оттаскаю за чупрыну, что посмотрите, трасця вашей ма

— За работу, за работу, трасця вашей матери! к
Мотра, въ ярости, не замѣчая того, что сама же на
кликаетъ *трасцю*.

Нечего было дѣлать: сыновья и снохи Лысаго, п
къ повиновенію, приподнялись съ своихъ мѣстъ и п
жать, а Лысый и Мотра остались на мѣстѣ.

— Вотъ этакъ всегда; разозлятъ меня, и съ
долженъ выпить лишнюю чарку, сказалъ Лысый, прин
кувшинъ.

— Вольно же тебѣ быть такой бабой, отвѣтил
гляди съ презрѣніемъ на своего мужа.

— Да что же мнѣ дѣлать? выпей я хоть цѣлый
а съ ними ничего не подѣлаешь, все таки придется
сыновей.

— Ни за что! Чтобъ я сама мыла тебѣ и Данил

— Возьмемъ *наймычку* (работницу).

— Не хочу наймычку и не отпущу дѣтей.

— Да какъ же когда и попъ на исповѣди говор
мнѣ грѣхъ, что я не отдѣляю дѣтей.

---

1) Балакать—болтать.

— А деньги и *худобу* (скотъ) кто дастъ? Не попъ ли? насмѣшливо спросила Мотра.

— Конечно попъ не дастъ ни денегъ, ни худобы, а все таки придется отдѣлить дѣтей.

Тяжелый вздохъ, сопровождавшій эти слова, ясно доказывалъ, до какой степени Лысому не хочется отдѣлять сыновей. Правду сказать, Лысый не совсѣмъ вѣрилъ въ крайнюю необходимость отдѣла, а притворялся, что вѣритъ, для того только, чтобы подзадорить Мотру и вынудить у нее рѣшительный и дѣльный совѣтъ; его хитрость удалась вполнѣ.

— Знаешь что, Юзьку, не будемъ таки отдѣлять синовей, и я тебѣ посовѣтую какъ это сдѣлать, сказала Мотра. Федько— мокрая *курка*, Маруся и Прыська, хотя и *дзяукаютъ*, 1) какъ сучки, и все таки онѣ не больше такъ бабы, а самый *завидія* 2), конечно, Василь, какъ ты хоть теперь,—нѣтъ, лучше, впрочемъ, вечеромъ, вечеромъ дома—при людяхъ не совсѣмъ ловко—прицѣпись за что нибудь къ Васылю, да и отваляй его славно, и за чуприну, и въ спину и по *пыци* (въ рожу) Васыль налякается и долго будетъ молчать, а замолчитъ онъ, замолчатъ и другіе.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, то есть, отъ самой свадьбы Василя, Лысый не колотилъ сына и потому, услыхавъ сдѣланное женой предложеніе, пришелъ въ недоумѣніе.

— А якъ *неподужаю*? (неодолѣю) спросилъ Лысый.

— *Подужаешь*, подстрекала Мотра.

— Ну а якъ не подужаю? Тогда что? спросилъ опять Лысый съ нѣкоторой радостью.

— Подужаешь, съ увѣренностью сказала Мотра, потому что когда невзначай треснешь Василя въ пыку, то онъ навѣрное испугается, а когда человѣкъ испугается, тогда дѣлай уже съ нимъ что хочешь; я это по опыту знаю. Лысый пріободрился.

— Такъ таки и сдѣлаю, сказалъ онъ, и сего дня же поколочу Василя.

— Впрочемъ не колоти Васыля очень крѣпко, чтобы не слегъ, потому что теперь жниво, такъ жаль работника, замѣтила

1) Дзяукать—лаять.
2) Завидія—зачинщикъ.

Мотра, и отправилась жать, а Лысый сожалѣлъ, что во
приходится человѣку драться и, волей не волей, пужно
крѣпить себя еще одной чаркой.

Мотрѣ пришлось жать рядомъ съ Марусей, и энерги
Маруся, которой въ послѣднее время рѣшительно стано
не въ моготу жить въ домѣ родителей мужа, раздосадо
постигшей Василя, а слѣдовательно и ея—саму, неудачей,
мѣрами старалась выразить свое неудовольствіе: она бранила и
чую *стерню* (жнитвы), и жито, и серпъ, надѣляя ихъ всев
ными эпитетами, которые въ душѣ относила вовсе не къ
и не къ серпу, а прямо къ самой Мотрѣ.

А Мотра слушала, догадывалась въ чемъ дѣло и не
не злилась, а, напротивъ того, радовалась.

— *Бундючся* 1), *бундичся*, думала Мотра: когда
поколотитъ Васыля, а вы всѣ подожмете хвосты, я те
помню все и задамъ такую трепку, какая тебѣ еще и н
не снилась.

Лысый, задавшись еще одной чаркой, жалъ возлѣ
и постоянно бранилъ его, находя что Василь и жнетъ л
и стерню оставляетъ слишкомъ высокую, и снопы вяж
такіе какъ слѣдуетъ. Василь не возражалъ, но по сл
губамъ его и сдвинувшимся бровямъ можно было заключит
онъ думаетъ крѣпкую думу.

— Славная же штука мнѣ пришла въ голову,
Василь,—ну право прекрасная штука, и сегодня же веч
такъ прямо и ляпну имъ въ глаза и, безъ сомнѣнія, пер
и *батька* и *матка*!

Такимъ образомъ два противника, отецъ и сынъ, ра
рядомъ и, казалось, дѣла идутъ обыкновеннымъ чередомъ
тому что отецъ, по обыкновенію, командовалъ, а сын
обыкновенію, молчалъ; а между тѣмъ въ душѣ строили
противъ друга злыя козни, и оба придумавъ рѣшител
удачныя, по ихъ мнѣнію, мѣры, разсчитывали на несом
торжество. Посмотримъ, чья возьметъ?

Мимо поля Лысаго проходила дорога; послышался
стукъ колесъ, и Лысый, переставъ на время ругаться, взгл

---

1) Бундючиться—важничать.

на дорогу и увидѣлъ что ѣдетъ *бидка* 1), а въ бидкѣ сидитъ жидокъ. Это ѣхалъ знакомый намъ Сруль покупать въ Волицѣ кожи недавно издохшихъ воловъ и коровъ. Срулева бидка была самой не хитрой конструкціи: перекладинка, по краямъ ея два колеса, между колесами коробка, пошире сверху чѣмъ снизу, а къ коробкѣ придѣлано спереди дышло—и все тутъ. На Срулѣ надѣтъ былъ не куцый зеленой кафтанчикъ въ которомъ мы видѣли его въ корчмѣ, а длиннополый черный шерстяный кафтанъ. Сруль, *погандлевавъ* съ крестьянами, намѣревался попробовать счастья и въ *дворѣ*, 2) и потому онъ надѣлъ свой лучшій кафтанъ, разумѣется, исключая параднаго шабасоваго. Сруль надѣлъ свой лучшій кафтанъ въ надеждѣ придать себѣ больше кредита и важности,—вовсе не думая, чтобы дыра подъ лѣвой мышкой могла сколько нибудь портить эффектъ. Сруль былъ подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ, недавняго посѣщенія его корчмы именитымъ гостемъ, получилъ притомъ отъ Абрамки предъ его отъѣздомъ благословленіе и потому былъ въ самомъ лучшемъ и даже нѣсколько мечтательномъ и поэтическомъ настроеніи духа. Обыкновенная мнительность Сруля изчезла и онъ рисовалъ себѣ въ самыхъ фантастическихъ видахъ будущіе удачные *гандли* и соединенныя съ барышами отъ нихъ прелести жизни.

— Порядочныя *шкуры*, думалъ Сруль можно продать гуртомъ по три карбованца, а я накуплю штукъ съ десять у мужиковъ, по двѣнадцать злотыхъ, или по два рубля; потомъ отправлюсь въ дворъ и куплю у пана всѣ его шкуры,—а ихъ, быть можетъ, штукъ тридцать,--сторговавъ ихъ тоже по двѣнадцать, а вей! по двѣнадцать злотыхъ! Заплатить за всѣ шкуры, конечно, денегъ у меня не хватитъ, и я дамъ только задатокъ, поѣду въ мѣстечко, продамъ купленныя у мужиковъ шкуры, и заплачу пану, опять продамъ шкуры и буду имѣть въ барышахъ рублей съ пятдесятъ! Заплачу *рату*, а за оставшіеся деньги накуплю меду, заработаю на немъ еще рублей съпятдесятъ, и куплю овса; овесъ вздорожаетъ, заработаю рублей сто и поѣду къ Абрамкѣ посовѣтоваться, чтобы еще купить; дамъ ему не семь рублей какъ вчера, а цѣлыхъ двадцать; Абрамко посовѣтуетъ,

1) Бидка—двухъ колесахъ.
2) Дворъ—помѣщичій домъ.

заработаю кучу денегъ и куплю Перлѣ *перлы* 1), воз
аренду цѣлое село,—женю Іося, Господь Богъ поблагос
мой родъ и у меня родится внукъ; потомъ возьму въ
цѣлое мѣстечко, построю такую же корчму какъ у Ни
скаго Нафтулы, и буду себѣ *гандлевать*, а по ша
помолившись въ школѣ, разхаживать въ своей корчмѣ
пѣвать: бимъ, бамъ, бумъ, бимъ, бамъ, бумъ....

Куда залѣзъ, *трасця твоей матери*? Заплати за
2) раздалось вдругъ подъ самимъ ухомъ Сруля, и онъ с
съ седьмаго неба, прямо въ жито Лысаго, а Данило д
Сруля за кафтанъ и требовалъ платы за потраву. Замечта
Сруль забылъ править своей кобылой, а опытная старая
подумавъ, что Сруль задремалъ, вознамѣрилась воспольз
благопріятнымъ случаемъ полакомиться и, свернувъ съ
всунула морду по межъ жита и начала щипать росшую
житомъ траву. Правду сказать, Срулева кобыла не успѣла
ни малѣйшей потравы во ржи, но все таки она всунул
морду, а потому, какъ было Данилѣ не попытать счасть
попробовать слупить съ проѣзжаго жидка хоть нѣсколько к
Данило и попытался счастья и даже съ нѣкоторою на
на успѣхъ, онъ вполнѣ надѣялся, что ни отецъ, ни
станутъ останавливать его, а напротивъ того похвал
душѣ его удаль и поддержатъ.

— Плати за *шкоду, трасця твоей матери*, по
Данила, а Сруль, при неожиданной атакѣ съ горяча не
дѣлъ—сдѣлала ли или нѣтъ его кобыла потраву и с
перепугался.

— Чего ты вяжешься *гадюка*? 3) Отвяжись! Ай, вей, гв
напасть! загорланилъ Сруль.

— Ну нечего ревѣть. Плати за шкоду—давай карб
потребовалъ Данило, который хотя очень хорошо зналъ,
получитъ, даже въ случаѣ совершенной удачи, и десято
карбованца, но заломилъ крупную цѣну для того чтоб
ошеломить Сруля. Подошли къ бидкѣ мужчины; Федько у
и молчалъ, Лысый и Василь приняли сторону Данила

1) Перлы—жемчугъ.
2) Шкода—убытокъ.
3) Гадюка—гадина.

окончательно убѣдившись что его партія сильна, схватилъ Сруля за шиворотъ и началъ теребить его.

— Ой, вей, гвалтъ, напасть разбой! кричалъ бѣдный жидокъ, перепугавшись пуще прежняго и барахтаясь въ рукахъ у Данила.

Сбѣжались мужики, жавшіе на ближайшихъ поляхъ и начали допытывать въ чемъ дѣло?

— Можетъ быть вора поймали? спросилъ одинъ изъ крестьянъ.

— Нѣтъ это не воръ, отвѣтилъ Федько.

— Такъ можетъ быть ѣдетъ безъ паспорта, догадался другой мужикъ.

— А гдѣ твой паспортъ? спросилъ Сруля Данило.

— Какой паспортъ? На чорта мнѣ паспортъ? кричалъ Сруль.

— А! Такъ онъ безъ паспорта! Подавай сей часъ же паспортъ! Какъ ты смѣешь ѣздить безъ паспорта? раздалось нѣсколько голосовъ.

— На чорта мнѣ паспортъ! Я арендаръ изъ дубинской трактовой корчмы!

Многіе изъ бывшихъ тутъ крестьянъ очень хорошо знали, что Сруль арендаръ бывшей не далѣе какъ въ десяти верстахъ отъ Волицы, дубинской корчмы, и что, слѣдовательно, Срулю вовсе не нуженъ паспортъ, но все таки продолжали его требовать одни потому, что *громада* спрашиваетъ паспортовъ,—а другіе просто по тому, чтобы увидѣть, что то изъ этого выйдетъ?

— Паспортъ! Паспортъ! Подавай паспортъ! требовали крестьяне.

— Начальствомъ то теперь паспортовъ требовать не велѣно, вмѣшался наконецъ Лысый; но дѣло въ томъ, что онъ потравилъ у меня жито.

— Какъ! Среди бѣлаго дня онъ осмѣлился травить жито! закричали крестьяне. Ахъ онъ *жидюга!* Ахъ онъ *псявира*! Покажи Лысый, *шкоду* сей часъ же оцѣнимъ, осудимъ и слупимъ съ него.

Пришлось показывать потраву, а Лысый хорошо зная, что въ дѣйствительности ея вовсе нѣтъ, почесалъ затылокъ и сказалъ:

— Шкода то, правду сказать, не велика, да дѣло въ томъ что все таки этотъ жидокъ залѣзъ съ кобылой въ мое жито, и Данило долженъ былъ оставить работу и выгонять жидка съ

кобылой съ жита и *гаяться* 1) а теперь пора, сами з
паниве громада, рабочая, а слѣдовательно время доро
жидокъ долженъ заплатить за то, что Данило *гаялся*.
— Да и шкода таки есть, добавилъ Данило, успѣвші
топтать подъ шумокъ ногами нѣсколько десятковъ стеблей
Освидѣтельствовали мнимую потраву и нашли, что
она и весьма незначительна, но все таки потоптаная
служитъ яснымъ доказательствомъ, что кобыла была во р
что Данило не напрасно *гаялся* и что ему нужно запл
за это. Начали торговаться; Данило настойчиво требовал
менѣе *злота*, а Сруль, чтобъ отвязаться и не ѣздить суд
къ старостѣ, давалъ двѣ копѣйки; спорили, кричали, и
шили на томъ, что Сруль дастъ семь грошей. Но у Срул
было монеты менѣе пятикопѣечника, а ни у Данила, ни у
либо, изъ бывшихъ на полѣ, не было съ собой денег
слѣдовательно, нельзя было дать Срулю сдачи. Было уже по
Мотра собиралась домой—приготовлять ужинъ, и Данило,
отъ Сруля пятикопѣечникъ, отправился вмѣстѣ съ Мотрою,
щавъ, за поручительствомъ Мотры, дать сдачу Срулю, ко
тоже поѣхалъ въ село. Мотра и Данило шли скоро, а
ѣхалъ шашкомъ, и они не отставали другъ отъ друга.
стигшая Сруля не удача отрезвила его, и онъ забылъ нед
золотыя мечты, предался обыкновенной своей мнительности
— Не покуплю, охъ вѣрно, вѣрно не покуплю дешево ш
повѣсивъ носъ, думалъ уже Сруль. Проклятое мужичье запр
за шкуру, вѣроятно, по восемнадцать—по девятнадцать зло
а потому, принимая въ расчетъ подводу, которую нужно н
чтобы доставить шкуры въ Николаевъ, а еще и то, что
быть можетъ, не дадутъ сполна за штуку по три рубля,
выйдетъ такая дрянь, что и возиться съ ними не стои
выйдетъ, что я вмѣсто того, чтобы сидѣть себѣ спокойн
своей корчмѣ съ Перлей и ласкать Басечку, только напрасно п
дился,—измучилъ кобылку и еще заплатилъ этому *гадюкѣ*
грошей!
А гадюка шелъ въ пяти шагахъ отъ *бидки*, глядѣл
кобылу и думалъ:

---

1) Гаяться—тратить время.

— Стара же она, худая, хромая да *цыбатая* 1), *трасця ее матери*!

— Дрянная же у васъ кобыла, пане арендаръ, заговорилъ Данило такимъ тономъ, какъ будто бы онъ вовсе, недавно, не вязался напрасно въ Срулю, и не тормошилъ его. Я думаю, что шкура кобылы стоитъ больше чѣмъ она сама.

Когда Сруль услыхалъ, завѣтное въ мысляхъ его въ продолженіи цѣлаго дня слово—*шкура*, то по его тѣлу словно пробѣжалъ электрическій токъ, и Сруль встрепенулся, а начатая Даниломъ рѣчь показалась ему до того занимательной, что онъ забылъ свою обиду и съ удовольствіемъ вступилъ въ разговоръ.

— Шкуры, теперь очень дешевы, сказалъ Сруль.

Конечно, Данило не могъ догадаться, къ чему клонятся слова Сруля, и онъ сказалъ:

— Должно быть не дороги теперь шкуры, потому что кругомъ падежъ и ихъ много.

— И у васъ въ селѣ скотъ падаетъ? спросилъ Сруль, съ такимъ видомъ какъ будто бы его совсѣмъ не занимаетъ то, падаетъ ли въ Волицѣ скотъ или нѣтъ.

— Ужасно падаетъ, отвѣтилъ Данило; у батьки на прошлой недѣлѣ издохли два вола и корова, а у нашего сосѣда Павла сегодня ночью пропали двѣ штуки.

— Жаль, что у твоего батьки издохли два вола и корова, сказалъ Сруль.

— Очень жаль: волы были славные рослые.

— А корова давала по два *гладущика* 1) молока въ день, добавила Мотра.

— И тоже рослая? спросилъ Сруль.

— Такая цыбатая была, какъ ваша кобыла, отвѣтилъ Данило.

— Значитъ и шкура должна быть больше, подумалъ Сруль, и за нее можно бы дать злотыхъ съ тринадцать.

На время разговоръ прекратился. Данило что то соображалъ и пошелъ медленнѣе, а Мотра торопилась варить ужинъ и скоро опередила Данила и Срулеву бидку на довольно значи-

1) Щыбатый—долговязый.
2) Гладущикъ—большой глиняный горшокъ.

тельное пространство. Глаза Данила плутовато забѣгали
поглядывалъ то на Сруля, то на шедшую впереди Мотр
малъ: можетъ ли они разслышать то, что, теперь ему
сказать Срулю.

— Услышитъ, вертѣлось въ головѣ Данила; когда
шлую ночь я трясъ у насъ въ *садку* грушу, то вѣдь
же она и проснулась и сказала батькѣ, а батька вы
садокъ и, вѣрно, славно потаскалъ бы меня за чупрын
бы я не успѣлъ слѣзть съ дерева и такъ притаиться
нопели, что онъ шнырялъ, шнырялъ кругомъ, нюхалъ,
и, никого не найдя, подумалъ что *маты* приснилось,
и ушелъ спать, но долго еще пока уснулъ возился и к

Данило, взглянувъ впередъ, увидѣлъ что Мотра ото
очень далеко и обратился къ Срулю съ вопросомъ:

— Такъ дешевы шкуры теперь?

— Очень дешевы, отвѣтилъ Сруль, кругомъ скотъ
и шкуры можно покупать за полъ цѣны.

— Не купите ли вы у меня, панъ арендаторъ, одну

— Какая у тебя шкура: воловья, коровья или теля

— Пребольшущая и славная шкура; но, видите ли,
такъ продать ее чтобы ни *батько* ни *маты*, ни бр
видали,—однимъ словомъ—я бы хотѣлъ такъ прода
шкуру, чтобы объ этомъ рѣшительно никто кромѣ васъ
не зналъ.

Сруль сразу понялъ, что тутъ кроется нечистое дѣл
виду не показалъ, что понимаетъ Данилу.

— А гдѣ у тебя эта шкура? спросилъ Сруль.

Когда Данило увидѣлъ, что завязывается серіозн
у него забѣгали глаза, онъ былъ въ нерѣшимости, и
сказать ли или нѣтъ какую именно онъ хочетъ продат
и гдѣ она.

— Чего ты боишься? сказалъ Сруль, вѣрно ты не
чтобы узнали что ты продаешь шкуру и не провѣдали чт
водятся денежки? такъ я и не скажу никому ни слова.

— Шкура виситъ у насъ въ стодолѣ на *бантѣ*,
ните, не говори никому. А сколько дадите за шкуру?

— Посмотрю прежде, какова шкура; при этихъ слова
ка въѣхала въ село.

Возлѣ самыхъ воротъ села очень пріятное для Сру

лище поразило его взоры: въ пыли валялись издохшіе голые, ободранные волъ и корова, красное ихъ мясо, поростаявъ нѣсколько отъ палящаго солнца, покрыто красноватою слизью; собаки съ апетитомъ пожирали мясо и облизывались отъ удовольствія, а Сруль съ любовью глядѣлъ и на собакъ, и на падаль, и думалъ:

— Добрыя должно быть были на волѣ и на коровѣ шкуры, и гдѣ то онѣ теперь? Проданы ли, или красуются и теперь они у хозяина подъ стрыхой на *бантѣ?* И скупъ ли или торователъ хозяинъ? И можно ли дешево купить у него эти славныя шкурки? Охъ нельзя, вѣрно, нельзя! не куплю я дешево въ Волицѣ шкуръ!

Данило безцеремонно усѣлся на стѣнкѣ Срулевой бидти и поѣхали селомъ. Улица была довольно длинная и нѣсколько извилистая; мѣстами она имѣла видъ площадокъ, а мѣстами съуживалась, а раскинутыя на довольно далекомъ другъ отъ друга разстояніи смазанныя бѣлой глиной хаты, стояли къ улицѣ то фронтомъ, то задомъ, то бокомъ и наискось. Крыши на хатахъ всѣ безъ исключенія покрыты были соломой. Возлѣ всякой хаты былъ огородъ, окопанный рвомъ который высоко обложенъ былъ *мервой* 1), а въ мерву натыканы были мѣстами сучья вербы, которая такъ легко принимается и ростетъ, куда ее не посадишь. Верба зеленѣла и имѣла видъ живой изгороди, что было весьма красиво. По серединѣ села красовалась новенькая покрашенная зеленой краской церковь, построенная по распоряженію правительства. Архитектура стройной церкви была довольно затѣйлива, а противъ нея, черезъ улицу довольно широкую въ этомъ мѣстѣ, торчала полуразрушившаяся безобразная корчма, съ высокой, крытой красною черепицей, крышей. Народной архитектурѣ трудно было бы придумать что нибудь болѣе однообразнаго, неуклюжаго снаружи, и неудобнаго, неуютнаго внутри, какъ одинокія корчмы по дорогамъ, въ селахъ, мѣстечкахъ и городахъ западнаго края. Вотъ обыкновенная наружность большинства корчемъ: на фронтѣ, — по серединѣ стѣны, широкія ворота, а по бокамъ по два небольшихъ, въ сравненіи съ воротами, окна. Съ боковъ: сначала на выщекатуренной стѣ-

---

1) Мерва,—полуизгнившая, перемѣшенная съ навозомъ солома.

нѣ по нѣсколько рядомъ оконъ, а потомъ кирпичныя, или
деревянныя стѣны части корчмы, отдѣленной для коню
сѣней. Съ задняго фаса, такая же кирпичная или дере
стѣна, а по серединѣ ея, какъ разъ напротивъ воротъ съ
та, другія такія же ворота. Надъ всѣмъ этимъ торчитъ
кая, безобразная крыша. Внутреннее расположеніе корчем
всегда одинаково, или покрайней мѣрѣ чрезвычайно дру
друга похоже. Въ задней части корчмы всегда распол
сѣни, а передняя сторона корчмы, раздѣлена на двѣ равн
ловины коридоромъ, который тянется отъ воротъ до сѣ
оба пространства между коридоромъ и сѣньми раздѣле
нѣсколько комнатъ, во всякой изъ коихъ дверь въ сѣни,
въ сосѣднюю комнату, и окно противъ дверей. Сквозной
постоянно гуляетъ въ коридорѣ; люди, лошади и скотъ,
нятъ, ржутъ, мычатъ и топчутся въ сѣняхъ. Лишь тольк
скроешь дверь, какъ вѣтеръ порывисто забурлитъ по ко
куда ежеминутно проникаетъ неумолкаемый во весь день, а
и во всю ночь, шумъ и гамъ въ сѣняхъ. Маленькія к
по своему наружному виду и внутреннему расположенію п
на разрѣзанные такъ сказать, по поламъ большія корчмы
чти всегда такія, какъ Срулева корчма, которую мы видѣ
началѣ нашихъ очерковъ.

Повѣяло гнилымъ корчемнымъ запахомъ, когда Сруль
нялся съ волицкой корчмой; но Сруль не только не помо
ся, но даже съ замѣтнымъ наслажденіемъ широко вдохну
себя струю воздуха, пропитаннаго его роднымъ жидовски
пахомъ.

Въ концѣ улицы стояла большая хата; а на крышѣ
лѣпилось большое гнѣздо, въ которомъ, на длинныхъ н
стоялъ бѣлый красивый аистъ. Ежели аисту вздумается в
нибудь усадьбѣ свить гнѣздо, то это приноситъ хозяину
бы, по мнѣнію западныхъ крестьянъ, счастье; а къ Лысо
продолженіи многихъ лѣтъ, сряду прилетала въ прародите
гнѣздо чета аистовъ, отчего, по всеобщему мнѣнію воли
жителей, Лысый былъ богаче всѣхъ въ селѣ.

— Вотъ и наша хата, сказалъ Данило.

— Которая ваша? спросилъ Сруль.

— Да та по которой *боцько* 1).

— А! такъ у васъ *боцько!* значитъ вы богаты? замѣтилъ Сруль, слыхавшій преданіе объ аистѣ.

— Батько богатъ, да скупъ какъ жидъ. Не жалѣетъ только на горылку 2): и самъ тянетъ ее съ утра до вечера, и другихъ трактуетъ, лишь бы былъ предлогъ самому напиваться.

Такъ никому не скажете, что я продамъ вамъ шкуру?

— Зачѣмъ говорить, ежели ты не хочешь, чтобы знали что у тебя водятся денежки? Съ этими словами, подъѣхавъ къ воротамъ хаты Лысаго, Сруль остановилъ кобылу и слѣзъ съ бидки.

Данило посовѣтовалъ Срулю подождать возлѣ воротъ, а самъ шмыгнулъ въ ворота и скрылся. Сруль прождалъ двѣ три минуты, а потомъ, когда солнце закатилось, началъ молиться Богу; а пока онъ молится, а Данило возвратится къ нему, мы заглянемъ въ хату и познакомимся съ усадьбой перваго волицкаго хозяина, Юзька Лысаго.

Хата Юзька Лысаго была довольно обширна, со свѣжей, не успѣвшей еще почернѣть, соломой на крышѣ. Вымазанныя глиной, стѣны ея были бѣлѣе другихъ сосѣднихъ хатъ. Вообще, взглянувъ на нее, сію же минуту можно было догадаться, что она принадлежитъ зажиточному хозяину. Она стояла къ улицѣ задомъ, а лицомъ къ надворнымъ строеніямъ и къ гумну, на которомъ красовались около десятка прошлогоднихъ скирдъ хлѣба, почернѣвшихъ отъ времени и перемѣнъ атмосферическихъ. Вся усадьба огорожена была деревяннымъ частоколомъ, что, въ описываемой нами степной части юго-западнаго края, составляло рѣдкость и несомнѣнно доказывало достатокъ Лысаго. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хаты, были ворота, не сплошныя деревянныя, а сложенныя изъ параллельно положенныхъ одна надъ другою перекладинъ, между которыми оставались довольно большія пустыя пространства. Длинная перекладина, положенная наискось, параллельныя перекладины, раздѣляя ворота отъ угла въ уголъ на двѣ ровныя косыя поло-

1) Боцько—аистъ.

2) Горылка—водка.

вины. Собаки, домашнія птицы, поросята и даже свин
но пролѣзали изъ двора на улицу, между пустыми
ствами воротъ они Мотра, постоянно видя, какъ она эм
злилась, и бранилась, и посылала Марусю догнать и запе
лецовъ; но недогадывалась посовѣтовать Лысому постави
ныя ворота, которыя стоили бы не болѣе одной десят
того, что стоили сейчасъ описанныя.

— *А щобъ ты здохъ! А щобъ ты сказыв*
нявсь за свиньей или курицей, кричала бывало Маруся!
ци (сіи) ворота, пропали, да *щезлы!*

— Да помоги же бабѣ, Василь, развѣ не знаешь
при надіи и не видишь, какъ ухляла? 1) Побью в
проклятую скотину да и съ *цими* воротами, *трася*
тери! куражился подпившій Лысый и готовъ былъ не
самомъ дѣлѣ, исполнить свою угрозу; но также какъ
недогадывался, что нѣтъ ни малѣйшей надобности уби
добро, и что гораздо болѣе легкимъ способомъ можно
собить горю.

Между хатой и надворными строеніями былъ небольш
посерединѣ котораго вырытъ было колодецъ, огороже
вольно высокими деревянными стѣнками. Вправо от
тянулся огородъ, а позади его и за надворными строен
положенъ былъ небольшой садикъ, съ нѣсколькими д
фруктовыхъ деревьевъ. Не высокій деревянный забор
зенькимъ возлѣ гумна перелазомъ, отдѣлялъ огородъ
отъ двора, а въ садикѣ помѣщался источникъ богатст
го—его пасѣка. Высокіе, тонкіе и круглые ульи, похо
ленькія башеньки, съ остроконечными саломенными крыш
дами разставлены были, на небольшомъ открытомъ дл
ныхъ лучей, пространствѣ. Маленькая соломенная на
ныхъ жердяхъ будка, прислоненная къ старой грушѣ
убѣжищемъ отъ дождя и вѣтра, старому, хромому Ива
рый много лѣтъ сряду нанимался Лысому въ пасечники
и шесть рублей въ лѣто. Хромой Иванъ отъ природ
человѣкъ очень тонкій и Лысой подмѣчалъ нѣкоторы
шееся за его пасѣчникомъ грѣшки; но за то и Иванъ

1) Ухлять—измучиться.

продѣлкахъ съ чужими роями своего хозяина и потому хотя Лысый съ Иваномъ постоянно бранились, но, чувствуя взаимную другъ въ другѣ нужду и опасаясь одинъ другаго, окончательно не расходились. Въ послѣднее, впрочемъ, время Иванъ слишкомъ часто сталъ употреблять въ дѣло раскаленное желѣзо, при помощи котораго онъ добывалъ тайкомъ медъ изъ улей Лысаго, а Лысому это сдѣлалось наконецъ не въ терпежъ и разрывъ между нимъ и его пасѣчникомъ висѣлъ на ниточкѣ.

Хата Лысаго, благодаря заботливости Мотры была также опрятна внутри какъ и снаружи. Она раздѣлялась сѣньми тянувшимися вдоль всей ширины избы, съ двумя наружными дверями на перестрѣлъ, на двѣ половины: вправо отъ сѣней была жилая изба, а влѣво кладовая. Жилая изба была просторна, но такъ какъ семья Лысаго была велика, то младшимъ членамъ ея, въ особенности ночью, приходилось порядочно помѣстниться. Лысый съ женой спали на стоявшей въ углу постели, Василю съ своею половиной, какъ старшему въ родѣ, предоставлена была обширная печь, на которой онъ задыхался отъ жары въ лѣтнее дождливое время; въ хорошую погоду лѣтомъ онъ спалъ въ сараѣ, Данило спалъ на лавкѣ, а Федько, съ своей Марусей, валялись подстеливъ подъ себя старую свитку, по серединѣ хаты, на земляномъ полу. Пока Маруся была дѣвкой и жила у своихъ родителей, съ самаго дѣтства спала всегда на печи, и теперь ложась спать на землю, она чрезвычайно возмущалась, и въ тихомолку клялась, Федькѣ, что, когда они отдѣлятся отъ родителей, она предоставитъ ему сколько его душѣ угодно дрожать одному на постели, а сама, по старой привычкѣ, отправится на печку, гдѣ съ наслажденіемъ будетъ распаривать иззябнувшіе въ зимнюю пору, свои косточки. Трехъ мѣсячный ребенокъ Василя, спалъ въ корзинѣ которая день и ночь стояла на печи. Печь, какъ мы сказали уже, стояла у дверей, а у печи были вбиты въ стѣну деревянные колышки, на которыхъ висѣли глиняные горшки, *рынки*[1] и горшочки. Тутъ же прибита была полка а на ней разставлены были глиняныя же поливянныя и простыя миски и мисочки. Отъ дверей до самой постели, во всю длину стѣнъ, въ которыхъ прорублено

1) Рынка—горшокъ въ формѣ кострули.

было три окна,—одно довольно большое, другое средне
чины, а третье совсѣмъ маленькое,—тянулась деревянна
а въ углу возлѣ лавки стоялъ большой столъ. Мебель
вершенно похожа была на ту, которую мы видѣли въ пер
вѣ нашихъ очерковъ, въ срулевой корчмѣ съ тою толь
ницею, что у Сруля она была покрыта грязью, а тутъ,
тивъ того, чисто вымыта Прыской, на отвѣтственности,
подъ главнымъ присмотромъ Мотри, вообще возложена
рятность внутри избы; а Марусѣ порученъ былъ дос
уходъ за домашними птицами, коровами, телятами и на
ми.

Въ парадномъ углу надъ столомъ, а индѣ и на ст
развѣшаны были произведенія доморощенныхъ художни
также купленные на ярмаркахъ, образа, разныхъ форм
величины. Образа утыканы были, гдѣ только было во
увядшею зеленью и цвѣтомъ, а по колориту самихъ карт
мѣтно было сильное пристрастіе хозяевъ избы къ ярки
тамъ и къ позолотѣ.

Оставивъ Сруля возлѣ воротъ, Данило отправился пр
пасѣку къ хромому Ивану, который былъ давнишнимъ
дышнымъ его пріятелемъ. Хотя былъ уже вечеръ, но
духѣ было очень тепло, а между тѣмъ, одѣтый въ ове
лупъ старый пасѣчникъ, съ видимымъ удовольствіемъ грѣ
члены возлѣ разложеннаго не вдалекѣ отъ его будки огня.
былъ небольшаго росту, имѣлъ маленькую съ пробившеи
сѣдиной бородку; ласковую наружность и быстренькіе доб
ные глазки; а медоточивая рѣчь Ивана совершенно соотв
вала его наружности.

Ты уже здѣсь, *сынку мій коханый*? воскликнулъ
увидѣвъ Данила.

— Изъ поля прямо къ вамъ; дѣло имѣю.

А *батько* и *маты* тоже возвратились? спросилъ
прикрывая золой яблоки, которыя онъ пекъ въ разло
возлѣ его будки огнѣ.

— *Батько* остался въ полѣ, а *маты* возвратилас
вить ужинъ. Я къ вамъ, дядьку, по дѣлу......по очень
му дѣлу........

— Не хочешь ли покушать, сынку, яблочекъ печен

ихъ подобралъ подъ деревомъ, испекъ и для тебя припряталъ. Скушай, скушай,....маты будетъ хлопотать съ ужиномъ и въ садикъ не заглянетъ и яблокъ не увидитъ.

— Не до яблокъ мнѣ теперь; говорю вамъ, *дядьку*, что очень важное дѣло имѣю.

— А какое тамъ дѣло?

— Вотъ видите ли, *дядьку*, у воротъ хаты стоитъ жидокъ, и хочетъ купить у меня шкуру; а у насъ, знаете, шкуръ и теперешнихъ и давнишнихъ виситъ около десяти подъ стрыхой въ стодолѣ.......

— Но вѣдь это не твои, а *батьковы* шкуры, сынку.

— Ну такъ что же, что *батьковы?* Батько подъ стрыху никогда не заглядываетъ,—и хотя Василь весной, когда Прися была *при надіи* и все ѣла булки, а не за что было покупать ихъ, продалъ тихонько шкуру, а батько по сіе время не хватится; такъ почему бы не попробовать и мнѣ продать еще одну шкурку?

Услыхавъ эти слова, Иванъ укоризнено и съ видимой грустью на лицѣ началъ качать бородой и въ продолженіи минуты молчалъ, а Данило нетерпѣливо глядѣлъ на него.

— *Детына* моя сердечная, заговорилъ наконецъ Иванъ, великій грѣхъ ты собираешься совершить и хочешь у роднаго отца украсть воловью шкуру!

— Не воловью, а коровью, отвѣтилъ Данило; потому что коровья виситъ подъ стрыхой съ краю, такъ ее легче стащить.

— Все ровно. Не забудь, *сынку*, что за то на томъ свѣтѣ тебя въ пеклѣ *они* въ смолѣ будутъ жарить. Не забудь еще и того, что батько можетъ узнать, приколотитъ, старостѣ, скажетъ а тотъ........

Но Данило недослушалъ Ивана, а только нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Что за свинячая натура у васъ, дядьку, попусту хрюкать; сказалъ онъ; идите лучше въ хату и старайтесь какъ нибудь *заморочить маму*, чтобы она не вышла въ садикъ; а я стащу потихоньку шкуру, принесу ее къ вамъ въ будку, позову сюда жидка, шкуру продамъ, а потомъ изъ полученныхъ денегъ дамъ вамъ двадцать грошей.

— Не продамъ я своей души за двадцать грошей,
тельно отвѣтилъ Иванъ.

— Ну такъ я дамъ вамъ цѣлый злотъ.

— Не продамъ души и за злотъ; да и тебѣ не с
хотя ты вѣрно получишь цѣлыхъ два карбованца, дѣла
тельный грѣхъ.

— Сколько же вамъ дать? Да говорите же скорѣ
батько вернется, заторопилъ Данило Ивана, хорош
его манеру, и понимая, къ чему клонится рѣчь.

— Видишь ли, *сынку* мой *коханый*, я, какъ ты
знаешь имѣю привычку послѣ всякаго грѣха служить м
а за молебенъ попу нужно дать не менѣе пятидесяти
да еще нужно дать и дьяку; такъ волей не волей, хот
сынокъ мой коханый, хотя я и люблю тебя какъ родн
тыну, а меньше какъ полъ-карбованца взять не могу.

— Ну чортъ съ вами, дядьку,—дамъ полъ-карбов
только сію же минуту идите къ *мами* въ хату и покрай
рѣ съ полъ часа поморочьте ее. Браните Приську и
такъ мама такъ займется разговоромъ, что про все на
забудетъ, и будетъ калякать, пока батько не вернется.

— Бѣгу, сынку, бѣгу, на все изъ любви къ тебѣ

И хромой Иванъ, ковыляя, въ подпрыжку, побѣ
Мотрѣ въ хату. Не долго раздумывая, Данило поше
домъ за удаляющимся Иваномъ, быстро взлѣзъ подъ кр
гомъ стянулъ шкуру, притащилъ ее, подъ длинною И
свиткой, которую онъ надѣлъ на себя, въ пасѣку и с
подъ соломой въ будкѣ. Потомъ, для убѣжденія въ исп
выполненіи Иваномъ его миссіи, Данило, подъ тѣмъ пре
что ему нужно взять Срулю сдачу съ пятикопѣечника,
въ хату, и убѣдился, что Иванъ исполняетъ порученіе бе
удовлетворительно, потому что, называя то Прыську то
Мотра съ жаромъ ругается, а Иванъ качаетъ бородкой
изрѣдка мѣткими словцами поддаетъ жару. Успокоившись
того, что мать теперь ни за что не выйдетъ изъ хаты
ло подошелъ къ воротамъ, чтобы кликнуть Сруля въ с
окончанія задуманной имъ торговой сдѣлки, но, къ ве
му удивленію и досадѣ, увидѣлъ, что самъ Лысый сто
лѣ воротъ и разговариваетъ съ Срулемъ.

— Что мнѣ дѣлать теперь со спрятанной въ будкѣ шкурой? И чтобы это значило, что батько возвратился раньше чѣмъ слѣдовало возвратиться, и при томъ не вмѣстѣ со всѣми а одинъ? разсуждалъ самъ съ собою Данило, а между тѣмъ мы разскажемъ читателямъ, что побудило Лысаго возвратиться домой раньше, чѣмъ его могли ожидать.

Послѣ ухода Мотри съ поля, Маруся, которой воображеніе сильно было воспламенено строющимися тайными планами, не чувствуя себя стѣсненной присутствіемъ злой свекрови, расфыркалась пуще прежняго и начала проклинать свою несчастную судьбу.

— *Роби* съ утра до вечера, жаловалась она, ночью валяйся на голой сырой землѣ, а тутъ еще все ругаются да ругаются, а порой и поколотятъ! А чтобъ я *щезла*, чтобъ я *здохла*, прежде, чѣмъ вышла за моего дурня!

— Лысый хорошо слыхалъ эти слова, но притворялся что не слышитъ.

— У меня тоже, говорила Прыська, болятъ и ноги и плечи отъ работы, а, возвратясь домой, придется еще мыть бѣлье.

— Да что тебѣ, отвѣтила Маруся, ты съ самаго дѣтства была сиротой и служила въ *наймычкахъ*, такъ и свыклась со всякимъ горемъ; а я каталась у своихъ родителей, какъ сыръ въ маслѣ, а теперь попалась въ такую злющую семью.

Услыхалъ и эти слова Лысый, его передернуло, но онъ перемѣнилъ себя и смолчалъ; его молчаніе ободрило Марусю.

— Зачѣмъ ты взялъ меня дурню? обратилась она къ мужу; я ни зачто не пошла бы за тебя, если бы знала, что ты такая баба, мокрая *курка*.

— Да что же мнѣ дѣлать? спросилъ Федько.

— Что дѣлать? Охъ! знала бы я на твоемъ мѣстѣ, что дѣлать! Украдь гдѣ нибудь деньги и построй себѣ хату.

— Не умѣю я красть, возразилъ Федько.

— Ну такъ добудь денегъ какимъ нибудь другимъ способомъ, сказала Маруся, значительно взглянувъ на Лысаго. Я бы на твоемъ мѣстѣ грызлась съ утра до вечера какъ собака и таки достала бы денегъ и построила бы хату.

Лысому становилось не въ терпежъ, а тутъ еще и Василь

смотрѣлъ на него такими глазами, что Лысый читалъ
мысли его, какъ по книгѣ.

— Батьку! А знаете що? нѣсколько покраснѣвъ отъ
няго волненія но довольно твердымъ голосомъ произнесъ

— А то, *трасця твоей матери*, отвѣтилъ Лысый
что ты не *калякай* попусту, а *роби*.

— Работа работой, отвѣтилъ Василь, а все таки
собирался сказать вамъ прямо въ глаза...

— Тьфу! плюнувъ съ серцемъ, перебилъ Лысый сь
перестанешь ли ты наконецъ калякать. Да съ вами, пр
доброму человѣку тутъ и оставаться нельзя, а то
разозлите, что я вамъ посрываю чупрыны!

И съ этими словами, которые Лысый произнесъ
тономъ, онъ подхватилъ *глечыкъ* съ недопитой водкой, к
и скорымъ маршемъ зашагалъ по направленію къ с
разбирало Лысаго и онъ рѣшилъ, во чтобы то ни с
этотъ уже вечеръ положить конецъ затѣямъ своихъ д

— Мотра очень умно посовѣтовала, думалъ дорогой
что нужно крѣпко поколотивъ Василя, напугать его
на долгое время отбить у него охоту даже заикнуться о
Но Мотра пустяки толкуетъ что можно за что нибуд
питься къ Василю. Нѣтъ; если уже цѣпляться, такъ не з
а за дѣло, такъ, чтобы онъ и самъ чувствовалъ, что
а тогда еще больше опуститъ носъ. Спрошу-ка я сег
Василя, куда это дѣвалась изъ подъ *стрыхи* шкура съ
въ прошломъ году кобылы? Онъ думаетъ, что я мол
ничего и не знаю....

И Лысый злобно захохоталъ.

— А нука, *Базылько*, продолжалъ мечтать Лыс
то ты скажешь, когда я спрошу тебя про шкуру,
когда ты замнешься, сразу, такъ и *гопну* 1) тебя п

И Лысый хохоталъ пуще прежняго.

— А! Тутъ жидокъ, дубинскій арендаръ,—подойдя
хатѣ и увидавъ Сруля, думалъ Лысый. Чтобы задать
виднымъ предлогомъ заговорить о шкурахъ, спрашу-ка
не хочетъ ли отъ купить ихъ?

---

1) Гопнуть—треснуть.

— Вы все еще, панъ арендаръ, не получили отъ моего *хлопца* сдачи? обратился Лысый къ Срулю, чтобы завязать разговоръ.

Сруль былъ огорошенъ неожиданностью нападенія и незналъ, что ему отвѣчать: сказать, что получилъ сдачу;—такъ зачѣмъ оставаться тутъ? сказать же правду, что не получилъ, потому что Данило, оставивъ его у воротъ ушелъ и гдѣ то закопался;—такъ, пожалуй, можно навести Лысаго на подозрѣніе, и тѣмъ заставить отыскивать Данила, который въ эту минуту, быть можетъ, какъ разъ тащитъ шкуру и продастъ ее за полъ—цѣны. Сообразившись со свойственною евреямъ находчивостью, Сруль сказалъ, что отставъ по дорогѣ отъ Данила, онъ пріѣхалъ только сію минуту и боится войти въ дворъ, такъ какъ, быть можетъ, тамъ собаки.

— У меня одна только и есть собака, сказалъ Лысый, да и та въ полѣ теперь. По какой надобности вы пріѣхали къ намъ въ село?

— Хочу купить съ десятокъ гусей, отвѣтилъ Сруль.

— Ну гусей у меня нѣтъ на продажу; а вотъ не купите ли нѣсколько шкуръ?

У Сруля отъ радости забилось сердце.

— Ежели онъ самъ предлагаетъ купить у него шкуры, то вѣрно ему нужно деньги и онъ дешево продастъ, подумалъ Сруль, но и виду не показалъ что обрадовался, а потомъ совершенно равнодушнымъ тономъ сказалъ:

— Я и не думалъ покупать шкуръ; но ежели вы не дорого возьмете такъ, пожалуй, куплю.

Въ ту самую минуту подошелъ Данило.

— Что это жидокъ хочетъ у *батька* купить? съ тревогой подумалъ Данило, до слуха котораго долетѣло только послѣднее слово. Сруль взглянулъ на Данило и, увидѣвъ его сконфуженное лицо, окончательно убѣдился, что Данило продовалъ краденую шкуру, и что, къ сожалѣнію, по всей вѣроятности, сдѣлка уже не состоится; сообразивъ, однакожъ, что Данило продавалъ одну только шкуру, а у Лысаго ихъ нѣсколько штукъ, Сруль тутъ же утѣшился.

— А сколько именно у васъ на продажу шкуръ? спросилъ Лысаго Сруль.

— Шкуръ?! и Данило сдѣлалъ преглупѣйшую мин
чортъ побери! подумалъ онъ.

— У меня должно быть, съ увѣренностью сказалъ четыре большія *яловичьи*, три телячьи, и три ло шкуры.

— Вишь его какъ помнить! Плохо, думалъ Данило.

— Покажите мнѣ шкуры, потребовалъ Сруль.

— Данило! сказалъ Лысый, полѣзай подъ стрыху на дворъ всѣ шкуры.

Данила обдало, какъ жаромъ, и онъ не трогался с

— Да что же ты оглохъ что ли? спросилъ ег Полѣзай подъ стрыху!

Данило лучше согласился бы полѣзть въ петлю, чѣ стрыху, но нечего было дѣлать, и онъ вскарабкал крышу стодолы, а Лысый съ Срулемъ вошли во дворъ и дали возвращенія Данила со шкурами. Когда Данило подъ крышой отъ глазъ Лысаго, къ чувству страха и с въ немъ примѣшалась еще и досада. Данило страшно р зло, ему захотѣлось во чтобы то ни стало сильно насол и онъ вознамѣрился взять, да безъ всякихъ церемоній, пов

— Повѣшусь на *бантѣ*, на томъ самомъ мѣстѣ, гд шкура, которую я стащилъ, думалъ Данило. Пусть потом злится сколько его душѣ угодно, а все таки мертваго не станетъ.

И Данило ища веревку, обвелъ кругомъ себя глаз

— Какой чортъ ты тамъ закопался? Слѣзай поск шкурами,—крикнулъ между тѣмъ снизу Лысый.

— Нѣтъ веревки, думалъ Данило. Какъ тутъ быть?

— Да слѣзай же скорѣй, чортъ, или выкидай шкур

— Кричи кричи,—не увидишь меня больше жива поясѣ повѣшусь.

— Выкидай шкуры,—или я самъ полѣзу подъ ст мну тебѣ чупрыну! нетерпѣливо кричалъ Лысый.

— Выкину ему нѣсколько шкуръ, онъ станетъ разсм ихъ съ жидомъ, а тѣмъ временемъ я повѣшусь, рѣшилъ и выкинулъ нѣсколько шкуръ; а Лысый началъ показыват хвалилъ ихъ достоинство Сруля и успокоился.

Данило скинулъ съ себя длинный красный шерстяно

которымъ онъ былъ опоясанъ, привязалъ одинъ конецъ его къ балкѣ, а изъ другаго конца сдѣлалъ петлю; все это онъ исполнялъ съ такимъ покойнымъ видомъ, какъ будто хотѣлъ повѣсить не себя самаго, а шкуру издохшей старой клячи, или дряхлую собаку, которую жалуютъ, не смотря на то, что она ни къ чорту не годится. Все было готово, и если бы Лысый, продолжалъ бранить Данила и пугать, что онъ выдеретъ его за чуприну, Данило непремѣнно сію же минуту повѣсился бы; но Лысый, будучи занятъ разговоромъ и торгомъ съ Срулемъ, оставилъ на время сына въ покоѣ, а Данило между тѣмъ призадумался.

— Вотъ славная воловья шкура, говорилъ Лысый,—изъ нея выйдетъ по крайней мѣрѣ шесть паръ сапоговъ.

— Не выйдетъ и пяти паръ,—дай Богъ, чтобы вышло хоть четыре пары.

— Нѣтъ, выйдетъ шесть паръ, упрямился Лысый.

— Нѣтъ, не выйдетъ. Впрочемъ, мнѣ все равно, сколько бы изъ нея ни вышло паръ сапоговъ, потому что; вы вѣдь знаете, я не сапожникъ, и ежели куплю у васъ шкуры, то только на гандель. Можетъ быть заработаю двадцать грошей, а коли злотъ, то и слава Богу.

— То *мама* будетъ ревѣть, когда я повѣшусь! мелькнуло въ головѣ Данила.

— Мотра, не смотря на свой жесткій и сварливый характеръ чувствовала къ Данилу, какъ къ меньшому изъ дѣтей, нѣкоторую слабость; и хотя побранивала, а порой и поколачивала Данила, но тоже иногда и балавала, а ежели ему случалось заболѣть, то ухаживала за нимъ и даже плакала. Еще недавно, когда у Данила сдѣлалась жаба въ горлѣ, а старая знахарка Марына, выпивъ полъ *кварты* водки, рѣшила, что онъ боленъ отъ *переляку* 1) и, что такъ какъ единственное лѣкарство отъ переляку—выкачиваніе яйцемъ не помогаетъ, то онъ долженъ умереть. Данило, слыша это рѣшеніе, злился за откровенность старой Марыны, а Мотра повѣривъ ей, сѣла у изголовья своего умирающаго, по ея мнѣнію сына, и хныкала и, качая головой, причитывала:

---

1) Перелякъ—перепугъ.

— Ой горенькое мое горенько! Нащожъ тоби, сыну, ум
Ой детыноньно ты моя детыноньно!

Теперь, въ минуту смерти, Данило припомнилъ себѣ
плакала надъ нимъ больнымъ и причитывала его мать,—явс
припомнился ему жалобный припѣвъ ея: „ой детыненько т
детыниныо,“ и въ душѣ Данила скользнуло чувство сож
къ матери. У Данила натура была рѣшительная и восприі
и потому лишь только жалость замѣнила въ душѣ его
и злобу, тотъ часъ всѣ его чувства приняли другое на
ніе, потомъ перевернулись вверхъ дномъ,—Данило уж
думалъ вѣшаться.

— Не стоитъ вѣшаться, рѣшилъ Данило, во первы
тому, что рѣшительно отопрусь и скажу: знать не
вѣдать не вѣдаю куда дѣвалась шкура, и, быть может
вернусь; а наконецъ ежели батько и приколотитъ, то в
шеніе, по случаю завтрашняго праздника, пойду въ
и нанявъ за десять грошей десять танцевъ у музыка
буду плясать до упаду съ *дивчатами*.

— Рѣшительно не стоитъ вѣшаться! Съ этими с
Данило отвязалъ отъ балки поясъ, распустилъ петлю, оно
подхватилъ остальныя шкуры, соскочилъ на землю и пре
предъ своимъ отцемъ.

— Чего ты такъ долго копался? спросилъ Лысый.

— Да, кажется шкуръ всѣхъ нѣтъ, смѣло отвѣтилъ Д
но чрезъ секунду бодрость оставила его и онъ опять ст
и пріуныл.

— Куда же дѣвалась шкура? хорошо зная, куда дѣ
та шкура о которой онъ думалъ, Лысый такъ только для
спросилъ Данила.

— А Господь ее знаетъ. На чорта мнѣ ваша шк
Данило почесывалъ свою спину и подумывалъ объ опа
угрожающей его собственной шкурѣ.

— Не впутаться бы чего добраго и мнѣ въ бѣду?
поглядывая на Данила Сруль.

— И куда бы это дѣвалась шкура? показывалъ вид
раздумываетъ Лысый. Мотра! а Мотра! Мотра не зам
выйдти изъ хаты.

— Сколько у насъ было шкуръ? спросилъ Мотру, Лы

— А господь ихъ знаетъ, отвѣтила Мотра.

— Весной было семь шкуръ? допрашивалъ Лысый жену?

— Семь, согласилась Мотра.

— А теперь сдохли два вола и корова, слѣдовательно всѣхъ шкуръ должно быть десять.

— Десять должно быть, отвѣтила Мотра.

— Ну да,—десять а тутъ всего...

И Лысый началъ считать шкуры...

— Одна, двѣ... пять... семь, восемь... Восемь? Ну, а еще одна куда дѣвалась? Лысый теперь уже спрашивалъ не для одной только формы, а съ серьознымъ недоумѣніемъ и пытливо глядѣлъ въ глаза то Данилу, то Срулю, то вышедшему въ это время изъ хаты хромому Ивану.

— Не одной, а двухъ шкуръ недостаетъ, замѣтила Мотра.

— Одной давно не достаетъ, отвѣтилъ Лысый, но девять шкуръ еще сегодня поутру висѣло подъ стрыхой;—а теперь ихъ всего восемь. Не оставилъ ли ты, Данило, одной шкуры, не доглядѣвъ, подъ крышей?

— А Господь ее знаетъ, можетъ быть и не доглядѣлъ, отвѣтилъ Данило какъ для того, чтобы протянуть время, такъ и для того, что въ головѣ его опять мелькнула мысль—не возвратиться ли подъ крышу, и не повѣситься ли таки?

— А вотъ посмотрю, и Данило хотѣлъ было шмыгнуть на чердакъ стодолы, но Лысый остановилъ его, и полѣзъ самъ; а чрезъ минуту возвратился и, конечно, объявилъ, что шкуры не нашелъ.

— Неужели у насъ въ семьѣ завелся *злодій?* спросила Мотра, сурово поглядывая то на Данила, то на Ивана.

— А таки завелся, отвѣтилъ Лысый: первую шкуру, я навѣрное знаю, укралъ Василь, и за эти деньги все покупалъ своей Прыськѣ булки, которыя она, то и дѣло, тайкомъ отъ насъ жрала, когда была брюхата.

— Она потихоньку жрала тогда булки?! воскликнула Мотра. Вишь ее какая пани! Не прикажетъ ли она еще когда опять забрюхатѣть поить себя и *горбатой?* 1).

— Я еще тогда, какъ Василь укралъ шкуру, зналъ объ этомъ, разсказывалъ Лысый женѣ, но молчалъ до поры до

1) Горбата—чай.

времени, а теперь задамъ же я Василю! Пусть только
съ поля!

— Хорошенько же проучи Василя, убѣждала Мотр
Но кто же укралъ другую шкуру?

Медоточивый хромой Иванъ, погладилъ бородку и, съ
улыбкой на устахъ, вмѣшавшись въ разговоръ, началъ

— Коханые пани господыня и панъ господарь, [1]
онъ *винъ* [2]) проклятый шутитъ. Знаете? *винъ*...

— Знаю, знаю, сказала Мотра, хорошо зная, чт
говоритъ про нечистую силу.

— Да, *винъ* проклятый мутитъ порой и добрыхъ
а не христъ и подавно, хоть и не христы имѣютъ
знаютъ, что воровство большой грѣхъ, но часто иску
Не прогнѣвайтесь, панъ купецъ,—обратился Иванъ к
а шкуру, добавилъ онъ, говоря опять Лысому и М
всей вѣроятности стащилъ этотъ бѣдненькій жидокъ.
тите ему, коханые панъ господарь и пани господыня
что не онъ виной тому, что стащилъ шкуру, а *винъ*
тый, который искусилъ его несчастного—нехриста.

Какъ ни кудрява была рѣчь Ивана, а Сруль
сразу понялъ ее и пришелъ въ ужасъ.

— Ай вей гвалтъ! Напасть! кричалъ Сруль; но
вскорѣ успокоилъ его, потому что не повѣрилъ Ивану

— А если арендаръ укралъ шкуру, куда же онъ ее с
Не въ свой ли карманъ? спросилъ Лысый Ивана.

— А можетъ быть вы думаете, что я спряталъ въ мо
Такъ объищите, добавилъ Сруль.

— А Господь васъ знаетъ, панъ купецъ, куда вы
шкуру. Можетъ быть и въ бидку, а можетъ и засу
нибудь въ другое мѣсто, чтобы потомъ возвратясь сюд
легче было ее стащить, чѣмъ изъ подъ стрѣха.

— Какъ я вижу меня хотятъ здѣсь совсѣмъ о
горячился Сруль. Содрали, чортъ знаетъ за что сем
въ полѣ, а теперь опять хотятъ слупить! Побѣгу—
старостѣ и буду жаловаться.

---

1) Господарь—хозяинъ.
2) Винъ—онъ.

И Сруль кинулся было къ воротамъ, но Лысый остановилъ его; сообразивъ, что Сруль только лишь подъѣхалъ къ его хатѣ и не могъ знать, гдѣ находятся его шкуры, а наконецъ и не имѣлъ гдѣ припрятать украденную шкуру, то и не могъ украсть ее.

— Чего тебя чортъ понесетъ къ старостѣ? обратился Лысый къ Срулю; шкура вѣдь моя, а я тебя не подозрѣваю, а что мой посѣчникъ колякаетъ, то пусть себѣ и колякаетъ.

— Да какъ же мнѣ молчать, коханый панъ господарь, когда у меня сердце такъ болитъ, что *винъ* соблазняетъ народъ Божій

— Лысый молчалъ, но думалъ крѣпкую думу, а чтобы не выдавать своихъ мыслей, показывалъ видъ, что разсматриваетъ шкуры, а Сруль, тоже перекидывалъ и мысленно цѣнилъ ихъ.

— А знаете что, *мамо?* тихонько шепнулъ Мотрѣ, Данило; когда я выходилъ изъ хаты, то видѣлъ что жидокъ заглядывалъ подъ *стрыху*, такъ кто его знаетъ, быть можетъ онъ и стащилъ шкуру и припряталъ ее куда нибудь

— *Чыжъ?* 1) воскликнула Мотра. Ахъ *трасца его матери!* Юзько! обратилась она къ мужу, пойдемъ—въ садикъ, я тебѣ скажу кое что.

— Пожалуй и пойдемъ, отвѣтилъ Лысый, который радъ былъ одуматься на свободѣ и посовѣтоваться съ женой.

— Знаешь что Юзьку? сказала Мотра, войдя въ садъ, Данило говоритъ, что видѣлъ, какъ жидокъ заглядывалъ подъ крышу стодолы, такъ кто его знаетъ, можетъ быть и онъ стащилъ шкуру. Объищемъ хорошенько дворъ, и если окажется, что шкура припрятана и подозрѣніе падаетъ на жида, то мы можемъ слупить съ него за то, что не будемъ жаловаться старостѣ.

— Лысый молчалъ.

— Можно слупить съ жида, пожалуй, и цѣлыхъ два карбованца, продолжала разсуждать Мотра, потому что ему выгоднѣе будетъ дать два карбованца, чѣмъ возиться со старостой, а потомъ пожалуй, и съ вольнымъ, и съ судовыми.

Лысый все таки молчалъ, а между тѣмъ подошли къ пасѣкѣ. Лысый случайно взглянулъ внутрь будки и его опытный глазъ замѣтилъ, что солома въ будкѣ не примята какъ бы ей слѣдовало быть, а взрешена о взбита вверхъ. Не много думая, Лысый порылся въ соломѣ и увидѣлъ спрятанную тамъ шкуру.

---

1) Чыжъ—неужели?

— Такъ и есть, какъ я думалъ, воскликнулъ Лысый. Вотъ шкура! и съ этими словами, онъ вытащилъ шкуру изъ будки и Мотра увидѣла ее.

— Такъ и есть, повторила и Мотра, которой очень хотѣлось получить отъ Сруля два карбованца. Это вѣрно жидюга проклятый стащилъ шкуру и припряталъ ее на время въ будку.

— Не жидъ, отвѣтилъ Лысый, а Иванъ съ Даниломъ.

— Данило съ Иваномъ? Ну нѣтъ! не они, а жидокъ. Еслибы Иванъ стащилъ шкуру, то не пряталъ бы ее у себя въ будкѣ, куда, замѣтивъ пропажу, мы могли сей часъ же кинуться, потому что Иванъ человѣкъ умный и хитрый, а Данило, укравъ шкуру, тоже не клалъ бы ее въ будку, такъ какъ Иванъ сей часъ нашелъ бы ее тамъ.

— А вотъ сей часъ увидимъ, кто припряталъ шкуру отвѣтилъ Лысый. Ай! Вы! Пойдите всѣ сюда! крикнулъ Лысый, подойдя къ перелазу, и Сруль, сладко улыбающійся Иванъ и догадавшійся въ чемъ дѣло, блѣдный и трепещущій Данило направились къ пасѣкѣ.

Ой маты,—тайне, маты,
Лыхая 1) свѣкруха!.......

Раздался звонкій и громкій напѣвъ возлѣ самыхъ воротъ усадьбы.

— Это они возвращаются, замѣтилъ Лысый.

Они, отвѣтила Мотра. Это Маруся реветъ. И что это она напѣваетъ?

Лыхая свекруха!

Какъ бы въ отвѣтъ Мотрѣ, съ особенною силою и выраженіемъ, повторила Маруся, а Мотра поблѣднѣла отъ негодованія.

— Эта она меня такъ величаетъ, замѣтила она тихо мужу.

— Нехай, 2) нехай *ревс*, всѣ опи уймутся скоро, тоже тихо сказалъ Лысый.

Сруль, Иванъ и Данило подошли, между тѣмъ, къ будкѣ, и увидѣли лежавшую возлѣ нея шкуру, и всякаго изъ нихъ волновало одинаково сильныя, хотя и различныя чувства. Сруль хорошо помня сдѣланное ему Даниломъ предложеніе, на како

1) Лыхой—злой.
2) Нехай—пусть.

онъ согласился, боялся, чтобы его не втянули въ исторію; Данило жалѣлъ, что не повѣсился, а Иванъ поглаживалъ свою бородку, грустно и сладко улыбался и думалъ.

— Опять, пожалуй, будетъ отъ Лысаго непріятность. О Господи! И за что это ты заставляешь людей невинно страдать?

Вошли на посѣку Василь, Федько и молодыя бабы. Задуманный Василемъ планъ дѣйствій противъ родителей не только окончательно созрѣлъ въ его головѣ, но даже началъ уже приводиться въ исполненіе. Лысый крѣпко разчитывалъ на конфузъ Василя, когда его обвинятъ и докажутъ ему воровство, и еще крѣпче на свой кулакъ и дѣло видимо приходило къ развязкѣ. Посмотримъ, чья возьметъ?

(Продолженіе будетъ).

РАХИЛЬ

(ПОВѢСТЬ).

(Посвящается моимъ классным товарищамъ).

*(Продолженіе *).*

VII.

Новая жизнь.

Прошло немного времени послѣ разговора Вайнтройба съ сестрою о нанятіи другой квартиры. При первомъ визитѣ М-me Винтъ, Полина 1) въ точности исполнила просьбу брата и освѣдомлялась у ней на счетъ квартиры, которую рекомендовала Груне Вайнтройбамъ.

— Въ конецъ концовъ все таки выходитъ по моему, заговорила М-me Винтъ: я уже давно говорила вамъ, что пора

---

*) См. „Вѣстникъ Западн. Россіи кн. 9.

1) Такого имени нѣтъ въ еврейскихъ святцахъ; поэтому, какъ въ настоящемъ, такъ и во всѣхъ случаяхъ переименованія, авторомъ разсказовъ изъ еврейскаго быта не мѣшало бы обозначать (хоть между скобками) подлинныя имена своихъ дѣйствующихъ лицъ, соотвѣтствующія (будто-бы) христіанскимъ. Иначе, такое перекрещиваніе покажется читателямъ и страннымъ и непонятнымъ. Ред.

оставить эту грязь,—этотъ синагогальный дворъ. Поймите сами, что рано или поздно вамъ нужно же выбраться изъ этого смута. Лазаръ Ананьевичъ все говоритъ, что ему трудно разстаться съ комнатою, гдѣ умеръ ребъ-Элхононъ, царство ему небесное. Положимъ, что онъ и правъ, но все таки нельзя же на всю жизнь отказаться жить по человѣчески... Вы меня просто обрадовали, сказавъ что пойдете теперь же со мною посмотрѣть квартиру на углу Субочой улицы (нынѣ Сиротской)...

— Лазаръ не рѣшился бы такъ скоро, еслибъ на прошлой недѣлѣ ему не совѣтовали бы его знакомые чиновники, которые не могли воздержаться, чтобы не высказать ему свое удивленіе, когда имъ пришлось пробираться къ намъ чрезъ кучу сору и грязи, перебила Полина M-me Винтъ....

— Конечно, въ свою очередь, перебила Груне, мы—евреи привыкли ко всему и, не смотря на то, что можемъ жить чисто живемъ грязно, можемъ наслаждаться жизнью, а проводимъ весь вѣкъ только въ страданіяхъ, — однимъ словомъ, можемъ жить, какъ живутъ всѣ порядочные люди, а наша жизнь слагается чортъ знаетъ какъ... А вы думаете, можетъ быть, что обстоятельства въ которыхъ еврей находится тому причиною? нисколько. Вотъ, положимъ, хоть ваше семейство. Лазаръ Ананьевичъ человѣкъ образованный, богатый, независимый; чего бы, кажется, лучше; а видите, какъ трудно пришлось мнѣ уговорить его выбраться изъ центра жидовства... Конечно, съ этою квартирою связываютъ его воспоминанія дѣтства, но вѣдь это ребячество, и только...

— Какъ дурачество? перебила Груне старая Блюме со вздохомъ: человѣкъ гдѣ родится, тамъ ему и мило. Вотъ я, напримѣръ, ни за какія сокровища не согласилась бы оставить, не скажу синагогальный дворъ, но Вильну, потому что, хотя мы не знаемъ, что дѣлается *тамъ*, однакожъ я бы не хотѣла, чтобы мои смертные останки покоились не на виленскомъ кладбищѣ, гдѣ лежатъ мои родители и мужъ; послѣднія слова она закончила громкимъ вздохомъ...

— Вы, Блюме, другое дѣло, замѣтила M-me Винтъ: вы принадлежите къ старому поколѣнію и сжились совершенно съ другими понятіями; вы не можете вполнѣ понять насъ. Понимаете ли вы, окончила она вопросомъ и попросила Полину по-

слать за Лазаромъ, чтобы вмѣстѣ отправиться посмотрѣть квартиру.

— Можетъ быть вы и правы, замѣтила Блюме почти про себя, сомнительно качая головой.

— Конечно, я права, подхватила Груне, отъ которой не ускользнули ни послѣднія слова, ни тонъ недовѣрчивости, съ которымъ послѣдняя произносила ихъ, а то какъ? Мы другіе люди—ну и требованія наши тоже другія. Этого никто отрицать не можетъ...

Груне замолчала. Она собственно хотѣла вполнѣ урезонить старуху и просвѣтить ее, но никакъ не нашлась, чтобы еще сказать ей. Отъ досады она закусила губы.. Блюме, съ своей стороны, не считала нужнымъ по напрасну продолжать начатый разговоръ. „Нынѣшняя молодежь, думала она, считаетъ себя слишкомъ совершенною!... Богъ съ ними! мнѣ ихъ не передѣлать.... Но какъ же глупа эта Груне! она думаетъ, что побѣдила меня и что я вполнѣ признаю ея правоту... пусть ее... Вѣдь была же и я когда то молода, однакожъ не претендовала какъ они.... Эхъ молодость, молодость! подумала она, и въ головѣ ея промелькнули очень пріятныя картины, и Блюмэ забыла все на свѣтѣ, кромѣ своей молодости...“

Наконецъ пришелъ молодой Вайнтройбъ, и M-me Винтѣ съ нимъ и Полиною отправилась осматривать квартиру.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Вайнтройбы на всегда разстались съ завѣтнымъ синагогальнымъ дворомъ. Молодой Вайнтройбъ былъ очень доволенъ. Домъ, въ которомъ онъ нанялъ квартиру, былъ очень чистый и кромѣ того квартира его имѣла, какъ всѣ порядочныя квартиры, два входа: одинъ черный, который, замѣчу мимоходомъ, былъ несравненно чище, чѣмъ парадный на синагогальномъ дворѣ, а другой на самомъ дѣлѣ парадный. Она состояла изъ шести комнатъ. Старая мебель была за ничтожные деньги продана и на мѣсто ея Лазаръ купилъ изъ петербургскаго магазина мебель новѣйшаго фасона. Въ самое короткое время у Вайнтройбовъ водворился порядокъ. Они перебирались во вторникъ. Въ ближайшую субботу принимали гостей съ поздравленіями. Гости эти были люди изъ новаго стана. Груне въ эту субботу измѣнила своей привычкѣ спать до десяти часовъ и, разодѣтая въ пухъ и прахъ, въ девять

уже была у Войнтройбовъ. Когда начали появляться гости, Груне помогла Полинѣ и Маріи принимать ихъ и при всякомъ удобномъ случаѣ разсказывала гостямъ, какихъ трудовъ стоило ей, Грунѣ, вырвать Вайнтройбовъ изъ синагогальнаго двора, на что Вайнтройбъ обыкновенно замѣчалъ что дѣйствительно, многимъ ей объязанъ. По совѣту Груне, Вайнтройбы устроили вечеръ для избранныхъ друзей и Груне взяла на себя трудъ передать приглашенія.

— Все должно обойдтись безъ шуму, говорила Груне Вайнтройбу, притомъ вы уже черезъ чуръ утомлены, а я всегда люблю помогать друзьямъ. Ничего, я это беру на себя, и вы не раскаетесь въ томъ, что послѣдовали моему совѣту...

— Ахъ, M-me, я никогда не забуду вашихъ услугъ; Богъ дастъ, я вамъ отслужу за это...

— За то я буду танцовать на свадьбѣ вашихъ сестеръ, замѣтила шуточнымъ тономъ Груне.

Наступилъ вечеръ. Зала Вайнтройбовъ была великолѣпно освѣщена. Новая мебель была разставлена со вкусомъ. Лазарь въ новомъ фракѣ, сильно хлопоталъ и отдавалъ разныя приказанія. Полина и Марія занимались туалетомъ. Груне, какъ и утромъ, явилась раньше всѣхъ и во всемъ помогала Вайнтройбу.

— Вамъ только одного не достаетъ, замѣтила шуточнымъ тономъ Груне, а именно молодой хозяйки...

— Жениться и умереть никогда не опаздываютъ, отшучивался молодой Вайнтройбъ.

— И вы правы, подтвердила Груне.

Начали появляться гости. Къ десяти часамъ собралось порядочное общество. Зала Вайнтройбовъ дышала жизнью. Тамъ веселилась и радовалась молодость. Ни одного лица покрытаго морщинами, кромѣ Блюмы, не было видно въ многочисленномъ собраніи. Кавалеры расхаживали подъ руку съ дамами и толковали довольно развязно. Никто никѣмъ не стѣснялся. Иногда громкій смѣхъ раздавался по обширной залѣ. Вокругъ одного стола сидѣли молодые люди и во главѣ ихъ молодой человѣкъ, учитель еврейскаго училища, и обсуживали разныя вопросы. Сначала рѣчь шла о политикѣ, а потомъ, какъ водится, перешла къ литературѣ и еврейскому вопросу.

— Теперь, при настоящемъ положеніи дѣлъ, когда образованіе мало по малу проникаетъ между нами, говорилъ учитель, намъ отчаяваться нечего... Пусть мы были до сихъ поръ у всѣхъ въ презрѣніи, пусть еще въ настоящее время нами пренебрегаютъ, не слѣдуетъ обращать на это серьезнаго вниманія,— это пройдетъ. Ну скажите сами, можетъ ли христіанинъ уважать еврея до тѣхъ поръ, пока видитъ въ немъ фактора, барышника, и только? Конечно, нѣтъ. Въ настоящее время, если христіанинъ знакомъ съ евреемъ и даже уважаетъ его, то думаетъ, что его знакомый еврей — исключеніе и никакъ не хочетъ допускать, что еще много существуетъ такихъ... Но вы увидите, какъ скоро общественное мнѣніе будетъ за насъ!... Солнце покажется и на нашъ горизонтъ или какъ пословица говоритъ, когда нибудь будетъ праздникъ и на нашей улицѣ...

— Конечно, конечно, подхватили всѣ въ одинъ голосъ, это такъ: только одно образованіе можетъ вытянуть насъ изъ грязи.

— Эхъ, господа, заговорилъ молодой Вайнтройбъ, который присоединился къ кружку молодыхъ представителей еврейства,— побывали бы въ глубинѣ Россіи, иначе затянули бы пѣсенку... Вотъ слушайте, что мнѣ пришлось перетерпѣть во время моего путешествія. Однажды мнѣ пришлось нѣсколько мѣсяцевъ сряду жить въ Казани. Я нанялъ квартиру у русскаго. Вышло такъ, что моя комната была рядомъ съ квартирою моего хозяина. Хотя я никогда не скрывалъ, что я еврей, однакожъ встрѣчаясь каждый день цѣлый мѣсяцъ мнѣ не выпалъ случай говорить съ моимъ хозяиномъ. Такимъ образомъ онъ остался въ невѣдѣніи о моемъ происхожденіи и религіи. Однажды, это было, кажется, въ *рошъ-Хойдешъ* (новолуніе), обстоятельства мои были черезъ чуръ плохи и мнѣ было такъ грустно, что вы себѣ представить не можете. Мнѣ захотѣлось молиться и излить свое горе предъ Богомъ. Я надѣлъ *тефилимъ* (филактеріи) и началъ горячо молиться. Вдругъ отворяется дверь и служанка приноситъ мнѣ шипящій самоваръ. Увидя меня одѣтаго въ *тефилимъ* и громко произносящаго непонятныя для нея слова, она страшно испугалась, думая, что я сошелъ съ ума. Она чуть не бросила на свое мѣсто самоваръ, а сама безъ оглядки убѣжала. Чрезъ нѣсколько минутъ, двери моей комнаты отворяются снова и хозяинъ дома очутился въ моей квар-

тирѣ. Что ты тутъ дѣлаешь, братецъ, произнесъ хозяинъ? служанка сказала мнѣ, что ты рехнулся, а я глупецъ думалъ, что она дура. Теперь вижу, что Аннушка права, ты взаправду съ ума спятилъ...

— Послушайте, Савелій Григоровичъ, говорю я, чѣмъ же я по вашему, подтверждаю ваши предположенія? я, кажется, такой же сумашедшій, какъ и вы, т. е. я хочу сказать, что я въ полномъ умѣ какъ и вы, и ни чуть не рехнулся.

— Эхъ, братецъ, да я прежде чѣмъ вошелъ къ тебѣ, подслушалъ при дверяхъ и слышалъ, какъ ты произносилъ непонятныя слова... да притомъ скажи самъ, развѣ человѣкъ въ полномъ умѣ запрягаетъ себя какъ лошадь? Произнося послѣднія слова, Савелій Григоровичъ показалъ рукою на ремни, висѣвшіе на моихъ плечахъ.

— Да я вѣдь молюсь, началъ я, желая вывести моего хозяина изъ заблужденія...

— Ай, ай, ай! закричалъ мой хозяинъ, не давая мнѣ договорить; такъ, значитъ, ты колдунъ, или лѣшій... Нѣтъ, нѣтъ православные такъ не молятся...

— Да я вовсе не православный, перебилъ я его въ свою очередь, я еврей и молюсь какъ молятся всѣ евреи...

Когда я произнесъ послѣднія слова, хозяинъ мой выпучилъ на меня глаза и долгое время стоялъ какъ окаменѣлый. Наконецъ онъ высморкался, трижды плюнулъ и произнесъ: „Такъ ты значитъ жидъ? Ну не зналъ я этого... Ступай вонъ изъ моей гостинницы... Ахъ ты лѣшій, лѣшій! Пробрался ко мнѣ и творитъ предъ иконой чары да заговоры... Вѣдь жиды Христа продали и распяли...“ Онъ трижды перекрестился и сталъ, не шутя гнать меня съ квартиры. Я, разумѣется, началъ урезонивать его, что не я Христа продалъ и что я ни въ чемъ не виноватъ; но онъ и слушать не хотѣлъ и твердо стоялъ на своемъ, чтобы я непремѣнно сейчасъ очистилъ квартиру. Дѣлать было нечего. Долго спорить съ нимъ я не могъ, я боялся, чтобы онъ не прибѣгалъ къ насилію, и видъ мой былъ заявленъ, потому что въ немъ значилось, что я еврей.

Ну, господа, какъ вамъ нравится такая исторія? окончилъ молодой Вайнтройбъ свой разсказъ; кажется этотъ фактъ на половину выясняетъ дѣло. Да впрочемъ это не единственный

случай; лѣнюсь только разсказывать, а то вы не то бы еще услыхали...

Молодой Вайнтройбъ обвелъ глазами все собраніе, какъ будто желая сказать этимъ: „легко вамъ, господа ученые, сидѣть за своими книгами и составлять себѣ извѣстныя понятія, а потомъ и толковать о нихъ и думать про себя:“ „вотъ, молъ, я мыслитель и прогресистъ.“ Попробовали бы вы изучить все на практикѣ, такъ убѣдились бы, что ваша теорія нелѣпа. Если вамъ попадается въ какой нибудь газетной статейкѣ слово за евреевъ и вашъ знакомый русскій или полякъ протягиваетъ вамъ дружески руку, то вы думаете: вотъ ужъ и разрѣшенъ еврейскій вопросъ, евреи уже во всемъ сравнены съ другими народами. О! побывайте только, снова скажу, въ глубинѣ Россіи—то, будете иначе думать объ этомъ мнимомъ равенствѣ. Да и къ чему намъ углубляться въ Россію, когда и здѣсь одно слово *жидъ* возбуждаетъ презрѣніе.“

Хотя Вайнтройбъ не произнесъ свои мысли вслухъ, но всѣ гости поняли, о чемъ онъ думаетъ.

— Понимаемъ заговорилъ весь кружокъ тономъ, въ которомъ слышалась досада.

— Я этого не отрицаю, спохватился Вайнтройбъ.

— Вайнтройбу сдѣлалось совѣстно, что онъ хоть мысленно обидѣлъ своихъ друзей; онъ хотѣлъ, во чтобы то ни стало, загладить свою вину.

— Я, видите-ли, хотѣлъ вамъ дать только точное понятіе о томъ, каково общественное мнѣніе о насъ въ другихъ мѣстностяхъ, произнесъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія; конечно, положеніе дѣлъ нашихъ въ сѣверо-западномъ краѣ вамъ лучше извѣстно, чѣмъ мнѣ, пришлецу. Съ вашими здѣшними порядками я еще не знакомъ.

— То то, замѣтилъ глубокомысленно молодой учитель: вы точно выразились; вы пришлецъ, хорошо сказано.

— Эхъ, господа! Богъ съ вами, заговорила M-me Винтъ, приближаясь къ нашему кружку, да наговориться вы и завтра успѣете; вѣдь вы видитесь ежедневно, а этотъ вечеръ, какъ хотите, предназначенъ не для разговоровъ. Ступайте, господа, въ другую залу. Намъ нужно танцовать, а кавалеровъ недостаетъ. Да это еще не бѣда, а вотъ, видите ли, молодчики

ангажировали все фрейлинъ, а меня уже причислили къ категоріи старухъ, такъ что я осталась безъ кавалера... Но, Herr Вайнтройбъ, я не въ накладѣ: потому что прежде чѣмъ танцы начались, я заранѣе рѣшила весь вечеръ танцовать только съ вами. Видите ли, господа, окончила Груне, обращаясь къ каждому отдѣльно и ни къ кому въ особенности, какимъ теперь сталъ свѣтъ: вмѣсто того чтобы Herr Вайнтройбъ ангажировалъ меня я ангажирую его...

Произнеся послѣднія слова, M-me Винтъ схватила Вайнтройба подъ руку и увлекла его въ танцовальную залу. Весь разсуждающій кружокъ потянулся вслѣдъ за ними; громко хохоча, потому что Вайнтройбъ споткнулся о что-то и чуть не упалъ.

— Ай, ай, ай! закричалъ послѣдній, желая найти равновѣсіе.

— Это за то, что забываете объ вашихъ гостяхъ, и пускаетесь въ расужденія, смѣясь замѣтила Груне.

— Именно, именно, подхватили гости.

Начались танцы. Спеціальныхъ музыкантовъ Вайнтробѣ не могъ пригласить на вечеръ, потому что это надѣлало бы много шуму, за то Груне и въ этомъ отношеніи тоже выручила молодаго Вайнтройба. Между ея знакомыми были молодые люди, которые играли на скрипкѣ и другихъ инструментахъ. Груне предвидѣла, что ихъ услуги будутъ нужны и потому она успѣла познакомить ихъ съ Вайнтройбомъ еще прежде, чѣмъ послѣдній рѣшился оставить синагогальный дворъ и успѣла до того ихъ сблизить, что Вайнтройбъ не упрашивалъ ихъ занять у него на вечерѣ мѣсто музыкантовъ, потому что послѣдніе сами предлагали ему свои услуги. Танцы продолжались около трехъ часовъ. Груне ни на минуту не отпускала отъ себя Вайнтройба, который не очень любилъ танцы и потому нѣсколько разъ просилъ M-me Винтъ освободить его.

— Фуй, какой вы скверный мущина! отпучивалась Груне на просьбы Вайнтройба. Впрочемъ, всѣ мущины эгоисты и вы тоже эгоистъ. Положимъ, что для васъ непріятно танцовать; но вы не должны забывать, что этимъ доставляете удовольствіе своимъ гостямъ, которые удостоили васъ своимъ посѣщеніемъ... Нѣтъ, любезный Herr Вайнтройбъ, я еще не такая дура, что-

бы отказалась отъ удовольствія танцовать съ вами ради васъ. Еслибъ я отказалась, дѣло другое; тогда вы были бы свободны, но пока мнѣ служатъ ноги, всѣ ваши мольбы и просьбы тщетны.

Послѣднія слова Груне произносила съ громкимъ смѣхомъ и выставила на показъ бѣлый рядъ восхитительныхъ маленькихъ зубовъ.

Разумѣется, Вайнтройбу ничего не осталось, какъ безмолвно дотянуть иго и терпѣливо дождаться окончанія танцевъ.

Въ то же самое время, когда Вайнтройбъ тяготился своею дамою, а M-me Винтъ была въ восхищеніи, что ей удалось, какъ она думала, совершенно обворожить своего кавалера, старшая сестра Вайнтройба, Полина, впервые начала вкушать жизнь.

Она танцовала въ первый еще разъ съ мущиною. На ея долю выпалъ молодой учитель еврейскаго училища.

Въ промежуткахъ между танцами молодой учитель, усаживая ее на стулъ, безпрестанно любовался ея фигурою. Его большіе голубые глаза были устремлены только на нее одну. Отъ моціона и душевнаго волненія грудь ея высоко подымалась и на щекахъ играла краска молодости и невинности. Хотя по временамъ ей было довольно не ловко отъ устремленныхъ на нее взглядовъ ея кавалера, тѣмъ не менѣе она была очень довольна и чувствовала, что предъ нею возникаетъ, жизнь иная, чѣмъ та, которая ожидала ее при жизни ребъ-Элхонона. Однимъ словомъ—ей было и хорошо и неловко въ одно и тоже время. Полинѣ пошелъ уже девятнадцатый годъ. Она была невысокаго роста, карые глаза ея, сверкали огнемъ и жизнію. Больше локоны, съ серебрянным отливомъ, покрывали все плечо. Когда она смѣялась, то на правой щекѣ образовалась ямочка. Умъ ея былъ очень мало развитъ, какъ у всѣхъ дѣвицъ еврейскихъ, воспитанныхъ въ строгомъ уединеніи. При всемъ томъ ея открытый характеръ, искренность и отсутствіе кокетства, рѣдкое въ дѣвушкѣ ея лѣтъ, привлекали къ ней всякаго. Молодой Сукштейнъ (такъ звали молодаго учителя) уже давно отличилъ ее среди другихъ еврейскихъ дѣвушекъ и въ тайнѣ замышлялъ добиться ея руки. То что она наивна и не развита, думалъ Сукштейнъ, придаетъ ей особенную цѣну въ моихъ глазахъ. Потому что покрайней мѣрѣ она не испорчена, и я буду въ состояніи передѣлать ее какъ мнѣ угодно будетъ.

— Какъ вы прекрасны, Полина! не могъ удержаться Сукштейнъ, желая во чтобы то ни стало вызвать свою даму на объясненіе, когда, послѣ третей кадрили, посадилъ ее на стулъ и самъ сталъ противъ нея, сложивъ руки на груди.

Полина потупила глаза и ничего не отвѣчала.

— Чтожъ вы не отвѣчаете мнѣ, фрейлинъ, началъ опять Сукштейнъ, и вдругъ тоже потупилъ глаза, потому что самъ смѣшался и не нашелся докончить разговоръ...

Дѣвушка подняла на своего кавалера глаза и окинула его добродушнымъ взглядомъ; это его ободрило и онъ понялъ, что его присутствіе и разговоръ скорѣе пріятны дѣвушкѣ, чѣмъ наоборотъ, и онъ заговорилъ снова.

— Не можете себѣ представить, какое удовольствіе доставляетъ мнѣ ваше присутствіе!... Вѣдь вы не сердитесь на меня, что я говорю съ вами такъ откровенно, окончилъ Сукштейнъ и покраснѣлъ до ушей.

— Развѣ вы обманываете меня, чтобы я сердилась на васъ? процѣдила сквозь зубы Полина, и грудь ея заволновалась сильнѣе прежняго...

— Мнѣ васъ обманывать!? перебилъ ее Сукштейнъ, что вы? Ахъ, Полина, Полина! Видно вы еще мало знаете меня... Впрочемъ, я отчаиваюсь и въ тоже время желаю, чтобы въ настоящую минуту вы были обо мнѣ другаго мнѣнія... Ахъ, какъ трудно мнѣ договорить, окончилъ онъ почти шепотомъ...

— Какъ пріятно мнѣ слушать ваши рѣчи, вдругъ заговорила Полина, и робость ея въ одну секунду исчезла; я вамъ вѣрю, потому что не могу вамъ не вѣрить... Да, вы честный человѣкъ, я это всегда знала. Братъ мой тоже самое говоритъ...

— Сокровище мое, жизнь моя!.. Еслибъ ты могла видѣть какъ ты прекрасна въ эту минуту и какъ гармонично звучитъ въ ушахъ моихъ твой нѣжный голосокъ...

Сукштейнъ не договорилъ. Ему было слишкомъ хорошо въ эту минуту, и онъ замолчалъ, чтобы полнѣе оцѣнить свое счастье. Рука его очутилась въ рукѣ Полины, и они устремили другъ на друга взглядъ полный любви и счастья.

— Когда гости уйдутъ, я обо всемъ, что происходило между нами, разскажу брату, проговорила чуть слышно Полина.

— Конечно, конечно! одобрилъ ее Сукштейнъ.

— Эхъ вы, молодежь! забились въ уголкѣ да и амурничаютъ, вдругъ закричала M-me Винтъ, чуть не на самое ухо Сукштейна. Кто бы повѣрилъ! Всегда такой скромненькій! Кажется на женщинъ и не смотритъ! Не даромъ говорятъ: въ тихомъ омутѣ черти водятся. Ай, Вайнтройбъ! вы не слишкомъ довѣряйте вашу сестрицу этому медвѣдю, указала Груне на Сукштейна, обращаясь къ своему кавалеру. Видите какъ herr Сукштейнъ покраснѣлъ?... Они такъ заинтересовались собою, что совершенно забыли четвертую кадриль и ихъ vi-s-avi, по ихъ милости, тоже должно было отказаться отъ четвертой кадрили...

— Что вы, что вы, заговорилъ было Сукштейнъ, M-me Винтъ? Ошибаетесь, мы такъ себѣ заговорились...

— Заговорились! хорошо сказано, ха, ха, ха! засмѣялась громко M-me Винтъ и, увлекая своего кавалера, прибавила: я васъ, милые мои, не обвиняю, только не слѣдуетъ такъ забываться...

Полина на минуту смутилась, не потому, чтобъ она боялась брата, который догадывался, какъ ей казалось, какого рода разговоръ происходилъ между ею и Сукштейномъ; но ей стало совѣстно, почему онъ не узналъ объ этомъ отъ нея самой. Она въ душѣ возненавидѣла M-me Винтъ, которая во все суетъ свой носъ. Впрочемъ, все равно, подумала она, и глаза ея встрѣтились со звглядомъ Сукштейна, который, вѣроятно, думалъ о томъ же. Молодой Вайнтройбъ, съ своей стороны, не обратилъ на описанную нами сцену никакого вниманія. Онъ былъ слишкомъ увѣренъ въ своей сестрѣ и Сукштейнѣ. Впрочемъ, кто знаетъ? Можетъ быть, Лазаръ и желалъ, чтобы сестра его сблизилась съ такимъ благороднымъ человѣкомъ, какъ Сукштейнъ!...

Музыка заиграла польку. Полина пустилась съ Сукштейномъ, и ей казалось что она мчится, въ объятіяхъ милаго, въ мірѣ счастія и радости...

Было двѣнадцать часовъ ночи. Гости усѣлись ужинать. Груне заняла мѣсто при Вайнтройбѣ, а Сукштейнъ сѣлъ какъ разъ противъ Полины. Между гостями шелъ оживленный разговоръ. И не мудренно: вино было подано въ изобиліи и кто можетъ воздержаться, чтобы не поболтать при такой обстановкѣ? Между разсуждающими и на этотъ разъ тоже болѣе всѣхъ отличался Сукштейнъ.

— Послѣ всякой высказанной имъ фразы онъ обращался глазами къ своей vi-s-avi которая одобрительно кивала ему всякій разъ головой и нѣжно улыбалась. Послѣднее обстоятельство не ускользнуло отъ M-me Винтъ и она только ожидала случая, чтобы сконфузить Сукштейна и Полину. На Сукштейна Груне уже давно точила зубы, потому что послѣдній скептически относился къ ея начитанности и образованію и острилъ на ея счетъ довольно часто и колко. Постой же, думала Груне, *придетъ коза до воза;* когда нибудь удружу тебѣ, голубчикъ. Наконецъ случай представился. Сукштейнъ пересталъ вмѣшиваться въ разговоръ и началъ о чемъ то переговариваться знаками съ Полиною. Груне улучила удобную минуту и, громко захохотавъ, произнесла.

— Ну, голубчикъ, обратилась она къ Сукштейну, теперь ты тоже заговорился!... При чужихъ даже не можетъ удержаться!... Вотъ вамъ эти ученые! А ты, моя милая, обратилась она къ Полинѣ, не можешь урезонить своего милаго, что слѣдуетъ быть осторожнѣе и не компрометировать при всякомъ удобномъ случаѣ свою зазнобушку... За такія продѣлки ты можешь прогнать своего неразборчиваго поклонника, окончила она полу-шуточнымъ, полу-увѣщательнымъ голосомъ и съ торжествующимъ лицомъ обратилась къ Сукштейну, какъ бы желая сказать ему: даръ за за даръ, любезный: ты шутишь надо мною, и я отплачиваю тебѣ по возможности.

— Вы очень мило шутите M-me, произнесъ Сукштейнъ, съ затаенною злобою, при всемъ томъ я просилъ бы васъ предметомъ своихъ шутокъ выбирать кого угодно, а только не меня... Вѣроятно, читаете романы и хотите играть роль героини, а главное забываете, что добродѣтельная героиня не должна мстить своему врагу, а покровительствовать ему, окончилъ онъ съ саркатическою улыбкою, которая была еще краснорѣчивѣе его словъ.

M-me Винтъ закусила губы и приготовилась отразить нанесенный ей ударъ. Всѣ гости насмѣшливо переглянулись. Полина, которая чуть было не заплакала при первыхъ словахъ, обращенныхъ къ ней M-me Винтъ, теперь громко захохотала, увлекая своимъ смѣхомъ и другихъ гостей. Молодому Вайнтройбу это понравилось, потому что онъ былъозлобленъ на

Груне, но при всемъ томъ, предвидя что эта ссора между Груне и Сукштейномъ можетъ принять скандалезный характеръ, какъ хозяинъ дома, рѣшился положить ей конецъ.

— Господа! къ чему тратить по напрасну дорогое время въ пустыхъ толкахъ? проговорилъ молодой Вайнтройбъ. Развѣ не можете заняться чѣмъ нибудь по серьезнѣе?... Кажется моими бутылками полезнѣе и пріятнѣе заниматься и опоражнивать ихъ; а то посмотрите, сколько еще ихъ не тронуто... Вы просто обижаете ихъ и меня... Вотъ нашли время для ссоры... Вамъ, Monsieur Сукштейнъ, я приказываю побольше пить и совсѣмъ молчать, а вамъ, M-me Винтъ, не смѣя приказывать, хотя правду сказать въ настоящую минуту, сильно желалъ бы *смѣть*, прошу васъ оставить въ покоѣ этого красавчика; потому что если вы будете продолжать шутить надъ нимъ, то онъ можетъ еще, пожалуй, расплакаться, а это будетъ всѣмъ намъ болѣе чѣмъ непріятно... Правъ я или нѣтъ? обратился Вайнтройбъ къ другимъ гостямъ, окинувъ взглядомъ все собраніе и желая угадать: удачно ли онъ выполнилъ свою задачу и какъ подѣйствовали его слова.

— Что и говорить, отозвалось все собраніе въ одинъ голосъ, приказаніе ваше будетъ исполнено...

Вайнтройбъ, довольный, что ему удалось предупредить грозу, сѣлъ на свое мѣсто и началъ провозглашать тосты. Первый тостъ былъ провозглашенъ за процвѣтаніе еврейскаго прогресса, а слѣдующіе въ честь гостей.

— Да здравствуетъ моя будущая невѣста! вдругъ почти закричалъ Сукштейнъ, и залпомъ выпилъ большой бокалъ.

Всѣ гости переглянулись, а Груне, съ торжественнымъ видомъ вперила свои глаза въ Вайнтройба, какъ будто, желая сказать ему: каковъ твой пріятель Сукштейнъ! Пьяница, и только.

Полинѣ отъ этой выходки Сукштейна зарябило въ глазахъ и она съ большими усиліями удержала крикъ ужаса.

— Лазаръ, обратилась она къ брату нерѣшительно, позволь мнѣ отправиться въ мою комнату, мнѣ что-то дурно...

— Ступай, моя милая, ласково проговорилъ Вайнтройбъ, никто тебя не удерживаетъ.

Полина встала съ своего мѣста и направилась къ двери.

Когда она проходила мимо брата, послѣдній остановилъ ее и шепнулъ на ухо: чѣмъ ты такъ встрѣвожилась, милая моя? Сукштейнъ не Богъ вѣсть что надѣлалъ, онъ только немного перехватилъ, да это не бѣда и тебѣ нечего кручиниться. Полина взглядомъ поблагодарила его и, въ свою очередь, прошептавъ ему на ухо: „Когда всѣ уйдутъ, я приду въ твою комнату," вышла изъ залы.

Было два часа ночи. Всѣ гости уже разошлись. Въ домѣ Вайнтройба царствовала тишина. Вся прислуга отъ утомленія захрапѣла не раздѣваясь. Молодой Вайнтройбъ находился въ своей комнатѣ, которая была освѣщена тускло-горѣвшею лампою. Новый фракъ Вайнтройбъ промѣнялъ на ночной халатъ, а на мѣсто изящныхъ камашовъ, онъ запустилъ свои ноги въ туфли. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ и что-то думалъ, по временамъ высказывая свои мысли вслухъ. Чертъ возьми, хочется спать... Отъ чего она не приходитъ?... Бѣдняжка! Какъ она огорчилась, когда полупьяный Сукштейнъ почти выдалъ ея тайну!... Вотъ что значитъ невинность, произнесъ онъ разсуждая вслухъ. Да, нечего сказать, хорошо провели мы этотъ вечеръ! Какъ пріятно жить среди родныхъ и дѣлить съ ними радости и печали.

Вайнтройбъ на минуту остановился и проведя рукою по лбу, какъ будто, что-то припоминая, продолжалъ.

— Да, Сукштейнъ хорошій человѣкъ, лучшаго мнѣ желать не нужно для моей Полины, только во всякомъ случаѣ свадьбою торопиться не будемъ, пусть онъ поѣдетъ въ университетъ, а когда будетъ на третьемъ курсѣ, тогда и отпразднуемъ свадьбу. Вѣдь теперь это можно, сестра моя еще молода, ей, кажется девятнадцатый годъ, не бѣда если выйдетъ за мужъ на двадцать второмъ.

По мѣрѣ того, какъ Вайнтройбъ все дальше и дальше обдумывалъ будущность своей сестры, онъ все больше и больше одушевлялся и шаги его по комнатѣ дѣлались шире и быстрѣе. Наконецъ ходьба утомила его и онъ присѣлъ къ письменному столику, углубился въ волтеровское кресло и, закрывъ глаза, продолжалъ разсуждать вслухъ, медленно произнося каждое слово.

— Полина богатая невѣста. Я могу ей дать 15,000 рублей;

кажется столько выходить на ея долю. Впрочемъ, если дамъ немного и меньше, тоже не бѣда... Съ такимъ приданнымъ она могла бы выдти теперь-же за окончившаго курсъ доктора, да развѣ не все равно? вѣдь Сукштейнъ тоже будетъ докторомъ, а онъ ей нравится, къ чему же мнѣ препятствовать ихъ счастью?

Когда Вайнтройбъ произнесъ послѣднія слова, дверь его комнаты отворилась безъ шума и на порогѣ появилась Полина, въ ночномъ туалетѣ. Волосы ея въ безпорядкѣ были разсыпаны по обнаженному плечу. Въ правой рукѣ она держала зажженную свѣчку. Лицо ея было чрезвычайно блѣдно, что и придавало ей еще больше граціи и красоты. Тихими, неслышными шагами приблизилась она къ брату, который все еще сидѣлъ съ закрытыми глазами и поцѣловала его лобъ.

Лазаръ очнулся и увидя свою сестру, всталъ съ своего мѣста и, въ свою очередь осыпая ее поцѣлуями, посадилъ на свое мѣсто, сказавъ съ улыбкою.

— Ты теперь напоминаешь мнѣ заколдованную царицу, обреченную странствовать по ночамъ, которая встрѣчается въ сказкахъ, произнесъ онъ и еще разъ поцѣловалъ свою сестру.

Полина смотрѣла на брата своими большими карыми глазами и ничего не отвѣчала. По временамъ по ея тѣлу пробѣгала какая-то дрожь, свидѣтельствовавшая о ея душевномъ волненіи. Лазаръ видѣлъ это и потому рѣшился прямо приступить къ дѣлу и освободить свою сестру отъ лишнихъ страданій.

— Не волнуйся такъ, милая моя, проговорилъ онъ, взявъ сестру за руку; вѣдь я твой братъ... Твой другъ, твое все...

Лазаръ опять поцѣловалъ сестру и продолжалъ.

— Что ты такъ дрожишь? успокойся другъ мой, успокойся...

— Я люблю Сукштейна, перебила его чуть слышно сестра, и закрыла глаза руками.

— Знаю, знаю и вполнѣ оправдываю твой выборъ, въ свою очередь перебилъ ее Лазаръ.

— Братъ! милый братъ! воскликнула Полина.

— Сестра! вскрикнулъ Лазаръ.

Братъ и сестра очутились другъ у друга въ объятіяхъ. Долгое время они находились въ этомъ положеніи а въ ночной тишинѣ раздавались ихъ поцѣлуи.

Въ комнату вбѣжала кошка и, взбираясь на письменный сто-

лянъ, стала на заднія лапки, наклоняя голову впередъ и сосредоточивая свой взоръ на цѣлующуюся парочку, по временамъ моргала своими усиками. Она, казалось, была удивлена созерцаемою ею картиной... Скажите же послѣ этого, что кошка глупое животное!... Никто вамъ не повѣритъ. Поняла же наша кошка, что передъ нею происходитъ нѣчто необыкновенное!... Ахъ, еслибы кошка обладала способностью говорить, побѣжала бы къ Сукштейну и передала бы ему все, чему была она свидѣтельницею! Сколькими поцѣлуями послѣдній осыпалъ бы ее, не смотря на то что она кошка, а не Полина... Но кто знаетъ, не объ этомъ ли и размышляла наша кошка и не проклинала ли она теперь природу за обдѣлъ ее даромъ слова.

Братъ опомнился первый. Онъ освободился отъ объятій сестры и, гладя ее по головкѣ, ласкогово проговорилъ.

— Вотъ что, проговорилъ Вайнтройбъ серьезно: теперь уже пора спать, а завтра наговоримся вдоволь объ этомъ. Надѣюсь, ты отправляешься отъ меня спокойнѣе и веселѣе, чѣмъ пришла, прибавилъ братъ и подалъ Полинѣ руку.

Полина поблагодарила брата взглядомъ и пошла спать.

M-me Виятъ, возвращаясь съ бала домой, была чрезвычайно не въ духѣ. Она наскоро раздѣлась и, къ величайшему удивленію фрейлинъ Ревекки, совершенно не заперла въ шкатулку свои бриліанты, а разсѣянно бросила ихъ на маленькомъ столикѣ, стоявшемъ при ея постели.

— Ревекка! закричала Груне, когда служанка вышла изъ ея спальни и приготовилась лечь спать.

— Что вамъ угодно, спросила служанка, стоя полуодѣтая на порогѣ спальни.

— Мнѣ жарко, отвори окно...

— Помилуйте, вѣдь теперь зима и морозъ такой трескучій, проговорила горничная.

— Такъ ступай, не надо ничего.

— Она съ ума сошла, рѣшила про себя служанка, выходя изъ спальни своей госпожи.

Между тѣмъ Груне вертелась съ бока на бокъ, проклиная все на свѣтѣ. „Я ужъ ему удружу, этому дранчуку-учителишкѣ; онъ думаетъ, что если я протягиваю ему изъ вѣжливости руку,

то онъ вправѣ издѣваться и шутить надо мною?..." Увидимъ, herr Сукштейнъ, кто сила: я или вы? Груне злобно заскрежетала зубами, и сбросила одѣяло на полъ. „А этотъ Вайнтройбъ не могъ просто на просто сказать при всѣхъ Сукштейну, что онъ мальчишка и долженъ у меня просить извиненія!... Завтра я скажу откровенно Вайнтройбу, что Сукштейнъ компрометируетъ его сестру и принужу его отказать Сукштейну отъ своего дома... Послушаетъ,—кажется меня, Вайнтройбъ, и я буду отомщена."

Груне сильно понравился составленный его противъ Сукштейна планъ и она такъ громко захохотала, что переполошила канарейку, находившуюся въ ея спальнѣ.

— Я отомщу, я отомщу тебѣ, произносила Груне, пока окончательно не успокоилась и заснула.

А какъ спалъ эту ночь Сукштейнъ, можетъ быть спроситъ читатель?

— Сукштейнъ, возвратившись домой въ сугубопріятномъ расположеніи духа, не раздѣваясь повалился на кровать и захрапѣлъ богатырскимъ сномъ, нисколько не предчувствуя, какъ онъ переполошилъ трехъ людей и отнялъ у нихъ на всю ночь сонъ...

Наступилъ день. Полина пробудилась съ улыбкою на устахъ. Ей было очень легко и жизнь представилась ей безконечнымъ рядомъ удовольствіи... Пусть не забудетъ читатель, что она любила, а это много значитъ!

Сукштейнъ, раскрывая глаза, съежился и нахмурилъ брови... Ему было чрезвычайно гадко на душѣ. Изъ событій вчерашняго вечера онъ только помнилъ, что объяснился съ Полиною, да сдѣлалъ какую-то глупость; но въ чемъ эта глупость состояла, онъ раздѣльно не могъ припомнить. „Помнится, что смѣялись надо мною, думалъ онъ, стало быть я сплошалъ, но башка моя находилась за тридевять земелъ въ тридесятомъ государствѣ, я ничего не припомню..." Такъ разсуждалъ Сукштейнъ, нѣжась на своей полужестской постели, пока училищный сторожъ не нарушилъ его покой словами: „Господинъ учитель, уже девять часовъ, ребята всѣ давно собрались и бѣснуются."

— Эхъ, чертъ возьми! вотъ заспался я сегодня; даже о службѣ забылъ, произнесъ онъ громко и, обращаясь къ училищному сторожу, прибавилъ:

— Подай мнѣ скорѣе стаканъ чаю, потому что некогда, понимаешь ли?

Сторожъ кивнулъ утвердительно головою, какъ будто онъ дѣйствительно понималъ.

Сукштейнъ, какъ учитель казенно-еврейскаго училища, имѣлъ казенную квартиру въ однѣхъ сѣняхъ съ училищемъ. Онъ получалъ 20 рублей съ копѣйками въ мѣсяцъ казеннаго жалованья и кромѣ того около 20 рублей зарабатывалъ отъ частныхъ уроковъ. Расходы его были очень не велики, такъ что онъ проживалъ только деньги заработанные отъ частныхъ уроковъ, а казенное жалованье откладывалъ на университетъ. До времени, когда начинается нашъ разсказъ, Сукштейнъ самъ прокладывалъ себѣ дорогу. Лишившись на десятомъ году жизни родителей, онъ, въ такомъ раннемъ возрастѣ, былъ предоставленъ самому себѣ и по совѣту одного друга поступилъ въ раввинское училище. Въ тогдашнее время, когда правительство всѣми силами старалось пріохотить евреевъ къ образованію, принимали воспитанниковъ на казенное содержаніе при самомъ ихъ вступленіи въ школу, тогда какъ въ настоящее время принимаютъ на казенное содержанія съ четвертаго класса и только въ томъ случаѣ, если ученикъ оказалъ блестящіе успѣхи въ теченіе первыхъ трехъ классовъ.

Сукштейнъ восемъ лѣтъ сряду, пробылъ на казенней квартирѣ. Не имѣя близкихъ родственниковъ, онъ очень рѣдко отлучался изъ училища. Отъ природы онъ былъ одаренъ блестящими способностями, которыя еще болѣе развилъ постоянными занятіями. Изъ восмилѣтняго пребыванія въ училищѣ, онъ вынесъ богатый запасъ знаніи. Сукштейнъ, сдѣлавшись учителемъ тоже не переставалъ заниматься саморазвитіемъ. „Вѣдь это только моя временная карьера, говаривалъ онъ: я долженъ, во чтобы то ни стало, окончить высшее учебное заведеніе, а то, какъ?..“ Въ тѣхъ домахъ гдѣ онъ давалъ уроки, Сукштейнъ оставался чужимъ человѣкомъ и никогда не желалъ сближаться съ еврейскимъ семействомъ. Такимъ образомъ кругъ его знакомыхъ былъ очень ограниченъ, такъ что, кромѣ нѣкоторыхъ его классныхъ товарищей и своихъ сослуживцевъ, онъ ни съ кѣмъ не былъ знакомъ.

Послѣ смерти ребъ-Элханона, Лазаръ взялъ Сукштейна въ

учителя для своихъ сестеръ. Скоро молодые люди сблизились между собою и стали друзьями. Правда, сначала Сукштейнъ дичился своихъ новыхъ знакомыхъ, но мало по малу сжился съ ними и сталъ въ ихъ домѣ своимъ человѣкомъ. Сукштейнъ оцѣнилъ своихъ воспитанницъ и инстиктивно понялъ, что они не имѣютъ ничего общаго съ другими дѣвушками ихъ среды. Въ особенности ему понравилась Полина; но онъ все еще не рѣшился признаться самому себѣ въ этомъ. Только наканунѣ описаннаго нами бала онъ, послѣ долгаго размышленія, пришелъ къ слѣдующему выводу. „Я, кажется, смѣло могу предложить Полинѣ мою руку... Хотя я не капиталистъ, но я вѣдь могу быть докторомъ, а эта наилучшая карьера для еврея. Такъ и быть! на дняхъ я объяснюсь съ Полиною и если я ей не противенъ, то дѣло въ шляпѣ. Что касается Лазаря Ананьевича, то съ его стороны, кажется, препятствій не будутъ...“

Было десять часовъ утра. Первый урокъ въ еврейскомъ училищѣ кончился. Сукштейнъ, зѣвая, ходилъ мѣрными шагами по всей комнатѣ съ нетерпѣніемъ ожидая, когда кончится классныя занятія, чтобы послѣ этого на досугѣ подумать о вчерашнемъ балѣ. Звонокъ возвѣстилъ, что десятиминутная перемѣна кончилась. Сукштейнъ направился къ двери класса; но не успѣлъ еще переступить порогъ, какъ сторожъ подалъ ему письмо. Почеркъ показался Сукштейну знакомымъ. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ разорвалъ онъ печать и быстро пробѣжалъ письмо.

— Боже мой! почти закричалъ Сукштейнъ, невѣря своимъ глазамъ. Да, да! почеркъ Вайнтройба и подпись тоже его!...

— Кто принесъ это письмо? обратился онъ къ сторожу.

— Вѣстимо человѣкъ... Онъ тамъ дожидается, отвѣчалъ классный сторожъ.

— Попроси его сюда, отдалъ приказаніе Сукштейнъ.

Чрезъ минуту вошелъ *мешуресъ* Вайнтройба. Сукштейнъ посмотрѣлъ на него и подумалъ про себя: „Вотъ какой денекъ выдался мнѣ: я просто съ ума схожу... Не сонъ-ли это?... Да нѣтъ, я не сплю...“

— Скажи г. Вайнтройбу, что сейчасъ послѣ уроковъ я буду у него, обратился Сукштейнъ къ мешуресу, и поспѣшилъ въ классную комнату, потому что ребята, по причинѣ отсутствія

учителя, подняли такой шумъ, что въ сосѣднемъ классѣ тоже нельзя было заниматься.

Чтобъ объяснить читателю, почему письмо Вайнтройба возбудило такой восторгъ въ Сукштейнѣ, я передамъ здѣсь содержаніе письма. Вотъ оно:

Добрый другъ и будущій братъ!

Вчера послѣ бала Полина разсказала мнѣ обо всемъ. Я заранѣе предчувствовалъ, что это должно было случиться. Уже давно я видѣлъ въ васъ жениха моей сестры и это всегда радовало меня, потому что я васъ искренно уважаю и считаю достойнымъ руки Полины. Да благословитъ Господь этотъ союзъ!

Я жду васъ сегодня ко мнѣ прямо послѣ вашихъ уроковъ, не какъ учителя, а какъ будущаго брата.

Любящій тебя твой братъ

Л. Вайтройбъ.

Прошло нѣсколько дней. Вѣсть о предстоящей помолвкѣ Сукштейна съ Полиною съ быстротою молніи разнеслась по городу.

— Вотъ счастье-то... *Вырубилъ* онъ себѣ партію, говорили въ городѣ! Шутка ли... 15 тысячъ придапнаго!... И во снѣ ему это никогда не грезилось... А этотъ Лейзеръ дуракъ, и только. Изъѣздилъ весь свѣтъ, а деньгамъ цѣны не знаетъ!... *Великое сокровище нашелъ для своей сестры!*... Жилъ-бы ребъ Элхононъ, не за такого бы вышла Пешке!... Будетъ докторомъ! Да что намъ въ докторахъ-то?... скоро будетъ больше докторовъ, чѣмъ больныхъ и пойдутъ всѣ эти доктора съ *торбами*.

Такъ или почти такъ разсуждалъ весь городъ о предстоящей помолвкѣ Сукштейна съ Полиною.

Когда M-me Винтъ узнала объ этомъ, она просто чуть не сошла съ ума отъ негодованія. „Вѣдь это гадко, мерзко, просто невыносимо!.. Этотъ учителишка, эта дрянь, которая не умѣетъ говорить съ человѣкомъ... Этотъ дерзкій глупецъ, который только бредитъ своими идеями да глупыми книгами, будетъ мужемъ такой богатой невѣсты, какъ Полина!... Онъ, Сукштейнъ, станетъ братомъ Вайнтройба!... Нѣтъ, нѣтъ! трудно этому повѣрить... Трудно повѣрить, и вдругъ захохотала она

истерически. Трудно повѣрить? Да развѣ въ моихъ рукахъ нѣтъ приглашенія на *тноимъ*... Нѣтъ! все-таки не вѣрится," окончила она свои монологъ и задумалась.

Груне зашагала по комнатѣ. Лицо ея пылало пламенемъ и изъ сверкающихъ глазъ сыпались искры. Положеніе ея было не выносимо... Если бы кто нибудь попался теперь ей на глаза, то рискнулъ бы быть растерзаннымъ ею. Она была въ эту минуту страшна, какъ голодная тигрица. Она чуть уже не бѣгала по комнатѣ, тяжело дыша и размахивая руками. Однимъ словомъ—она была страшна въ эту минуту и скорѣе была похожа на бѣшеное животное, чѣмъ на человѣка. Видно было, что Груне боролась сама съ собой и что эта борьба была за жизнь!.. Впрочемъ, я долженъ извиниться предъ читателемъ: потому что, сколько бы я ни приложилъ старанія, я все таки не въ состояніи передать ему вполнѣ вѣрно положеніе Груни въ настоящую минуту. Но, если читатель немного знакомъ съ жизнью, то я заранѣе увѣренъ, что онъ пойметъ мое положеніе и согласится со мною въ томъ, что я поступаю въ этомъ случаѣ довольно благоразумно, отказываясь отъ безполезныхъ ничего къ дѣлу не прибавящихъ объясненій.

— Я создана для того, чтобы не жить, а мучиться и страдать, произнесла Груне, немного успокоиваясь; я обречена на вѣчныя страданія... Тяжело, очень мнѣ жить на свѣтѣ!... Я думала, что жизнь начинаетъ мнѣ улыбаться... я вѣдь люблю, да, я люблю Вайнтройба; а онъ?... Еслибъ онъ понялъ меня и любилъ такъ пламенно и искренно, какъ я его, то не сталъ бы отдавать свою сестру за такого человѣка, который постоянно издѣвается надомною и котораго я презираю...

Груне опять задумалась, потомъ опять заговорила.

— Да, такъ суждено!.., Я никогда никого на свѣтѣ доселѣ не любила и меня никто не любилъ.... Но что мнѣ въ этой любви все дрянь, трынъ-трава!.,. Я рѣшительно не хочу, чтобы меня любили, я только жить хочу, жить!... Да, я хочу жить, но что же дѣлать, если жизнь моя слагается такъ, что мнѣ приходится гибнуть и вянуть?.. задавала она себѣ вопросъ.

Холодный потъ выступилъ на ея лицѣ и она громко заплакала. Человѣческіе инстикты одержали въ ней побѣду надъ звѣрскими....

Когда злая женщина пылаетъ гнѣвомъ, то она страшна и всякій смотритъ на нее съ отвращеніемъ; но лишь только таже самая женщина начинаетъ плакать, и мы видимъ ея слезы, отвращеніе къ ней исчезаетъ и наше сердце наполняется жалостью. Почему это такъ? - незнаю. Должно быть потому, что она женщина....

Обильныя слезы полились изъ глазъ Груне. Она оплакивала свою молодость, свою любовь, свою судьбу и свою разбитую жизнь, она заживо оплакивала себя ... Напрасно Груне искала виновника своихъ несчастій—таковаго не оказалось. Она было подумала о мужѣ; но развѣ ребъ-Абремеле не жилъ только для нея и мѣшалъ ей въ чемъ нибудь?... Люди вполнѣ правы когда говорятъ, что слезы облегчаютъ. Поплакавъ съ четверть часа, Груне немного успокоилась.

— Напрасно я терзалась и страдала, проговорила она: это глупо и только. Развѣ это поможетъ мнѣ? Нисколько.... Слѣдуетъ тольо подумать, въ какихъ отношеніяхъ стать мнѣ съ новымъ *гвиромъ*... Я люблю Вайнтройба, а любить мнѣ приходится только въ первый разъ, а потому былобы съ моей стороны совершенно не практично, если я, ради проклятаго Сукштейна, откажусь отъ моего Лазинки... Нѣтъ, нѣтъ! Я которая до сихъ поръ притворствовала предъ всѣми, которая почти со дня свадьбы обманывала мужа, я, которая обманывала всѣхъ и каждаго, я, которая съумѣла изъ всего извлекать только собственную пользу, не должна и не хочу прервать сношенія съ любимымъ человѣкомъ потому только, что въ числѣ его родственниковъ находится какой нибудь Сукштейнъ.... Я даже въ состояніи прикидываться другомъ Сукштейна и заслужить его благорасположеніе.... Тогда все опять потечетъ прежнимъ русломъ....

Произнеся послѣднія слова, Груне громко захохотала.

— Да, да мнѣ нечего отчаяваться, продолжала она послѣ нѣкотораго молчанія, я женщина съ здравымъ умомъ и всегда съумѣю выпутаться изъ плохихъ обстоятельствъ... только недостаетъ мнѣ немного терпѣнія, а то я сильнѣе мущины....

Еслибы Груне могла знать, что ожидаетъ ее въ будущемъ, она не торопилась бы еще такъ скоро хвастнуть своимъ мужествомъ.

М—me Винтъ позвонила. На зовъ явилась Ревекка. Груне стала лицемъ къ окну, чтобы служанка не замѣтила недавнихъ слезъ на ея лицѣ и обыкновеннымъ голосомъ произнесла.

— Фрейлинъ, подайте мнѣ скорѣе умываться.

-- Сію минуту, отвѣчала Реввека и вышла изъ комнаты.

— Никто не долженъ знать и никогда не узнаетъ, что я плакала, произнесла Груне, когда служанка ушла подать ей умываться.

Произнося послѣднія слова, Груне совершенно не подозрѣвала, что пара черныхъ глазъ все время наблюдали за нею черезъ замочную скважину и что эти глазки очень часто уступали свое мѣсто уху. Реввека всегда зорко слѣдила за своей госпожей и въ настоящее время не забыла свою обязанность подслушивать.

Горничная принесла Груне воды. М—me Винтъ, не оборачиваясь какъ прежде, приказала Реввекѣ поставить воду, а самой убраться во свояси.

— М—me, произносила горничная.

— Что тебѣ? спросила Груне и, забывшись, на половину обернулась къ Реввекѣ съ заплаканнымъ лицемъ.

— Больше приказаній никакихъ нѣтъ?, спросила лукаво горничная.

— Нѣтъ, ступай, отвѣчала сердито М—me Винтъ и опять обернулась лицомъ къ окну.

— Эта дѣвченка ужъ черезъ чуръ любопытна... Кажется, она слѣдитъ за мною, подумала про себя Груне, пора прогнать эту проклятую нѣмку.... Вишь какъ она посмотрѣла на меня?!..

— Ага Грунке! ты вся въ моихъ рукахъ, въ свою очередь, подумала про себя Реввека; нужно только, умѣючи, воспользоваться случаемъ.... да развѣ я дура?... ха, ха, ха! ничего, не промахнусь.... Приданное будетъ, тогда и женихъ найдется, окончила она свои размышленія и залилась громкимъ хохотомъ.

VIII.

Ребъ-Авремеле волнуется.

Былъ вторникъ. Въ домѣ ребъ-Авремеле Винтъ собиралась вся ватага виленскихъ подрядчиковъ, чтобы условиться

на счетъ окончательной переторжки, долженствовавшей совершиться въ четвергъ на перестройку огромнаго казеннаго зданія. Съѣхались подрядчики и изъ другихъ городовъ. Много народу собралось у ребъ-Авремеле. *Махеры* набѣгались вдоволь пока имъ удалось устроить все какъ слѣдуетъ. Наконецъ все было улажено и подрядчики рѣшили не *разоревать* наступающую переторжку и оставить подрядъ за ребъ-Авремеле, а потомъ сдѣлать между собою *а гудъ—о—гудъ* (своего рода переторжка), послѣ чего ребъ-Авремеле сдѣлаетъ передачу на имя того, кто больше дастъ отступнаго въ пользу остальныхъ подрядчиковъ.

— *Гвалдъ, гвалдъ*, пусть евреи зарабатываютъ лучше, чѣмъ оставить казнѣ, кричали *махеры* во все горло, когда согласіе между подрядчиками грозило распасться! Развѣ вамъ жаль, что наши труды будутъ не напрасны?... *Ребейне—шелейломъ* (владика вселенной), развѣ мы мало набѣгались, мало набѣгались, мало трудились?.... Взмилуйтесь надъ нами.... и у насъ есть жены, и у насъ есть дѣти!... Намъ тоже ѣсть хочется.

Восъ—дрейтъ—иръ—миръ—а—каптуръ (что вы кружите мнѣ голову)? сердито кричитъ брюхатый подрядчикъ: я хочу эту постройку непремѣнно взять на себя, а если соглашусь на *гудъ—о—гудъ*, то это мнѣ прійдется, чертъ знаетъ, во сколько дороже!...

— Вы хотите оставить для себя, а мы тоже хотимъ, перебиваетъ его много голосовъ.

— Видите, все равно разорвутъ въ пухъ и прахъ, вмѣшивается какой нибудь махеръ; такъ не лучше ли, если будетъ *а гудъ—о—гудъ, хлебенъ—готъ—рахмонесъ—афъ—унзъ—ейхъ* (взмилуйтесь надъ нами тоже).

— *Швейгъ* (молчи)! дай старшему говорить, грозно перебиваетъ *махера* подрядчикъ, разговорился то какъ на базарѣ... *тьфу пархъ!*...

Сердитый подрядчикъ отплевывается, а бѣдный махеръ, с поникшею головою, отступаетъ въ отдаленный уголокъ, проклиная свою участь и свои напрасные труды.

Кстати познакомимъ нѣсколько читателя съ махерами.

Извѣстно всякому, что рѣдкій еврей имѣетъ опредѣленное

постоянное занятіе, обыкновенно каждый еврей занимается нѣсколькими промыслами. Такъ напр. еврей можетъ въ одно и тоже время быть и меламдомъ, и шадхеномъ, и *бетеромъ*, наконецъ и махеромъ. Обыкновенно махерами бываютъ отставные прикащики, т. е. прикащики, которые, по какимъ либо причинамъ, получаютъ отъ своихъ вѣрителей чистую отставку, послѣ чего имъ трудно найдти мѣсто. Въ такомъ критическомъ положеніи бывшій прикащикъ превращается въ *махера* или *туера*. Махеромъ всякій подрядчикъ помыкаетъ и распоряжается имъ какъ собственностью. Главное занятіе махера состоитъ въ томъ, чтобы за нѣсколько дней предъ окончательной переторжкой, бѣгать по квартирамъ подрядчиковъ собирать ихъ къ кому нибудь изъ первостатейныхъ представителей этого сословія, дабы они, сговорились между собою, дѣйствовали за одно и не *разорвали торга*. Если подрядчики соглашаются между собою и всѣ единогласно даютъ свое согласіе на *гудъ—о—гудъ*, то, при раздѣленіи отступныхъ денегъ, какая нибудь ничтожная сумма достается имъ, въ противномъ случаѣ ихъ труды пропадаютъ. Въ особенности махеръ блаженствуетъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, потому что тогда производятся провіантскіе торги, которые продолжаются круглый мѣсяцъ сряду и послѣ которыхъ подрядчики дѣлятся десятками тысячъ и на долю махера выпадаетъ нѣсколько сотенъ. Правда, иногда, до полученія этихъ сотенъ, махеръ награждается пощечинами тоже, но до этого махеру нѣтъ никакого дѣла: пусть бьютъ побольше, лишь бы послѣ больше давали....

Но я немного отступилъ отъ разсказа, въ томъ и прошу извиненія у читателя, и возвращаюсь на свою тропинку.

— Ну, господа, началъ ребъ-Авремеле, когда уже все было улажено, теперь......

— Дайте разслушать, что ребъ-Авремеле говоритъ, закричалъ какой-то махеръ, желая успокоить шумящія группы подрядчиковъ.

— Дайте слушать, дайте слушать, повторили вслѣдъ за махеромъ другіе голоса.

— Ша, ша (тише)! провозгласилъ самъ ребъ-Авремеле.

— Я никому не вѣрю, я хочу, чтобы вы сами дали мнѣ

слово, что мнѣ дадутъ два пая, заоралъ какой-то подрядчикъ, обращаясь къ хозяину.

— Я жъ это уже обѣщалъ тебѣ, сердито отвѣчалъ ребъ-Авремеле.

— Мнѣ тоже два........

— А мнѣ три...

А я долженъ быть въ числѣ распорядителей въ раздѣлѣ, закричалъ громче всѣхъ какой-то толстякъ.

— *Рабосай* (господа)! что жъ это такое? развѣ вы мнѣ не вѣрите?.....Вѣдь ужъ разъ условились, такъ къ чему послѣ этого ваши крики?.....Дайте, наконецъ, договорить; надѣюсь, ужь довольно накричались сегодня.

— Ша-а-а! провозгласилъ опять махеръ.

— Ша—а ша—а—а—а, ша—а—а!раздалось вслѣдъ за тѣмъ по всей залѣ..

Водворилась тишина. Ребъ-Авремеле громко высморкался въ шелковый платокъ, а потомъ, озираясь вокругъ, проговорилъ.

— Теперь мнѣ кажется можно уже послать и за портеромъ, не такъ-ли?

— Дѣло, дѣло, согласились всѣ.

— А потомъ и перекусить что нибудь, да и по домамъ, подхватилъ кто-то.

— И это можно, подхватили подрядчики.

Скоро появился портеръ, а вслѣдъ за нимъ и закуска. Подрядчики, послѣ выпивки еще болѣе забушевали.

Крику и препирательствамъ не было конца. Пошли разные толки о былыхъ временахъ.

— Моя бабушка, разсказывалъ одинъ подрядчикъ, царство ей небесное, была замѣчательная женщина; когда дѣдъ умеръ, мы остались всѣ маленькими, а онъ оставилъ много дѣлъ неоконченными и что же вы думаете? бабушка всѣ дѣла окончила и сдала какъ нельзя лучше. Потомъ, видя, что невыгодно вести дѣла чужими руками и безъ прибыли, рѣшилась сама стать на торгахъ, и что-же вы думаете? въ короткое время стала грозою подрядчиковъ.....А еслибъ вы знали.......

Вотъ каковы были когда-то у насъ женщины!..

— А я, вы думаете, не могла бы на торги идти, перебила Груне, которая всегда присутствовала, когда подрядчики со-

бирались къ мужу, чтобы условиться на счетъ торга: пусть только Авремлъ дастъ мнѣ залоговое свидѣтельство и довѣренное письмо, и вы увидѣли бы, что не хуже васъ всѣхъ, господа мущины справилась бы......не вѣрите, а?

— Какъ можно? отозвались нѣкоторые.

— Что и говорить! прибавилъ ребъ-Авремеле.

— При вашей красотѣ, прибавилъ молодой подрядчикъ на самое ухо Грунѣ, вы дѣйствительно, побѣдили бъ насъ всѣхъ и не только однихъ насъ, но и всѣхъ кого нужно....

Груне поблагодарила за комплиментъ взглядомъ и, обращаясь къ мужу, проговорила опять.

— Ну Авремлъ, ей Богу, попробуй разъ позволить мнѣ явиться вмѣсто тебя на торги.

— Что ты, что ты, Грунинке! да гдѣ это видано, чтобы женщина на торги ходила?....

— Вѣдь ходила же его бабушка, указала M-me Винтъ на подрядчика, который разсказывалъ о своей бабушкѣ....

— Мало что ходила, да теперь не ходятъ; не такія теперь времена....

— Чѣмъ же теперь хуже, чѣмъ когда либо? приставала Груне.

— Разумѣется хуже...потвердилъ ребъ-Авремеле.

— Я не хочу теперь слишкомъ настаивать, проговорила Груне, окинувъ мужа сердитымъ взглядомъ.

— Ай, ай, ай *вей унзъ, вей унзъ!* (горе намъ) вдругъ почти закричалъ одинъ махеръ, почесывая затылокъ.

— Что ты, дуракъ, съ ума сошелъ? въ свою очередь, закричалъ на махера ребъ-Авремеле; ишь какъ раскричался!

— Напился должно быть; заговорили другіе.

— Точно такъ подтвердили третіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, завопилъ опять махеръ, мы забыли...

Всѣ затихли и начали прислушиваться, что скажетъ махеръ и почему онъ такъ встревожился.

— Скажи—же, болванъ, скорѣе, что мы забыли? закричали нѣкоторые съ нетерпѣніемъ.

— Мы забыли о Лейзерѣ Элхонесъ; вѣдь его тутъ нѣтъ, и что мы сдѣлаемъ, если онъ въ четвергъ влѣпитъ конвертъ?...

всѣ наши труды обратятся въ толченье воды, *ай-вей-унзъ, вей-унзъ*!...

Подрядчики серьезно задумались.

— Какъ же это мы совсѣмъ забыли о немъ? заговорили всѣ....

— Это пархимахеры виноваты, послышались грозные голоса.

— Все равно, кто бы ни былъ виноватъ, заговорилъ кто то, надо теперь же поправить дѣло. Попросите сюда Лейзера....

— Ступай за Лейзеромъ, отдалъ ребъ-Авремеле приказаніе близко стоявшему махеру.

— Бѣгу, бѣгу заговорилъ махеръ и, дѣйствительно выбѣжалъ изъ комнаты.

— Напрасно мы праздновали такъ скоро наше согласіе, проговорилъ ребъ-Авремеле; теперь чортъ знаетъ состоится ли оно. Этотъ Лейзеръ валялся по всѣмъ трущебамъ, комедіантомъ былъ а теперь хочетъ всѣхъ насъ за носъ водить....

— Онъ навѣрно *мамзеръ* (незаконнорожденный), и лице его совершенно *гойске* (не еврейское). Развѣ онъ похожъ на нашего брата, еврея? подхватилъ плѣшивый подрядчикъ: ну, скажите сами, не стыдно ли намъ всѣмъ виленскимъ подрядчикамъ, намъ такимъ *медвѣдямъ* 1), если онъ смѣетъ такъ издѣваться надъ нами....

Произнося послѣднія слова. плѣшивый подрядчикъ обвелъ все собраніе полу-презрительнымъ, полу-насмѣшливымъ взглядомъ.

— Что же вы молчите, произнесъ онъ, послѣ продолжительной паузы, нужно же когда нибудь подумать какъ освободиться отъ него.... не вѣкъ же намъ возиться съ нимъ...

— Сегодня мы сдѣлаемъ съ нимъ послѣднюю пробу. Если онъ согласится не прекословить намъ, то мы окончательно зачислимъ его въ число подрядчиковъ, и онъ будетъ, какъ мы всѣ; въ противномъ случаѣ навяжемъ ему уголовщину на шею и упечемъ его въ Сибирь.... проговорилъ какой то бывалецъ.

— И точно.... Сибирь самая прямая для него дорога, одобри-

---

1) Коммерческіе силачи, тузы.

ли многіе: пусть его тамъ толкуетъ, что не слѣдуетъ причинять убытки казнѣ, и что брать даромъ отступные, все равно что красть изъ чужого кармана.

— Рабосай (господа)! заговорилъ ребъ-Авремеле: еврея въ Сибирь упрятать; *это не грошевой крендель скушать*, много слѣдуетъ прежде думать, чтобы рѣшиться на это.... По моему, припугнуть его не мѣшаетъ.

— Да да! пока вы, ребъ-Авремеле рѣшитесь на что нибудь, онъ намъ тысячу дѣлъ испортитъ, прервалъ ребъ-Авремеле плѣшивый подрядчикъ; нѣтъ, ужъ извините, въ этомъ дѣлѣ мы вашему совѣту не послѣдуемъ.... Гдѣ дѣло касается нашихъ кармановъ, мы не можемъ дѣйствовать хладнокровно.

— Конечно, конечно, одобрили всѣ плѣшиваго оратора.

— А я съ вами не согласенъ, проговорилъ въ свою очередь ребъ-Авремеле, потому что будь даже Лейзеръ, какъ вы говорите, мамзеръ, онъ все таки вѣритъ въ единство Бога и не отступилъ отъ нашей вѣры, слѣдовательно онъ—еврей, а еврею причинять несчастіе—преступленіе....

— Какой онъ еврей? перебилъ плѣшивый ораторъ, бороду брѣетъ, молиться не ходитъ, дома, говорятъ, тоже не молится а трефное жретъ у христіанъ, когда бываетъ у нихъ въ гостяхъ при томъ главное доказательство, что у него *еврейскаго сердца* нѣтъ, то ему все равно, когда бездна еврейскихъ семействъ умираютъ съ голоду по его милости.... Посмотрите на бѣдныхъ махеровъ: съ того времени, какъ Вайнтройбъ началъ появляться на торги, они вѣдь съ голоду умираютъ....

Послѣ этого согласитесь сами, обратился плѣшивый ораторъ преимущественно къ ребъ-Авремеле, слѣдуетъ ли жалѣть такого трефняка?

— Что и говорить, подхватилъ другой подрядчикъ; конечно, ребъ-Авремеле, пусть будетъ онъ здоровъ, человѣкъ очень здобрый и всегда старается окончать всякое дѣло мирнымъ образомъ, онъ такъ богатъ, что если даже *трефнякъ* разорветъ еще сто торговъ, то онъ нищимъ не останется, а потому ему можно все откладывать, да откладывать, пока Лейзеръ наберется ума... но мы люди маленькіе, и если этотъ трефнякъ будетъ рѣзать насъ, то придется намъ по міру ходить... Между, нами будь сказано, большихъ подрядовъ мы не можемъ взять

потому что это не по нашему карману, мы только получаемъ изъ нихъ отступныя, а если этотъ *трефнякъ*, да *сотрется* имя его съ лица земли, заведетъ свои порядки, которыми постоянно хвастается, то намъ на самомъ дѣлѣ придется съ сумами по свѣту таскаться....

— Разумѣется, разумѣется, зашумѣли всѣ маленькіе людишки.

Въ домѣ ребъ-Авремеле поднялся шумъ, гвальтъ и крикъ.

— Вамъ *гвирамъ* это ни почемъ!...

— У васъ есть два каменныхъ дома!...

— Вы обладаете десятками тысячъ!...

— Мнѣ ѣсть хочется!...

— Мнѣ тоже!...

Всѣ эти рѣчи были произнесены унизономъ, съ шумомъ и крикомъ. Всѣ маленькіе людишки привстали съ своихъ мѣст и съ угрожающими жестами подступили къ тому мѣсту, гдѣ засѣдали гвиры...

— Ужъ не собираетесь ли убивать насъ, загремѣлъ голосъ почтеннаго *гвира*, который не на шутку испугался, видя какъ маленькіе людишки приближаются по направленію къ тому столу, гдѣ покоилось его увѣсистое тѣло; надѣюсь, мы вам зла не сдѣлали, такъ кричать на насъ и угрожать намъ, вам нечего....

— Мы вамъ не угрожаемъ, отвѣчало много голосовъ; мало того, что вы намъ зла не дѣлаете, но вы должны защитить насъ и стоять за насъ... вотъ что!...

— Такъ значитъ, вы просите нашей помощи? произнес опять почтенный *гвиръ*.

— А если просимъ, такъ что? перебивало его опять нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ.....

— Такъ вамъ слѣдуетъ просить, а не угрожать намъ, проговорилъ почтенный гвиръ увѣщательнымъ голосомъ, не много успокоиваясь, а не шумѣть....

— Дѣло вѣдь идетъ не о какихъ нибудь мелочахъ а кускѣ хлѣба; какъ же мы можемъ удержаться, чтобы не кричать!....

— Ша-а-а, ша-а-а! вдругъ закричалъ вбѣжавшій въ попыхахъ махеръ, Вайнтройбъ идетъ Вайнтройбъ идетъ...

— Ша-а-а! раздавались со всѣхъ сторонъ и въ залѣ воцарилась мертвая тишина.

Прошло нѣсколько минутъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, что-то будетъ. Наконецъ двери отворились и Лазарь Вайнтройбъ появился въ залѣ. Онъ медленно переступилъ порогъ и поклонившись всему собранію, произнесъ.

— Здравствуйте господа , добрый вечеръ.

— Здравствуйте, здравствуйте, отвѣчали ему первостатейные *гвиры* и, привставая съ своихъ мѣстъ, подавали ему руки.

— Ахъ! и вы, М—me, тутъ между дѣловыми людьми, обратился Вайнтройбъ къ Груне, замѣтивъ ее въ залѣ. Ей ей, вы меня удивили. Не хотите-ли сдѣлаться подрядчикомъ? Если да, то я васъ въ компаньены беру. Ну, что? вы соглашаетесь? окончилъ онъ вопросомъ и подалъ ей руку,

— Очень вамъ благадарна, отвѣчала Груне, съ чувствомъ пожимая поданную ей руку: я, въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ просила мужа, чтобъ онъ позволилъ мнѣ становиться на торги, да онъ и слышать объ этомъ не хочетъ.....

— Очень жаль, очень жаль! а то, я увѣренъ, вы былибы отличнымъ подрядчикомъ, проговорилъ Вайнтройбъ съ улыбкой.

— Охъ! вырвался глубокій вздохъ изъ груди Груне.

Въ то-же самое время, когда Вайнтройбъ здравствовался съ гвирами и перебрасывался нѣсколькими словами съ Груне, маленькіе людишки привстали съ своихъ мѣстъ и начали перешептываться между собою.

— Видите, какъ принимаютъ его? говорилъ одинъ.

— А вы думали что они за насъ стоятъ? замѣтилъ другой.

— Я такъ и зналъ, глубокомысленно произнесъ третій.

— Никого не щадить, совѣтовалъ четвертый.

— Разумѣется, согласились всѣ.

Вайнтройбъ занялъ указанное ему мѣсто и, обращаясь къ гвирамъ, спросилъ.

— Чѣмъ я могу служить вамъ, господа? Махеръ сказалъ мнѣ, что дѣло экстренное, ну такъ я и пришелъ, хотя припризнаться мнѣ чрезвычайно некогда...

Всѣ гвиры переглянулись и начали толкать другъ друга ногами, и каждый изъ нихъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „отвѣчайте вы ему.“

— Въ четвергъ переторжка, началъ одинъ изъ гвировъ и остановился.

— Знаю, замѣтилъ Вайнтройбъ.

— Ну такъ мы условились на *гудъ-о-гудъ*, докончилъ другой.

— И прекрасно сдѣлали, проговорилъ Вайнтройбъ, начиная понимать зачѣмъ его пригласили.

— Еще не все, вмѣшался ребъ-Авремеле: мы пригласили васъ затѣмъ, чтобы просить васъ вступить въ нашу компанію и дѣйствовать съ нами за одно...

— Какъ это съ вами за одно?! перебилъ Вайнтройбъ.

— То есть, поспѣшилъ пояснить ребъ-Авремеле, чтобы тоже согласились на *гудъ-о-гудъ* и не влѣпили бы конвертъ...

Ребъ-Авремеле остановился. Все собраніе пріутихло и съ нетерпѣніемъ ожидало, какой отвѣтъ дастъ Вайнтройбъ. Лазаръ, въ свою очередь, казалось былъ удивленъ словами ребъ-Авремеле. Онъ вынулъ изъ задняго кармана бѣлый какъ снѣгъ платокъ, провелъ имъ по лицу и протеръ глаза; потомъ, окинувъ все собраніе презрительнымъ взглядомъ, проговорилъ съ достоинствомъ, обращаясь преимущественно къ ребъ-Авремеле.

— Я такъ и думалъ, что вы приглашаете меня для того, чтобы согласиться на *гудъ-о-гудъ*. Правду говоря я не хотѣлъ было явиться здѣсь; но наконецъ пересилилъ себя и еще разъ пришелъ сюда, чтобы высказать вамъ мои мысли о вашихъ *гудъ—о—гудахъ*, а потомъ проситъ васъ, чтобъ вы меня больше не безпокоили...

Вайнтройбъ остановился и окинулъ все собраніе гордымъ взглядомъ, потомъ, поднимаясь съ своего мѣста ровнымъ и спокойнымъ голосомъ продолжалъ.

— Я вполнѣ убѣжденъ, что стачка—грѣхъ нравственный и преступленіе гражданское. Согласитесь сами: какое право имѣемъ мы дѣлиться казенными деньгами?... Если вы скажете все же равно заработываютъ отъ казны, когда и безъ *стачки* дѣло остается у подрядчиковъ на выгодныхъ условіяхъ, то я вамъ отвѣчу, что тогда подрядчикъ заработываетъ честно и никого не обманываетъ; но когда подрядчикъ беретъ отступное, то я,—можетъ быть это глупо,—считаю его не лучше вора... Развѣ это не все равно, что вытащить изъ чужаго кармана!..

— Довольно, прервалъ его ребъ—Авремеле серьезнымъ голосомъ: мы, молодой человѣкъ пригласили васъ сюда, не для того, чтобы вы читали намъ мораль. Мы не маленькія дѣти, мы и пожили на Божьемъ свѣтѣ побольше вашего. Посмотрите,— у меня ни одного черныго волоска не найдете, я покрытъ сѣдинами; а у васъ еще только первый пушокъ высыпался. Вамъ, должно быть, не безъ извѣстна народная поговорка; „яйцо курицу не учитъ;“ въ противномъ случаѣ вы узнали эту простую истину отъ меня. Но безъ предисловія: возвращаюсь къ дѣлу. Мы вполнѣ убѣждены, что рано или поздно, вы сдѣлаетесь надобнымъ каждому изъ насъ, и сами будете раскаиваться въ настоящей глупости; но намъ ждать некогда, потому что всѣмъ этимъ людямъ ѣсть хочется, при этомъ указалъ ребъ—Авремеле на подрядчиковъ низшей руки. Понимаете ли вы? Короче: мы просимъ васъ теперь—же согласиться на *гудъ—о—гудъ* и слѣдовать всегда и во всемъ всѣмъ намъ...

Ребъ—Авремеле съ трудомъ кончилъ свою рѣчь. Одобрительный шепотъ послышался отовсюду. Маленькіе людишки жестами высказывали свою благодарность.

— Порядочно обдѣлалъ его, не могъ удержаться одинъ что бы не заявить вслухъ своихъ чувствъ.

— *Потеръ—ну* (конечно), развѣ ребъ Авремеле дуракъ, въ свою очередь замѣтилъ другой.

— Что то теперь скажетъ этотъ братъ; полюбопытствовалъ третій.

Но вдругъ все пріутихло, потому что Вайнтройбъ привсталъ съ своего мѣста и началъ говорить.

— Господа, началъ Вайнтройбъ, полуторжественнымъ голосомъ; я человѣкъ вполнѣ свободный и до сихъ поръ жилъ своимъ собственнымъ умомъ, не руководствуясь чужими совѣтами; а все таки, какъ вы сами знаете, успѣлъ составить себѣ порядочное состояніе, по моему, честнымъ образомъ; потому, что я никогда еще не получалъ отступныхъ и не зналъ доселѣ о существованіи сдѣлки называемой *гудъ—о—гудомъ*; а потому повторяю, что всѣ ваши старанія пріучить меня къ вашимъ порядкамъ будутъ напрасны...

— Неопредѣленная улыбка пробѣжала по лицу Вайнтройба, потому что когда онъ произнесъ послѣднія слова, лица перво-

статейныхъ гвировъ нахмурились а позы маленькихъ людей приняли угрожающій видъ. Вайнтройбъ продолжалъ.

— Больше сказать вамъ мнѣ нечего и если вы позволите, то я сейчасъ отправлюсь домой...

— Лейзеръ! перебилъ его одинъ изъ первостатейныхъ гвировъ: твой отецъ былъ набожный и честный еврей и никогда *мухи на стѣнѣ не обидѣлъ;* онъ былъ такимъ же евреемъ, какъ мы всѣ, а не такимъ какъ ты; а потому если тебѣ дорога память твоего честнаго отца, то заклинаю тебя его памятью перестать губить своихъ единовѣрцевъ, какъ погубилъ ты своего отца!.... развѣ тебѣ мало, что ты уложилъ его преждевременно въ могилу и ты хочешь еще не дать ему покоя и тамъ, хочешь, чтобы вопли бѣдныхъ евреевъ, тутъ онъ указалъ на маленькихъ людей, долетѣли до него тамъ и не дали бы ему покою?........ Лейзеръ не думай, что это шутка, ты сегодня дѣлаешь великій шагъ и если не спохватишься во время, то знаетъ только одинъ Богъ, что можетъ еще съ тобой случиться въ будущемъ.......Не думай, что ты уже много знаешь свѣтъ....ты еще, съ позволенья твоего, мальчишка, и только; а потому совѣтуемъ тебѣ слушаться насъ во всемъ. Если же ты не хочешь принять нашихъ совѣтовъ, то знай, что ты одинъ, а нашихъ много, а потому отъ имени всѣхъ виленскихъ подрядчиковъ приказываю тебѣ повиноваться намъ; въ противномъ случаѣ ты будешь въ *херимъ,* и мы будемъ глухи къ твоимъ мольбамъ и просьбамъ, какъ теперь ты къ нашимъ совѣтамъ....

— Милостивый государь, перебилъ грозно Вайнтройбъ,— прошу васъ не забываться... Я не пришелъ къ вамъ выслушивать грубости... Я васъ не боюсь, потому что я честный человѣкъ, а вы подлецы!..., заключилъ онъ, почти задыхаясь оъ бѣшенства.

— Какъ ты смѣешь, закричалъ одинъ...
— Трефнякъ!...
— Гой (не еврей)!...
— Пархъ, сволочь!...

Всѣ эти ругательства, въ сопровожденіи краснорѣчивыхъ угрожающихъ жестовъ оглушили залу, и одинъ буянъ, изъ маленькихъ людей, подступилъ къ Вайнтройбу и поднялъ довольно

высоко правую руку, намѣреваясь опустить ее на щеку Вайнтройбу.

— Прочь, мерзавецъ, закричалъ ребъ-Авремеле буяну: въ моемъ домѣ не затѣваютъ драки; прочь повторилъ онъ, и оттолкнулъ буяна отъ Вайнтройба. На улицѣ ты можешь его хоть убить, а въ моемъ домѣ я не позволю...

— Хлебенъ, ребъ-Авремлъ: вы уже черезъ-чуръ добры къ нему... Такимъ образомъ онъ, пожалуй, подумаетъ, что вы одобряете его поступокъ... На что это похоже?

— Я его одобряю? разсмѣялся ребъ-Авремеле, я, ребъ-Авремеле Винтъ, одобряю поступокъ сумасброда? Нѣтъ шутите... Лейзеръ, обратился онъ къ Вайнтройбу, ты видишь, меня начинаютъ подозрѣвать въ сообщничествѣ съ тобою... это забавно... сй-же ей забавно... При всемъ томъ я объявляю тебѣ въ присутствіи почтенныхъ нашихъ гвировъ, которыхъ ты, осмѣлился назвать подлецами, что съ этого дня ты не смѣешь переступить мой порогъ.

— И мой тоже!...

— И мой тоже!.., перебили ребъ-Авремеле нѣсколько гвировъ.

Вайнтройбъ всталъ съ своего мѣста съ намѣреніемъ удалиться; но ребъ-Авремеле знакомъ показалъ ему, что онъ имѣетъ еще что-то сказать ему и Вайнтройбъ опять опустился на свое мѣсто.

— Я былъ пріятелемъ твоего отца, началъ ребъ-Авремеле послѣ кратковременнаго молчанія; твой отецъ, царство ему небесное, былъ *истиннымъ* евреемъ; дай Богъ мнѣ такого мужа для единственной моей дочери; по этому я такъ сильно желаю и хлопочу, чтобы ты не попалъ въ бѣду.... Хотя я знаю, что понапраено говорю, тѣмъ не менѣе считаю своею обязанностью еще разъ сказать тебѣ, что ты затѣваешь нешуточное дѣло, объявляя войну всѣмъ намъ... не забывай, что ты остаешься одинъ, а нашихъ много... Я вполнѣ увѣренъ, что ты не выйдешь побѣдителемъ изъ этой борьбы, и потому, если не хочешь теперь-же послѣдовать моему отеческому совѣту, то по крайней мѣрѣ, когда впадешь въ великую бѣду, которая очень близка, то можешь обратиться ко мнѣ и я не откажу тебѣ въ помощи, потому что, каковъ-бы ты нибылъ, ты все-таки сынъ ребъ-Элхонена...

Ребъ-Авремеле замолчалъ. Холодный потъ выступилъ у него на лбу. Онъ посмотрѣлъ на Вайнтройба и въ его взглядѣ выразилось безконечное состраданіе къ человѣку, который самъ накликаетъ на себя бѣду. Губы его зашевелились и онъ дважды произнесъ имя ребъ-Элхонона, какъ будто желая увѣдомить покойнаго друга, что онъ сдѣлалъ все, что позволяли обстоятельства, для его сына...

— Больше ничего не имѣете сказать мнѣ? спросилъ Вайнтройбъ, обращаясь къ ребъ-Авремеле.

— Ничего, отвѣчалъ послѣдній.

— Ну такъ я вамъ очень благодаренъ за ваши обо мнѣ попеченія, сказалъ скороговоркою Вайнтройбъ, а что касается бѣды, о которой вы пророчите мнѣ, то я, съ своей стороны, могу вамъ сказать, что я на этотъ счетъ очень спокоенъ, такъ какъ никакихъ преступленіи за собой не чувствую...

Произнося послѣднія слова, Лейзеръ сталъ одѣваться.

— Доброй ночи, обратился онъ къ ребъ-Авремеле и, взявъ шапку въ руку, направился къ дверямъ.

Ребъ-Авремеле поклонился, а прочіе подрядчики проводили его страшными проклятіями.

— Вѣдь это не видано, вѣдь это не слыхано! заговорилъ плѣшивый подрядчикъ по уходѣ Вайнтройба; такой молокососъ осмѣлился въ глаза назвать насъ всѣхъ подлецами! Напрасно, обратился онъ къ ребъ-Авремеле, вы не дали Ханму угостить его нѣсколькими пощечинами...

— Какъ нѣсколькими? перебилъ буянъ Хаимъ, извѣстный подъ именемъ *мордобея* въ мірѣ виленскихъ подрядчиковъ, — какъ нѣсколькими! повторилъ онъ: для меня труденъ только починъ; а лишь только приступаю къ дѣлу, такъ извините, — я не могу ограничиться нѣсколькими, тогда я десятками сыплю... Да, для Лейзера и сотни было бы мало... Если не ребъ-Авремеле, вы увидѣли бы какой я мастеръ...

— Не даромъ говорятъ, потушилъ кто то, что твои карманы наполнены пощечинами, такъ что тебѣ стоитъ только расердиться и они у тебя на готовѣ...

— Къ чему эти шутки, перебилъ ребъ-Авремеле, потолкуемъ лучше о дѣлѣ. И такъ, гудъ-о-гудъ разстроенъ...

— Конечно, перебили всѣ: теперь намъ всѣмъ слѣдуетъ подать конверты.

— И тотъ Лейзеръ, не могъ удержаться плѣшивый подрядчикъ! Просто не вѣрится! Такъ одурачить!... такъ одурачить!... Ну можетъ ли онъ послѣ этого остаться безнаказаннымъ? окончилъ онъ вопросомъ.

— Лейзеръ безнаказаннымъ!? закричали почти всѣ; нѣтъ, нѣтъ, онъ дорого поплатится намъ за это!...

— Да, въ Сибирь его, закричалъ громче всѣхъ буянъ — *мордобей*.

— Ну, да, согласились многіе.

— Слушайте, провозгласилъ ребъ-Авремеле, сердце мое говоритъ мнѣ, что Лейзеръ одумается и завтра придетъ къ намъ съ повинною... Да я предчувствую, что иначе и не можетъ быть... Не будетъ же онъ такимъ сумазбродомъ, чтобы своими руками сталъ натягивать себѣ петлю на шею....

— Извините меня, ребъ-Авремеле, я васъ не понимаю, перебилъ его съ нетерпѣніемъ одинъ изъ первостатейныхъ подрядчиковъ, который до сихъ поръ хранилъ глубокое молчаніе и не принималъ никакого участія во всемъ происходившемъ: это вѣдь наконецъ, смѣшно......Велика важность, Лейзерке Элхонесъ !..... Коли въ Сибирь, такъ туда ему дорога......Согласитесь, рабосай, этотъ трефнякъ обругалъ всѣхъ насъ, въ томъ числѣ и его подлецами, а онъ еще защищать его берется! Послѣ этого каждый вправѣ подумать, что вы честь свою ни во что не ставите... Да не забудьте, прибавилъ онъ, возвышая голосъ, что все это будетъ разнесено по всему городу, да что я говорю по всему городу: развѣ въ другихъ городахъ не будутъ знать объ этомъ? это разнесется по всему совѣту, и намъ, виленскимъ подрядчикамъ—хватамъ стыдно будетъ показываться.....Еслибъ насъ одурачилъ какой нибудь левъ, ну, тогда ничего; случается, а то, какой нибудь молокососъ....Лейзерке Эльхонесъ !....ха, ха, ха! смѣшно, и только......А вы ребъ-Авремеле, еще защищаете его, окончилъ ораторъ и снова залился смѣхомъ.

— Да, вы правы, проговорилъ ребъ-Авремеле: я уже слишкомъ добръ къ этому мерзавцу. Да что прикажите дѣлать? я слишкомъ любилъ его отца; Элхононъ, царство ему небесное, былъ моимъ лучшимъ другомъ, ну и думалъ я взять Лейзера подъ свою защиту и сдѣлать его человѣкомъ.....Не забудьте, что я почти старше васъ всѣхъ и, такъ сказать, *однимъ глазомъ въ*

гробъ смотрю, такъ я хотѣлъ, при встрѣчѣ съ ребъ-Элхонономъ *тамъ,* чтобы онъ принялъ меня дружески; ибо, согласитесь сами, онъ былъ *цадикъ* (праведный) и истинный еврей, такъ навѣрно попалъ въ рай......Еслибъ я былъ еще такъ молодъ какъ вы, обратился онъ къ одному изъ молодыхъ подрядчиковъ, я первый угостилъ бы Лейзера пощечиной за его грубость и...

Рабосай, рабосай! прервалъ съ крикомъ ребъ-Авремеле буянъ-мордобей: не все еще потеряно, ей Богу, не все....Я умнѣе васъ всѣхъ, хоть вы и богаче меня, обратился онъ къ гвирамъ, и удивляюсь, почему до сихъ поръ, обладая такимъ умомъ, не могъ я составить себѣ капиталецъ....

— Да говори съ толкомъ, въ чемъ дѣло, проговорили всѣ съ нетерпѣніемъ.

— Позвольте, я вамъ все скажу по порядку, продолжалъ мордобей; вы помните, что въ 1852-мъ году я былъ подрядчикомъ на поставку провіанта въ Динабургской крѣпости?

— Да ты скорѣе приступай къ дѣлу, раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, да на чемъ бишь, я остановился? ахъ да, въ 1852 или 3-мъ, не помню, былъ я подрядчикомъ на поставку провіанта въ Динабургской крѣпости....

— Да это мы уже слыхали....

— Не мѣшайте ему, а то до бѣлаго дня мы толку не добьемся: пусть его говоритъ; можетъ быть когда нибудь и узнаемъ въ чемъ дѣло, а то конца никогда не будетъ, произнесъ серьезнымъ тономъ плѣшивый подрядчикъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, дайте, дайте ему договорить, одобрили многіе.

Все пріутихло, мордобей продолжалъ.

Въ 1852 или 3-мъ году, право не помню, былъ я подрядчикомъ на поставку провіанта въ Динабургскую крѣпость; въ этой крѣпости служилъ при канцеляріи сторожъ, котораго звали Трофимомъ. Съ этимъ Трофимомъ мы были большіе пріятели. Когда я былъ мальчикомъ, отецъ мой, царство ему небесное, всегда говорилъ мнѣ: лучше старайся имѣть друзей, чѣмъ враговъ; каждый другъ можетъ когда нибудь оказать услугу, а каждый врагъ причинить зло.....Я любилъ отца, потому что онъ былъ мнѣ добрымъ отцомъ, и послѣдовалъ его совѣтамъ, такъ

что, рабесай, знаете, весь свѣтъ—мои друзья и ни одного врага я не имѣю.....

Такъ ли? обратился мордобей съ вопросомъ ко всему собранію.

Подрядчики, въ знакъ согласія, кивнули головами. Мордобей продолжалъ.

— Такъ вотъ мы съ Трофимомъ были большіе пріятели.... Теперь этотъ Трофимъ служитъ въ Губернскомъ Правленіи, и я съ нимъ такъ обдѣлаю дѣло, что Лейзерке Вайнтрейбъ останется въ дуракахъ; понимаете ли вы? окончилъ онъ вопросомъ и, выпуча глаза, самодовольно окинулъ все собраніе.

— Да мы тутъ ничего не понимаемъ, проговорилъ одинъ.

— А мнѣ что въ этомъ? я и не нуждаюсь въ этомъ, чтобы вы поняли меня: довольно если я самъ понимаю, произнесъ въ сердцахъ мордобей и отплюнулся.

— Да никто изъ насъ не понимаетъ, проговорили всѣ.

— Да говори же, наконецъ, въ чемъ дѣло, провозгласилъ ребъ-Авремеле, перестань умничать....

— Сей часъ, сей часъ: ей Богу, я думалъ, что остальное вы сами угадаете, да видно, никто изъ васъ не обладаетъ такимъ умомъ, какъ я, вѣдь при моемъ умѣ бѣднѣе васъ всѣхъ, ну какъ вамъ не стыдно!......Ха, ха, ха! Видите, торгъ-то будетъ производиться только запечатанными конвертами. Такъ! конверты принимаютъ только до одинадцати часовъ, а къ торгамъ Вайнтройбъ является обыкновенно въ три четверти одинадцатаго, потому что онъ человѣкъ очень аккуратный; ну, я и уговорю моего пріятеля Трофима передвинуть часы такъ, чтобъ они спѣшили минутъ на 40. Такимъ образомъ, когда Вайнтройбъ явится, его конверта не примутъ, и дѣло въ шляпѣ....... Скажите послѣ этого, что у меня такая же голова, какъ у всѣхъ людей, окончилъ *мордобей* и окинулъ торжественнымъ взглядомъ все собраніе.

Одобрительный шопотъ послышался въ собраніи. „Молодецъ!....—Ай, ай!......—Восхитительно!.....
„Лучше и не надо!,“ послышались со всѣхъ сторонъ похвалы *мордобею*.

— Но удастся ли это? попробовалъ кто-то сумниться въ возможности выполненія плана мордобея.

— Вещь возможная, потвердилъ какой-то подрядчикъ—авторитетъ.

— Если дѣйствительно возможно, то надобно хорошенько обдумать это, посовѣтовалъ плѣшивый подрядчикъ.

— Прежде всего слѣдуетъ удостовѣриться точно ли Вайнтройбъ является къ торгамъ не раньше трехъ четвертей одиннадцатаго: это очень важно; а во вторыхъ: дѣйствительно ли онъ, тутъ онъ указалъ на мордобея,—до того друженъ съ Трофимомъ, чтобы могъ устроить эту шутку?....

— Коли я говорю, перебилъ обиженнымъ голосомъ мордобей, то значитъ правда, а понапрасну обижать меня вамъ нечего.

— Онъ рѣдко хвастается и вполнѣ можно полагаться на него, потвердили многіе.

— Хорошо, такъ все значить ладно, вмѣшался ребъ-Авремеле.

— Какъ нельзя лучше, какъ нельзя лучше! послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Только помните, господа, мнѣ за это три пая, почти заревѣлъ мордобей.

— Онъ этого заслуживаетъ, подтвердилъ плѣшивый подрядчикъ, и еслибы онъ просилъ у меня изъ моего собственнаго кармана 200 рублей, я бы ему тоже далъ за такую услугу; потому что, согласитесь сами, тутъ дѣло не въ томъ, что *гудъ—о—гудъ* состоится, а въ томъ, что мы Вайнтройба одурачимъ... Понимаете ли вы? Вайнтройба одурачимъ!?...

Всѣ единодушно согласились дать мордобею три пая.

— Господа! пора и по домамъ, уже два часа пробило; мнѣ отдыхъ нуженъ, провозгласилъ ребъ-Авремеле.

— По домамъ, согласились всѣ.

Подрядчики разошлись.

Какъ тутъ быть, разсуждала Груне сама собою, когда очутилась въ своей спальнѣ; теперь у меня есть случай заставить Вайнтройба полюбить меня и я должна имъ воспользоваться... Я передамъ ему все, что происходило послѣ его ухода, тогда онъ увидитъ, что я жертвую даже интересами моего мужа для него и онъ не будетъ въ состояніи отказать мнѣ въ своей любви.... Я увѣдомлю его объ этомъ сей часъ, сію минуту... Какой это будетъ для него сюрпризъ!...

Груне задумалась.

— Да, да продолжала она, послѣ кратковременнаго молчанія, тѣмъ лучше, что теперь такъ поздно.... Это еще болѣе убѣдитъ моего милаго, какъ онъ дорогъ мнѣ!... это придастъ мнѣ цѣнность въ его глазахъ.... Онъ убѣдится, что я женщина не обыкновенная, что у меня есть сила воли и энергія!... Довольно разсуждать, окончила она, какимъ то дикимъ крикомъ, пора въ путь, въ путь!....

Груне дернула за сонетку.

— Что вамъ угодно M—me? спросила Реввека, явившись на зовъ своей госпожи.

— Ты, кажется, успѣла уже выспаться, обратилась Груне къ своей горничной, и теперь могла бы сопутствовать мнѣ: мнѣ крайне нужно сходить къ одной знакомой, и я возьму тебя съ собою.

Служанка вытаращила заспанные глаза на свою госпожу и ни чего не отвѣчала.

— Ты, кажется, меня не слушаешь: разсердилась Груне.

— Какъ можно! спохватилась служанка; я всегда, всецѣло принадлежу вамъ и готова служить вамъ тѣломъ и душою....

— Знаю, знаю, перебила не терпѣливо Груне: ступай—же скорѣе одѣваться.... да только тихо, понимаешь? Мы отправимся чрезъ черный ходъ, чтобы не разбудить никаго....

Служанка кивнула головою въ знакъ того, что она понимаетъ въ чемъ дѣло.

— Спасибо, тебѣ, Грунке, спасибо! Нечего сказать, оказала ты мнѣ огромную услугу.... Какъ хорошо служить у такой госпожи!... Всѣ служанки могутъ мнѣ завидовать! .. Счастье въ моихъ рукахъ, это просто прелесть!... Ничего, Грунке, это тебѣ дешево не обойдется!.... Дорого, очень дорого ты заплатишь мнѣ за мою вѣрную службу, — разсуждала Реввека, поспѣшно одѣваясь, и громко захохотала.

Ш. Эфронъ.

(Продолженіе будетъ).

Отношенія русскаго правительства къ католической пропагандѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Неоднократно испытывая хитрыя и притязательныя дѣйствія папскаго двора, русскіе вообще издавна очень недовѣрчиво смотрѣли на католичество и его агентовъ. По историческимъ документамъ извѣстно, что римскіе католики въ старину не могли открыто исповѣдывать свою религію въ сѣверной Россіи 1) и до XVIII столѣтія не имѣли здѣсь своихъ церквей 2). Если съ такою осторожностію и видимою небласклонностію относилась къ католицизму старая Россія, вообще строго уважавшая церковный авторитетъ, и потому имѣвшая нѣкоторыя точки соприкосновенія съ католичествомъ, то еще съ большею неблагосклонностію должна была отнестись къ нему новая Россія— Петровской эпохи, склонявшаяся на сторону протестантства, съ его свободнымъ характеромъ церковной, научной и государственной жизни и дѣятельности. Такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Самовластный и независимый характеръ Петра I никакъ не могъ помириться съ католическою доктриною, которая поддерживала рутину и незаконно возвышала авторитетъ папы, въ подрывъ свѣтской власти государей. Разъѣзжая по Европѣ, Петръ узналъ много непривлекательныхъ и темныхъ исторій о гнетѣ папства надъ народами и государями, а у себя на Руси имѣлъ случай окончательно убѣдиться въ достовѣрности этихъ исторій. Въ сочиненіи „О понтифексахъ римскихъ", принадлежащемъ другу Петра Ѳеофану Прокоповичу, прямо сказано, что папы нападали на государей, низвергали ихъ съ престоловъ и жестоко ругались надъ ними. Перечитывая картину униженія государей предъ папами, Петръ каждый разъ долженъ былъ испытывать самое враждебное чувство къ папству и его клевре-

1) Это видно изъ свидѣтельства Маржерета (Исторія русской церкви, преосв. *Филарета*, періодъ 4-й, стр. 135.

2) По свидѣтельству Таннера (*Вѣстникъ Европы* 1830 г., № 23), католикамъ не дозволялось имѣть въ Россіи ни церквей, ни священниковъ. Въ началѣ XVIII вѣка они жаловались Петру, что у нихъ нѣтъ своей церкви и только обманомъ выстроили ее въ Москвѣ (Le Catholicisme Romain en Russie, I, стр. 126—128).

тамъ. „Папа сидитъ на престолѣ“, говорится въ томъ же сочиненіи, „въ облаченіи и митрѣ. Императоръ, подходя къ нему, трижды колѣна до земли передъ нимъ преклоняетъ и униженнымъ образомъ, подступая къ нему, цѣлуетъ папину ногу, и ставши паки на колѣна, знатную сумму золота къ ногамъ его полагаетъ, въ знакъ благодарности за таковую себѣ честь. Когда папа садится на коня, то присутствующій при томъ государь, хотя бы онъ былъ императоръ, держитъ стремя коня его и потомъ за узду нѣсколько ведетъ его., А когда папа велитъ выносить себя сидящаго въ креслахъ, то съ прочими несетъ его императоръ; и сей же монархъ долженъ былъ, когда папа умываетъ себѣ руки, держать умывальницу; когда папа сядетъ кушать, то первое блюдо самъ передъ него поставляетъ; не повелѣвалъ только уставъ сей императору въ поварню ходить, се же ради императорской чести“... Эти строки сильно воспламѣняли досадой и ненавистью горячую и самовластную натуру Петра, и онъ явно выразилъ свое презрѣніе къ папству въ публичномъ пародированіи папскихъ церемоній. При дворѣ Петра Великаго былъ шутовскій князь-папа. Роль этого комическаго лица разыгривали то Никита Зотовъ, то Иванъ Головинъ, то Иванъ Бутурлинъ 1). Вотъ, напримѣръ, какого рода шутовское представленіе устроилъ государь въ январѣ 1725 года. По смерти князя-папы Бутурлина, государь, пародируя конклавъ кардиналовъ, собирающійся въ Римѣ для выбора новаго папы, велѣлъ устроить въ домѣ умершаго князя-папы особую залу, обитую соломою. Посреди стояла бочка съ виномъ и кресло для будущаго князя-папы. Четырнадцать ложъ, перегороженныхъ соломенными щитами, образовали мѣсто для конклава. Въ каждой ложѣ вмѣсто лампы висѣло по лаптю. Въ шутовской процессіи прибыли вельможи, игравшіе роль кардиналовъ, въ кардинальской одеждѣ и съ изображеніемъ Бахуса на груди. Въ процессіи шло между прочимъ шестнадцать заикъ, изображавшихъ собою папскихъ ораторовъ, и двѣнадцать плѣшивыхъ носильщиковъ съ пузырями въ рукахъ. По прибытіи на мѣсто, эта странная процессія была привѣтствована ударами деревянныхъ молотковъ въ пустыя бочки. Послѣ веселаго пиршества члены конклава

1) Дѣянія Петра Великаго, соч. *Голикова*, VI, 373.

были заперты въ своихъ ложахъ, и двери залы запечатаны. Къ утру большинствомъ голосовъ избранъ былъ новый князь-папа. Присутствующіе въ конклавѣ почтили его цѣлованіемъ его туфлей, и двѣнадцать плѣшивыхъ носильщиковъ понесли его по улицамъ 1). Причудливая фантазія Петра помѣстила здѣсь, кажется, все, что только могло уронить и унизить папу и его дворъ.

Не довольствуясь насмѣшкою надъ папствомъ, Петръ серіозно изобличалъ римскій дворъ, доказывалъ незаконность существованія папъ и своими доводами посрамилъ (въ домѣ адмирала Апраксина) ученаго папскаго кліента, польскаго посла Отинскаго 2). Антипатію Петра къ папству вполнѣ раздѣлялъ и энергично поддерживалъ его любимецъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Ему приписываютъ сочиненіе „О папѣ антихристѣ" 3), гдѣ онъ не пощадилъ своего остроумія и сарказма для униженія искони ненавистнаго ему папства.

Съ неменьшею непріязненностію относился Петръ и къ главнымъ поборникамъ латинства, къ іезуитамъ. Хитрые, коварные, пронырливые и почти вездѣ успѣвавшіе въ своихъ замыслахъ, іезуиты оказывались самими лучшими пособниками папскаго двора и самыми ловкими и обольстительными пропагандистами католической доктрины. Такіе люди до глубины возмущали желчную натуру Петра и удостоивались отъ него очень нелестныхъ отзывовъ. Во время пребыванія своего въ Вѣнѣ въ 1698 г. осмотрѣвъ коллегіумъ іезуитовъ, Петръ говорилъ: „Знаю я, что іезуиты большею частію люди ученые, во многихъ художествахъ искусные и ко всему способные, но не для меня, ибо я знаю также и то, что сколько они ни кажутся набожными, однакоже вѣра ихъ служитъ только покровомъ къ обогащенію, равно какъ ихъ училища и художества—орудіемъ къ проискамъ, услугамъ и выгодамъ папы и къ господствованію надъ государями" 4). Въ 1705 году Петру пришлось имѣть довольно серіозное столк-

1) Исторія Петра Великаго, соч. *Бергмана*, VI, 4—7.

2) Возраженіе на пашквиль лютеранскій, рукоп. Моск. дух. акад. № 127.

3) Обзоръ Русской духовной литературы, преосв. *Филарета*, II, 15.

4) Исторія Петра Великаго *Бергмана*, I, 276.

новеніе съ католическими духовными. Лѣтомъ этого года Петръ съ своими войсками былъ въ польскихъ владѣніяхъ, въ качествѣ союзника польскаго короля Августа противъ Карла XII. Вечеромъ 30-го іюня Петръ зашелъ съ своими приближенными осмотрѣть полотскій уніатскій монастырь. Петръ хотѣлъ войдти въ алтарь, но монахи не пустили его, говоря, что ему, какъ противнику католической вѣры, не слѣдуетъ входить въ святилище. Петръ былъ раздраженъ этимъ, но сдержался. Вслѣдъ затѣмъ, увидѣвъ одинъ образъ, отличавшійся особыми украшеніями, онъ спросилъ: „Чей это образъ?“ Монахи отвѣчали: „Священномученика нашего Іосафата (Кунцевича), котораго ваши единовѣрцы умертвили“. Петръ велѣлъ своимъ приближеннымъ схватить монаховъ. Но монахи, видя малочисленность царской свиты, не сдались и начали кричать о помощи; сбѣжались послушники вооруженные, и началась схватка. Въ этой схваткѣ раздраженіе Петра достигло высшей степени; онъ велѣлъ повѣсить монаха, который прежде отличался выходками противъ него въ проповѣдяхъ. Этимъ печальнымъ событіемъ не преминули воспользоваться католики для нападокъ на Петра 1). Описанное происшествіе произвело тяжелое впечатлѣніе на него самого и окончательно вложило въ его душу презрѣніе къ монахамъ-іезуитамъ.

Презирая папство и его поборниковъ, Петръ съ недовѣрчивостію и неуваженіемъ смотрѣлъ и на католическіе обряды, обычаи, святыню и чудеса. Онъ видѣлъ въ нихъ проявленія своекорыстія и обмана духовенства. Есть преданіе, будто Петръ открылъ подлогъ въ одномъ польскомъ костелѣ, гдѣ ему показывали статую плачущей Богоматери 2). Не довѣряя католической обрядности, Петръ всячески старался изгнать и изъ Россіи всякое подобіе ей. Въ указѣ 1722 года мы читаемъ: „Рѣзныхъ иконъ и отливныхъ не дѣлать и въ церквахъ не употреблять, кромѣ распятій... понеже... въ Россію сей обычай, что рѣзныя неумѣренныя иконы устроить, вшелъ отъ иновѣрныхъ, а наипаче отъ *римлянъ* и отъ послѣдующихъ имъ *по-*

1) Исторія Россіи *С. Соловьева*. XV. 168—169.
2) Въ Венеціанской „Исторіи Петра Великаго“ приводятся многіе факты изъ жизни латинскаго духовенства, обманывающаго народъ ложными чудесами и суевѣрными разказами.

рубежныхъ намъ поляковъ, которымъ, яко благочестивой нашей вѣрѣ несогласнымъ, послѣдовать не подобаетъ" 1).

Имѣя въ виду указанныя отношенія Петра Великаго къ папству, къ іезуитамъ, и вообще къ католической церковной жизни, легко представить себѣ и отношенія правительства петровской эпохи къ католической пропагандѣ. Она не могла найдти себѣ теплаго пріюта въ Россіи и должна была замирать въ своемъ корнѣ.

Въ исходѣ XVII вѣка прибыли въ Москву іезуиты Шмитъ и Тихановскій. Вскорѣ по пріѣздѣ они обратились за покровительствомъ къ секретарю австрійскаго посольства Курціусу, при посредствѣ его купили себѣ домъ, завели школу и начали привлекать въ нее русскихъ дѣтей; вмѣстѣ съ тѣмъ они пустили въ оборотъ и другія орудія своей пропаганды— книги, образа и все, что могло содѣйствовать ихъ корыстнымъ и изувѣрнымъ видамъ. Происки іезуитовъ, при всей таинственности ихъ, не укрылись отъ взора бдительнаго патріарха Іоакима. Онъ узналъ о незаконныхъ и приманчивыхъ дѣйствіяхъ іезуитовъ и потребовалъ немедленнаго удаленія ихъ изъ Москвы. Въ 1689 году правительство выгнало изъ Москвы этихъ пропагандистовъ и притомъ замѣтило, что „они святой восточной и апостольской церкви и догматамъ ея чинили противность и расколъ, и людей прельщали и римской вѣрѣ своей научали" 2). Но іезуиты не потеряли надежды на успѣхи католичества въ Россіи. Какъ люди эластичные и податливые на всякія мѣры и средства, они скоро обратились отъ тяжелаго удара и снова обратились къ ходатайству Курціуса 3). Въ этотъ разъ не помогъ іезуитамъ и самъ Курціусъ, хотя онъ ходатайствовалъ подъ покровительствомъ Цезаря. Курціусу категорически отвѣчали: „Строить костелы и заводить католическія училища въ Россіи нельзя; іезуитамъ возвратиться въ Россію не позволяется... Отъ давнихъ лѣтъ русскій народъ исповѣдуетъ восточное православіе, искренно ему преданъ и не желаетъ инаго ученія. Если Цезарь на-

1) Полнпе Собраніе Законовъ, № 4079.
2) Тамъ же, № 1351.
3) Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ іезуитовъ при Петрѣ Великомъ заимствованы изъ книги графа А. Д. Толстаго.—Le Catholicisme Romain en Russie, I.

стоятельно хочетъ, чтобъ іезуиты упражнялись въ проповѣди, то пусть отправитъ ихъ къ народамъ, не знающимъ истинной вѣры". Не упали духомъ іезуиты и послѣ этого рѣшительнаго отказа. Они обратились къ ходатайству генерала Гордона. Пользуясь расположеніемъ Петра, Гордонъ поручилъ италіанскому купцу Гуаскони, жившему въ Москвѣ, выстроить тамъ католическій костелъ. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ Петру, онъ приказалъ произвести изслѣдованіе о постройкѣ латинскаго костела. Между тѣмъ онъ ужь отстроился. Теперь католицизмъ получилъ осѣдлость и какъ-бы право гражданства въ Россіи. Москва снова начала наполняться іезуитами съ ихъ обычаями, школами и пропагандою. Петръ, занятый преобразованіемъ, совсѣмъ упустилъ было католическихъ пропагандистовъ изъ виду. По этому случаю дѣло іезуитовъ могло принять благопріятный исходъ. Но гдѣ не досматривалъ Петръ, тамъ зорко слѣдили его пособники. Государю донесли, что „оные (іезуиты) учениковъ многихъ въ свой законъ привели, а наипаче мѣщанскихъ". Разсерженный царь приказалъ взять подъ стражу всѣхъ іезуитовъ и тотчасъ же выслать ихъ за границу, такъ какъ они „при духовности входятъ и въ другія дѣла, не принадлежащія имъ" 1). Это было въ 1719 году. Въ Москвѣ остались только латинскіе священники, но подъ условіемъ „вѣрѣ христіанской никакой противности не чинить и русскихъ людей не отвращать отъ православной церкви" 2). Такими мѣрами католическая пропаганда была окончательно ослаблена и подавлена въ Москвѣ.

Хитрые іезуиты однако не оставили Россію въ покоѣ. Они только измѣнили поприще своихъ дѣйствій, изъ Москвы перенесли свои завоеванія въ Петербургъ и Астрахань. Правительство, занятое внутреннимъ образованіемъ Россіи, долго не знало о существованіи этой новой іезуитской пропаганды. Наконецъ, въ 1721 году были перехвачены и представлены въ духовную коллегію двѣ грамоты, посланныя на имя францисканов отъ папы и римской контрегаціи. Въ этихъ грамотахъ заповѣдывалось всѣми силами распространять католичество въ Россіи.

1) *Голиковъ,* Дѣянія Петра Великаго, VIII, 238—431.
2) Полное Собраніе Законовъ, V, № 3356.

Синодъ удивился новой дерзости католицизма и донесъ императору, что „францисканe папскіе шпіоны, совѣты же папскіе безчеловѣчные, злочестивые и святотатскіе“. Государь приказалъ духовной коллегіи обстоятельно развѣдать о францисканахъ, „дабы цѣлость вѣры и государства безвредно была соблюдена“; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ увѣдомить, сколько католиковъ проживаетъ въ Россіи, и въ какихъ городахъ; что же касается частныхъ домовъ, то въ нихъ позволялось держать духовныхъ особъ иновѣрнаго исповѣданія, только съ разрѣшенія синода 1). Въ 1724 году капуцины и францисканe были удалены изъ Петербурга, а на мѣсто ихъ явились доминиканцы, какъ католики болѣе спокойные и благоразумные 2). Около этого же времени было наряжено слѣдствіе для разбора іезуитскихъ дѣлъ въ Астрахани 3).

Преслѣдуя католическую пропаганду въ Москвѣ, Петербургѣ и Астрахани, Петръ въ то же время съ особенною настойчивостію и вниманіемъ слѣдилъ за нею въ западно-русскихъ областяхъ, подвластныхъ Польшѣ. Здѣсь онъ являлся вполнѣ доблестнымъ защитникомъ православія и всякій разъ, по требованію нужды, возвышалъ свой голосъ въ защиту православныхъ, притѣсняемыхъ католиками. Въ 1700 году онъ писалъ Августу III: „Нынѣ намъ, великому государю, донесено, что православныхъ грекороссійскія вѣры, обрѣтающихся въ Польшѣ и Литвѣ людей, а именно виленскихъ и минскихъ уѣздныхъ и городовыхъ жителей, въ Литвѣ бискупы, іезуиты и доминиканы и прежніе уніаты и шляхта нѣкакимъ попущеніемъ разоряютъ и въ унію насилуютъ и бьютъ, а монастыри и святыя церкви отнимаютъ и заѣзжаютъ и обращаютъ въ унію“ 4). Въ 1722 году, по поводу жалобъ бѣлорусскаго епископа Гедеона Четвертинскаго на притѣсненія отъ папистовъ, Петръ предписалъ русскому посланнику въ Варшавѣ „домогаться съ крайнимъ прилѣжаніемъ“, чтобъ была назначена коммиссія для

1) Полное Собраніе Законовъ, VI, № 3963.

2) Le Catholicisme Romain en Russie, I, 138.

3) Свѣдѣнія о латинской пропагандѣ въ Астраханѣ обстоятельно сообщены въ *Духовной Бесѣдѣ* 1865 г. №№ 12-й—16-й.

4) Русская политика въ Польшѣ до Екатерины II, *Щебальскаго*, 7.

разслѣдованія всѣхъ обидъ нанесенныхъ людямъ греческаго исповѣданія, и „стараться, чтобъ имъ впередъ гоненія не было“ 1). Неоднократно Петръ относился съ своими представленіями къ римскому двору и требовалъ, чтобы папа „послалъ въ Польшу крѣпкій указъ не обижать людей греческаго исповѣданія въ противность трактатамъ и далъ совѣсти ихъ покой и свободу, ибо надъ совѣстію одинъ Богъ власть имѣетъ“ 2). Такія энергическія мѣры Петра противъ католической пропаганды ясно свидѣтельствуютъ, что онъ оставался неизмѣннымъ въ своихъ отношеніяхъ къ католицизму.

Это ясно высказалось въ отношенія Петра къ тонкой и искусной пропагандѣ сорбоннскихъ богослововъ. Эти ученые мужи, во время пребыванія Петра въ Парижѣ въ 1717 году, приступили къ нему съ предложеніемъ о соединеніи церквей. Государь отвѣтилъ, что онъ „солдатъ и въ богословіе не мѣшается“, но изъ деликатности принялъ записку, поданную сорбоннскими богословами, и обѣщалъ передать ее русскимъ епископамъ для разсмотрѣнія. Сорбоннская записка оказалась хитро разчитаннымъ трактатомъ въ пользу католицизма и потому вызвала жестскій отвѣтъ со стороны русскихъ епископовъ. Они единогласно заявили, что „всякая перемѣна въ русской церкви подлежитъ великой опасности“. Петру не понравился такой рѣзкій отзывъ русскихъ пастырей о предложеніи Сорбонны, потому что онъ не могъ разстроить политическія отношенія между Россіей и Франціей, а вслѣдствіе того Стефану Яворскому и Ѳеофану Прокоповичу было поручено составить новые проекты отвѣта. Изъ двухъ редакцій отвѣта была принята и отослана въ Сорбонну только одна, Ѳеофанова. Изворотливый, тонкій и ироническій отвѣтъ Прокоповича, понравившійся Петру, между прочимъ, гласилъ въ сущности слѣдующее. Дѣло соединенія церквей не выполнимо въ короткій срокъ и рѣшительно не возможно безъ согласія и участія восточныхъ патріарховъ. Что же касается до окончательнаго единенія церквей, то оно находится въ рукахъ Божественнаго Промысла: „Тако мы человѣцы разсуждаемъ и глаголемъ, самъ же Богъ... безчисленные и удоб-

1) Исторія Россіи, *Соловьева,* XVIII, 81.
2) Тамъ же, XVIII, 92.

нѣйшіе имѣетъ способы, хотя умомъ нашимъ и непостижимые, или же святое сіе желаніе въ благополучный конецъ произвести возможетъ“. Католическіе ученые прямо поняли, подъ какимъ вліяніемъ составленъ былъ этотъ отвѣтъ и сложили всю вину своей неудачи на самого составителя 1). Но чтобы ни думали римскіе католики о Ѳеофанѣ, все-таки ихъ прозелитство при Петрѣ Великомъ осталось безъ всякаго успѣха и должно было выжидать для себя благопріятнаго исхода въ неизвѣстномъ будущемъ.

Невнимательный и недовѣрчивый къ религіознымъ интересамъ католицизма, Петръ былъ недоволенъ и католическою доктриною, выставлявшею на видъ интересы папъ. Заказывая множество переводовъ иностранныхъ книгъ на русскій языкъ, государь по преимуществу избиралъ для этой цѣли такія книги, которыя порицали папство. Такъ, по повелѣнію Петра, былъ переведенъ Гавріиломъ Бужинскимъ „Позоръ Историческій“ Стратемана 2). Въ этомъ сочиненіи мы читаемъ такую тираду: „Центуріаторы магдебургскіе многая, яже дотолѣ папежская погрѣшенія, замыслы и высокоумія прикровенна бяху, всѣмъ къ вѣденію произдадоша. Бароній, паки хотяй покрыти, противъ ихъ написалъ свои превеличайшія на 12 вѣковъ книги, яже аще и сокращенная суть чрезъ Скаргу іезуита, но вездѣ папѣ воинствуютъ, срамъ и безчестіе его покрываютъ, пользу же и господство его расширити тщатся. Тѣмже воспріяхомъ трудъ надъ сею книжицею („Позоръ Историческій“), яко хотя имать творца протестантскія вѣры, обаче въ словахъ умѣреннаго.... Въ семъ позорѣ истинно увидиши, читателю, каковіи бяху папы житіе и поведеніе“ 3). Итакъ, предусмотрительный государь старался создавать въ самой русской литературѣ пособія для

1) Подробныя свѣдѣнія о сношеніяхъ Петра и русскихъ епископовъ съ Сорбонскими богословами сообщены въ Прибавленіяхъ къ печатнымъ проповѣдямъ *Яворскаго,* III, въ Дѣяніяхъ Петра Великаго *Голикова,* VI, въ сочиненіи *Пекарскаго:* Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 39—42, и въ сочиненіи *Чистовича:* Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. 43—45.

2) Наука и литература при Петрѣ Великомъ, соч. *Пекарскаго,* II, 614—615.

3) Тамъ же, I, 380.

униженія католической доктрины и для предупрежденія ея вліянія на Русскихъ. Впрочемъ, не отличаясь религіозною нетерпимостію и исключительностію, Петръ приказывалъ иногда переводить на русскій языкъ и сочиненія латинскихъ авторовъ; но при переводѣ ихъ соблюдалась строгая разборчивость, и дѣлались особыя замѣтки переводчиковъ. Въ предисловіи къ книгѣ: „Полидора Виргилія о изобрѣтателѣхъ вещей,“ сказано: „Да вѣдаетъ читатель творимая у нихъ (католиковъ), и да явится искусенъ во обхожденіяхъ ихъ. Убо буди подобенъ трудолюбивой пчелѣ, не токмо благоуханные цвѣты и древеса, но и мертвыя тѣлеса (?) облетающей и отъ всѣхъ дивный пчельникъ и сладкій медъ сочиняющей“ 1). Въ концѣ II-й части „Лѣтописей“ Варонія, также переведенныхъ по желанію государя, сдѣлано такое предостереженіе отъ переводчика:

„Читателю, чтуще внемли здѣсь опасно,
„Что въ ней гдѣ странно, и что намъ согласно;
„Доброе держи, злое же отрини:
„Вѣкъ бо нашъ и свѣтъ наполненъ есть сими“ 2).

Понятно безъ объясненій что католическія книги, обставленныя, при своемъ переводѣ, такими предосторожностями и замѣчаніями, едва-ли могли увлекать на свою сторону русскихъ читателей и такимъ образомъ пропагандировать въ Россіи католическія тенденціи. Эти книги скорѣе всего отвращали русскихъ отъ порицаемаго и критикуемаго папства.

Мы показали, что со стороны правительства при Петрѣ I были приняты и испробованы самыя энергическія мѣры противъ католической пропаганды въ Россіи. Теперь посмотримъ, такъ ли относилось къ этому дѣлу русское правительство при ближайшихъ преемникахъ великаго государя.

По смерти Петра Великаго католическая пропаганда могла имѣть болѣе успѣха на Руси. Реакція, начавшаяся при Екатеринѣ“, говоритъ г. Чистовичъ, „развернулась во всей силѣ при Петрѣ II. Многія лица заправлявшія дѣлами въ царствованіе Петра I, сошли со сцены; новыя или прежнія *опальныя* вы-

---

1) Наука и литература при Петрѣ Великомъ, *Пекарскаго*, т. II, 48—487.

2) Тамъ же, т. II, 447.

ступили на сцену“ 1). „Смертію Петровою“, говорить авторъ „Молотка на Камень вѣры“, „воскресоша паки единомышленники Яворскаго.... но своимъ прихотямъ они прилѣжно о тиранствѣ папежскомъ трудились“ 2). Хотя эти слова и не вполнѣ справедливы, тѣмъ не менѣе въ царствованіе Петра II мы встрѣчаемъ довольно самонадѣянныя попытки католиковъ завербовать подъ свое иго Россію. Благопріятный предлогъ для такихъ попытокъ представилъ поступокъ княгини И. П. Долгоруковой, рожденной княжны Голицыной (супруги князя Сергѣя Павловича). Возвращаясь въ Россію изъ-за границы, гдѣ она приняла католичество, она просила отправить съ нею какое-либо духовное лицо для поддержанія ея въ новой вѣрѣ. Сорбоннскіе богословы послали съ нею священника Жака Жюбе, извѣстнаго подъ ложно принятымъ имъ названіемъ Лакура, съ тѣмъ чтобъ онъ старался и о соединеніи церквей. 28-го февраля 1727 года Утрехтскій епископъ писалъ къ Жюбе: „Смѣю просить васъ.... сопровождать княгиню Долгорукову въ ея отечество, чтобы служить ей руководителемъ въ духовной жизни, также обратить къ Богу (то-есть, въ католичество) ея семейство; наконецъ, слѣдовать во всемъ откровенію, которое Богу угодно будетъ ниспослать вамъ въ Московіи для соединенія этой великой церкви съ латинскою. Знаю, что рѣшимость огромна, но мнѣ извѣстна вѣра, дарованная намъ отъ Бога, которою вы одушевлены“. Сорбонна, съ своей стороны, дала формальное полномочіе Жюбе, кончавшееся такъ: „Мы не сомнѣваемся, милостивый государь, что вы употребите всѣ средства, чтобы возбудить въ почтеннѣйшихъ епископахъ руской церкви охоту обратить вниманіе на важность этого дѣла“. Жюбе прибылъ въ Москву 20-го декабря 1728 года, въ самый разгаръ могущества семейства Долгоруковыхъ при русскомъ дворѣ. Жюбе былъ человѣкъ уже пожилой (ему было 54 года) и ловкій на всѣ руки. Этотъ достойный священникъ, по словамъ современника, доктора Сорбонны Бурсье, соединялъ съ вкрадчивымъ обращеніемъ манеры, способныя для привлеченія умовъ. Каждый искалъ сообщества и бесѣды съ столь любезнымъ иностранцемъ и считалъ за честь

1) Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 223—234.
2) Возраж. на пашквиль лютеранскій (рук. Моск. дух. акад., № 127, л.).

быть знакомымъ съ нимъ. Въ началѣ обстоятельства видимо благопріятствовали Жюбе. Въ Москвѣ онъ нашелъ себѣ сильнаго покровителя въ испанскомъ посланникѣ, герцогѣ де-Лиріа. Испанскій посланникъ, какъ только узналъ о замыслахъ Жюбе, взялся поддерживать ихъ разными происками, а для огражденія безопасности Жюбе выдалъ ему 1-го марта 1729 года письменный видъ, что онъ посольскій духовникъ. „Чтобъ имѣть болѣе возможности вести великое дѣло,“ замѣчаетъ Бурсье, „и составить проекты, которые могли бы быть приняты, Жюбе убѣдилъ брата княгини Долгоруковой, князя Голицына, уступить посланнику свой прекрасный загородный домъ. Здѣсь, въ величайшей тайнѣ, была составлена записка, доказывавшая духовныя и мірскія выгоды соединенія церквей“. Вообще Жюбе успѣлъ на столько подвинуть свое дѣло, что уже началъ совѣщаться о соединеніи церквей съ нѣсколькими русскими духовными лицами—Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, Варлаамомъ Ваніатовичемъ, Евфиміемъ Колетти, и кажется, съ Сильвестромъ, бывшимъ епископомъ Рязанскимъ. Изъ словъ самого Жюбе видно впрочемъ, что они не очень поддавались на его предложенія, и что всѣхъ ихъ страшили власть и притязанія римскаго двора. Вскорѣ послѣдовавшія политическія событія остановили дальнѣйшіе успѣхи этого дѣла, и въ 1731 году Жюбе долженъ былъ удалиться изъ Россіи, какъ опасный и вредный человѣкъ 1).

Вникая въ исторію описанной католической интриги при Петрѣ II, мы находимъ, что она имѣла закулисный характеръ и боялась дневнаго свѣта. Стало быть, Россія и въ это время была въ безопасности отъ открытаго прозелитизма латинянъ. И дѣйствительно ему не благопріятствовали самыя тогдашнія законодательныя мѣры Россіи. Именнымъ указомъ 1728 года былъ строго воспрещенъ въѣздъ въ Россію духовнымъ особамъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, и повелѣно „выслать тѣхъ, которые живутъ въ ней, а буде у кого такія особы нынѣ живутъ, тѣхъ немедленно выслать за рубежъ“. Въ силу этого за-

---

1) Болѣе полныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Жюбе сообщены у *Пекарскаго*, Наука и литература при Петрѣ В. (I, 42—43), и у *Чистовича*, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время (369—373).

кона вся смоленская шляхта обязывалась „не чинить соблазна православнымъ и не отсылать своихъ дѣтей въ Польшу, а отсылать ихъ въ россійскія школы, которыхъ въ Москвѣ и Кіевѣ довольное число“. Въ томъ же году было разрѣшено пропускать въ Россію ксендзовъ только въ крайнихъ случаяхъ, съ разрѣшенія мѣстныхъ губернаторовъ и архіереевъ и подъ необходимымъ условіемъ, чтобы ксендзы вели себя кротко и смирно, иначе они подвергнутся жестокимъ наказаніямъ и изгнанію 1). Все это, очевидно, противодѣйствовало католической пропагандѣ въ Россіи и при Петрѣ II.

Еще менѣе могъ разсчитывать на успѣхъ латинскій прозелитизмъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, когда воцарилась въ Россіи нѣмецкая партія, презиравшая католичество. Только въ началѣ этого царствованія, въ 1730 году, мы встрѣчаемъ попытки іезуитской пропаганды, но и въ это уже время она встрѣтила себѣ сильный отпоръ со стороны прозорливаго Ѳеофана Прокоповича. Узнавъ о коварныхъ дѣйствіяхъ и искусно написанномъ въ защиту католичества сочиненіи доминиканца Рибейры, находившагося при испанскомъ посланникѣ въ Россіи, Ѳеофанъ немедленно представилъ правительству слѣдующія свои соображенія: „Поминая происки католиковъ о соединеніи церквей при Петрѣ I, не могу не имѣть подозрѣнія, что не къ тому ли намѣренію и Рибейровы лжесоставныя объявленія устроены“. Участь Рибейры и особенно его русскихъ сообщниковъ была очень печальна 2). Не ограничиваясь судебными разслѣдованіями и пытками всѣхъ соучастниковъ Рибейры, правительство въ 1735 году сочло долгомъ приказать, „чтобы никто (изъ иновѣрцевъ и преимущественно католиковъ) не дерзалъ, какимъ бы образомъ и подъ какимъ бы претекстомъ, изъ нашихъ подданныхъ въ свой законъ превращать, подъ опасеніемъ, что въ противномъ случаѣ съ нимъ поступлено будетъ по гражданскимъ уставамъ и указамъ“ 3).

Не могла ожить въ Россіи католическая пропаганда и при Елизаветѣ Петровнѣ. Эта государиня, до глубины души пре-

1) Полное Собраніе Законовъ, VIII, № 5,238.

2) *Чтенія Общества исторіи и древностей россійскихъ* 1863 года, кн. 2; Рѣшиловское дѣло *Чистовича* (С.-Пб. 1861 года).

3) Полное Собраніе Законовъ, IX, № 6698.

данная православію и русскому духовенству, положила себѣ за правило—„быть послушною единой православной восточной церкви“[1]). Вслѣдствіе этого она „возымѣла непреклонное намѣреніе вся ереси отъ церкви восточной истребити......и въ противности святыя церкви пребывающихъ суду праведному и наказанію предавать“.[2]) Это намѣреніе Елизаветы не оставалось праздною мечтой. Освѣдомившись о католическомъ направленіи княгини Долгоруковой, Елизавета Петровна нарядила слѣдствіе и въ 1746 году дала именный указъ синоду, чтобъ онъ слѣдилъ, „дабы таковые отметники отъ православныя восточныя церкви, родившіеся въ православіи и отъ правовѣрныхъ родителей, въ нашей имперіи терпимы не были, а другіе, на то смотря, отъ такой лукавой прелести остерегались“. Долгорукову вмѣстѣ съ дѣтьми взяли въ синодъ для изслѣдованія и увѣщанія. Послѣ допросовъ и показаній, изустнымъ повелѣніемъ государыни приказано было князя Сергѣя Долгорукова, съ сыномъ Николаемъ, отослать въ Саввинъ Сторожевскій монастырь — перваго на годъ, а втораго на нѣсколько мѣсяцевъ; а за женой его и дочерью, княжною Анною, приказано строжайше наблюдать, чтобъ онѣ исполняли всѣ обряды православной церкви. Два другіе сына, князья Александръ и Владиміръ, прибывшіе въ томъ же году изъ Парижа, по испытаніи ихъ въ синодѣ, оказались въ православно-восточной грекороссійской вѣрѣ и законѣ „не тверды и сумнительны“, почему и приказано было отправить ихъ для утвержденія въ законѣ къ учителямъ Александро-Невской семинаріи[3]). Подражая во многихъ дѣлахъ правленія своему отцу, Елизавета Петровна съ особенною зоркостію слѣдила за цѣлостію православія и за пропагандою католиковъ въ западныхъ и южныхъ областяхъ своей имперіи, гдѣ былъ давній притонъ іезуитовъ, и гдѣ они искони ловко и очень успѣшно вели свои дѣла. Такъ какъ іезуиты болѣе всего совращали православныхъ

---

1) См. слово Платона Малиновскаго 1742 года въ одномъ извѣстномъ намъ собраніи печатныхъ проповѣдей Елизаветинскаго времени.

2) См. слово Маркелла Радышевскаго 1742 года. тамъ же.

3) Отчетъ о десятомъ присужденіи Уваровскихъ премій (С.-Пб., 1863 года); статья *Пекарскаго:* Отзывъ о сочиненіи г. Чистовича—„Өеофанъ Прокоповичъ.“

при обученіи и посредствомъ распространенія своихъ книгъ, то на эти предметы и устремились преимущественно взоры правительства. Императрица накрѣпко приказала блюстителямъ школъ, „чтобъ ученіе было благочестивое, христіанское, восточнаго исповѣданія, а отступниковъ и противниковъ, также и еретиковъ, въ школы не допускать и прелесть противнаго исповѣданія и всѣ еретическія обученія весьма отсѣкать и искоренять[1] ,....„преподавать же ученіе, не отлучаясь ни въ чемъ святыя восточныя церкви"[2]. Поставляя въ непремѣнную обязанность тогдашнему кіевскому митрополиту Тимоѳею Щербатскому „пещися, како бы богоданную паству охранять отъ еретиковъ, сущихъ волковъ, отъ которыхъ разсѣваются суевѣрія, расколи, ереси и безбожныя помышленія"[3]), правительство вмѣстѣ съ тѣмъ требовало отъ Щербатскаго, чтобъ онъ завелъ при своемъ домѣ типографію и печаталъ въ ней книги „по чину, преданію же и мудрованію восточныя церкви за его митрополитскимъ досмотромъ", но отнюдь не печаталъ бы книгъ, гдѣ „усмотрѣны несогласія съ православною нашею вѣрою", и по преимуществу заботился бы о тисненіи тѣхъ сочиненій, которыя могутъ послужить „въ утвержденіе православной вѣры и отвращеніе народа отъ римскихъ заблужденій"; въ справщики книгъ и надзиратели за типографіей приказано избрать людей искусныхъ въ Священномъ Писаніи, „дабы правленіе и печатаніе книгъ происходило добропорядочно, и противности церкви святѣй ни въ чемъ отнюдь несогласія не было"[4]). Такимъ образомъ католическая пропаганда была энергически ослаблена въ Россіи и при Елизаветѣ Петровнѣ.

Указанныя нами отношенія русскаго правительства къ католической пропагандѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка могутъ показаться для современной критики притязательными и неумѣстными. Правительство, могутъ сказать намъ, вмѣшивалось не въ свое дѣло. Конечно, въ интересахъ нравственной силы и автономіи церкви, было бы несравненно лучше, если бы русская церковь дѣйствовала противъ католиковъ исключительно по собствен-

---

1) Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ, II, 91.
2) Памятники Кіевской коммиссіи, II, 329, 315.
3) Описаніе Кіево-Софійскаго собора; приложенія № 39, 1..
4) Тамъ-же, № 40.—206.

ной инициативѣ, и если бы она противопоставляла заржавѣлой доктринѣ гордаго папства свѣтлый образъ православія и тѣмъ самымъ осязательно и убѣдительно доказывала папству его незаконное и дерзкое покушеніе на совращеніе православныхъ. Но такая могучая, вполнѣ законная нравственная борьба съ папствомъ едва-ли остановила бы происки іезуитовъ, не знавшихъ другихъ средствъ пропаганды, какъ ложь и обманъ и потерявшихъ способность убѣждаться внушеніями истины и правды.... Мы знаемъ, что католическій прозелитизмъ XVIII вѣка дѣйствовалъ въ Россіи во имя политическихъ интересовъ и даже подъ покровительствомъ разныхъ иноземныхъ государей. Не умѣстно ли было, чтобъ и противъ него стало дѣйствовать само правительство?

Д. Извѣковъ.

(Журн. министерства народ. просвѣщ.)

РИМЪ

Великое историческое событіе совершилось на этихъ дняхъ, это занятіе Рима италіянскими войсками и происшедшее, вслѣдствіе того, само собою (ipso facto), уничтоженіе свѣтской власти (temporel) папъ. Европа занятая всецѣло прусско-французскою войною, поглотившею интересомъ своимъ въ настоящее время всѣ другіе политическіе интересы, не могла оказать должнаго вниманія этому событію, которое отзовется еще, по своимъ громаднымъ послѣдствіямъ, въ будущемъ. Силою этого событія теперь уже сломилась и разомъ исчезла съ театра міра старая, хотя давно уже надломленная, но все-таки еще упорно державшаяся сила прошедшаго, захватывавшая собою періодъ времени въ нѣсколько вѣковъ. Около тысячи лѣтъ, папы, сдѣлавшись вслѣдствіе разныхъ благопріятныхъ для нихъ обстоятельствъ, которыми они отлично всегда умѣли пользоваться, владѣтелями города Рима и близлежащихъ къ нему земель, утвердились на правахъ самодержавныхъ государей въ тѣхъ земляхъ, которымъ, округляя ихъ и расширяя постепенно, впослѣдствіи придали названіе церковной области. Если эти земли или области были, особенно въ началѣ, очень незначительны сами по себѣ, то госу-

дарь ихъ все-таки являлся по временамъ, могущественнѣе многихъ, а иногда даже и всѣхъ католическихъ государей, благодаря той духовной власти, которою пользовался, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ престоловъ, одинъ его престолъ. Римскому престолу присвоено исключительно было названіе святаго, и часто, въ дѣлахъ политическихъ, одинъ уже этотъ эпитетъ являлъ собою довольно могущественную силу, хотя терялъ черезъ то первоначальный свой смыслъ. Съ того самаго времени, какъ папы, хотя и во имя религіи, облеклись титуломъ и правами свѣтскихъ владыкъ, они пошатнули въ римско-католической церкви основанія этой самой религіи, божественный основатель которой разъ навсегда положилъ разграниченіе властей, свѣтской и духовной, этими словами: «*царство Мое не отъ міра сего*». Но, утверждая и распространяя, вопреки этимъ евангельскимъ словамъ, свое мірское царство, папы должны были для поддержанія того прибѣгать и къ чисто мірскимъ дѣйствіямъ и средствамъ, для которыхъ духовное, когда прибѣгали къ нему, являлось только оболочкою. Представители и намѣстники Христа, какъ сами они себя называли, папы, однако же, нисколько не слѣдовали, примѣру Христа, не принявшаго, въ минуту страданія, никакой земной защиты и повелѣвшаго Петру вложить обнаженный мечъ въ ножны, со словами, что *всѣ обнажающіе мечъ отъ меча и погибнутъ*. Они, напротивъ того, окружили себя стражею и войскомъ, которые нужны были имъ не столько для охраненія своей личности (хотя и въ этомъ случаѣ, по смыслу проповѣдуемаго ими ученія всякая охрана излишня), а для различныхъ себялюбивыхъ, отнюдь уже не религіозныхъ цѣлей, преимущественно для расширенія своей территоріи, для пріобрѣтенія родственникамъ своимъ титуловъ и богатствъ, словомъ сказать для войны. Но какъ жребій войны бываетъ своенравенъ и рѣдко подчиняется другимъ случайностямъ, кромѣ тѣхъ, которые зависятъ отъ большихъ и меньшихъ средствъ сражающихся, то и папы, не смотря на всю высоту своего могущества, въ свою очередь, должны были часто подчиняться своеволію этого жребія и раздѣлять судьбу, имъ опредѣляемую. Отъ этого случилось, что воюющіе папы, не могшіе одолѣть въ войнѣ своихъ противниковъ, напрасно истощивъ противъ нихъ военныя и многія другія мірскія средства, прибѣгали къ средствамъ духов-

нимъ, какъ-то: къ проклятію, къ отлученію отъ церкви. Эти духовные громы или вовсе не помогали имъ, или если и помогали, то въ ущербъ ихъ будущей власти, и уже, во всякомъ случаѣ, въ подрывъ авторитету церкви,—слово, которое, по духу христіанскаго ученія, должно выражать только братскій миръ со всѣми и любовь ко всѣмъ, даже къ врагамъ. Случалось ли папамъ и торжествовать надъ своими политическими врагами, это торжество опять-таки обращалось во вредъ духовному значенію папской власти, потому что возвеличенные и ослѣпленные государственными успѣхами своими, римскіе первосвященники все тверже и смѣлѣе выходили на государственный путь и все болѣе и болѣе уклонялись отъ церковнаго пути. Смиреніе и простота, эти двѣ высокія добродѣтели, вообще столь свойственныя христіанству, бытіе котораго началось при кроткомъ блескѣ звѣзды озарявшей собою убогій вертепъ виѳлеемскій, эти двѣ добродѣтели, которыхъ не чуждались, конечно, и первые епископы Рима, не находили себѣ уже мѣста въ жизни средневѣковыхъ папъ, воздвигавщихъ себѣ, одни за другими, великолѣпные чертоги въ древнемъ городѣ кесарей. Сообразно этимъ чертогамъ и вся обстановка папской жизни стала принимать, съ теченіемъ вѣковъ, все болѣе и болѣе пышности, вполнѣ свойственной двору могущественнаго государя, но странной въ бытѣ того, кто величаетъ самъ себя скромнымъ титуломъ «*раба рабовъ Божіихъ*» (servus servorum Dei). Эта пышность, наконецъ, изъ домашняго быта папъ проникла въ ихъ богослуженіе, которое, дѣйствительно, украсилось блескомъ, по преимуществу декоративнымъ, положимъ, обаятельно дѣйствующимъ на чувственность, но за то глубоко затемняющимъ внутренній смыслъ. Многіе ли изъ присутствующихъ при богослуженіи папскомъ въ великолѣпномъ храмѣ св. Петра дѣйствительно слѣдятъ и молитвенно участвуютъ въ совершаемой обѣднѣ? Не большая ли часть развлекается разнообразнымъ и заманчивымъ, по изящности своей, зрѣлищемъ живописныхъ костюмовъ многочисленной прислуги и вообще всего церемоніала папскаго двора? А тѣ, которые, не довольствуясь настоящимъ, умѣютъ переноситься мыслію къ прошедшему, могутъ ли безъ грусти открывать въ этомъ прошедшемъ страницы, орошенныя столькими горькими слезами, омоченныя столькими потоками крови бѣднаго человѣчества? Самый этотъ чудный храмъ св. Петра—не приводитъ ли онъ на

помнять удивляющемуся его величіемъ посѣтителю грустной исторіи своего построенія, на которое не хватило денегъ у папъ и для котораго они, чтобы пополнить оскудѣвающую казну свою, пустили усиленную продажу индульгенціи? Эта продажа индульгенцій въ Германіи произвела реформу Лютерову, стоившую безчисленныхъ жертвъ, которыя, въ соединеніи съ жертвами предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ религіозныхъ войнъ, обагрившихъ почву Европы и Америки, отмѣтили кровавымъ пятномъ исторію средне-вѣковаго папства, стремившагося постоянно къ всемірному преобладанію....Все, что было папству помѣхою въ дѣлѣ достиженія такихъ стремленій, безжалостно истреблялось, и едва ли число жертвъ, павшихъ на поляхъ кровавыхъ религіозныхъ войнъ, превыситъ число малоизвѣстныхъ и даже, большею частію, вовсе неизвѣстныхъ жертвъ, замученныхъ священною римскою инквизиціею въ разныхъ странахъ. Долго мысль человѣческая была подавляема и удерживаема въ развитіи своемъ людьми, провозглашавшими себя вождями человѣчества....Долго мрачное изувѣрство угнетало истинную вѣру.....Но всемогущее провидѣніе, неисповѣдимыми путями, ведетъ міръ къ предназначенной цѣли, и исторія неуклонно совершаетъ свой, часто задерживаемый, но никогда, ничѣмъ, неотразимый ходъ. Только зло уступаетъ добру не вдругъ и не скоро. Уже побѣждаемое подъ старыми, извѣстными формами и гонимое изъ прежнихъ убѣжищъ, оно принимаетъ новыя еще неизвѣстныя формы и ищетъ новыхъ убѣжищъ *себѣ* и *своимъ*. Казалось бы, съ постепеннымъ паденіемъ феодальнаго средневѣковаго порядка, бывшаго олицетвореніемъ грубой матеріальной силы, должно было скоро начаться новое царство возникшихъ въ протестантской Европѣ идей, отъ свѣта которыхъ предназначено было потухнуть пламени костровъ инквизиціи. Но вдругъ старые римскіе инквизиторы возстали и обновились съ дивнымъ могуществомъ въ лицѣ ордена іезуитовъ, которые стали снова удерживать папство, на прежнемъ, столь вредномъ для самой церкви, пути свѣтской власти, (temporel). Никогда, однакоже, разнородныя усилія отцовъ іезуитовъ, исторія которыхъ вообще не бѣдна блистательными подвигами въ двухъ вѣковой періодъ ихъ существованіе, никогда ихъ усилія не были такъ единодушно направлены къ единой главной цѣли—какъ въ эти послѣдніе годы. Никогда они такъ мудро

ственно не боролись противъ духа времени и не ихъ уже, конечно, вина, если они въ этой борьбѣ не одолѣли. Теперь, видя рѣшительную побѣду своего могучаго противника, они все-таки еще не сдаются, хотя уже убѣгаютъ съ поля битвы и, вѣроятно, многіе изъ нихъ повторяютъ, въ отчаяніи, про себя, какъ повторялъ, умирая, противникъ, подобно имъ, новаго порядка, новыхъ идей, царственный философъ четвертаго вѣка,— роковыя слова: *«ты побѣдилъ галлилеянинъ.»* Сообразно разницѣ временъ и состоянію обществъ, іезуиты, для охраненія могущества римской церкви, употребляли и оружіе совсѣмъ другое, чѣмъ инквизиторы доминиканцы. Тѣ дѣйствовали преимущественно на тѣло всякими орудіями казней и пытокъ; эти дѣйствуютъ на душу всѣми обольщеніями, къ какимъ только способенъ изощренный наукою умъ. Вліянію ихъ, распространяемому во всѣхъ классахъ общества и по всѣмъ частямъ свѣта, поддавались не одни невѣжды, но часто и весьма образованные люди, и въ числѣ ихъ самъ нынѣшній папа Пій IX, которому суждено играть въ исторіи папства такую многозначительную роль. Избранный папою послѣ смерти Григорія XVI (въ іюнѣ 1846) Пій IX-й скоро обратилъ на себя вниманіе не только римскаго народа, но и можно сказать, всего свѣта, какъ одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей, хотя такими личностями вообще не бѣденъ XIX-й вѣкъ. Происходя изъ почетной римской дворянской фамиліи графовъ Мастаи-Феррети, нынѣшній папа (род. 1792 г.) первоначально не предназначалъ себя къ духовному званію: онъ получилъ довольно хорошее свѣтское образованіе и началъ служебную свою карьеру на военномъ поприщѣ. Когда Римъ, какъ и большая часть Италіи, образовавшей изъ себя, за исключеніемъ Неаполя и Сициліи особое королевство, находился подъ властію императора французовъ, молодой графъ Мастаи-Феррети подъ знаменами Наполеона I, участвовалъ въ нѣкоторыхъ его походахъ, въ сотоварияществѣ съ нѣкоторыми другими изъ знатныхъ молодыхъ римлянъ. Въ послѣдствіи, послѣ вѣнскаго конгресса, возстановившаго свѣтскую власть папы, какъ государя церковной области, всѣ эти знатные молодые римляне вступили въ благородную гвардію папскую. (guardia mobile). Тамъ Григорій XVI замѣтилъ молодаго графа Мастаи-Феррети.

и посовѣтовалъ ему, по болѣзни его [1]), вступить въ духовное званіе. Его родственныя связи скоро доставили ему санъ епископа и, вслѣдъ за тѣмъ, достоинство кардинала, но онъ ничѣмъ особеннымъ не отличился на этомъ новомъ поприщѣ, кромѣ развѣ, какъ посольствомъ своимъ въ южную Америку, гдѣ былъ нунціемъ Григорія XVI нѣсколько лѣтъ. По возвращеніи въ Римъ, онъ постоянно удерживался отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла, и это добровольное удаленіе, въ соединеніи съ слабостію характера, всегда подчинявшее его вліянію окружающихъ, болѣе энергическихъ лицъ, всего болѣе можетъ быть содѣйствовало Пію IX въ полученіи большинства голосовъ на собравшемся, послѣ смерти Григорія XVI, конклавѣ, гдѣ тоже господствовали невидимо іезуиты, которые надѣялись вполнѣ завладѣть новоизбраннымъ папою. Но на первый разъ они жестоко ошиблись въ разсчетѣ. Вѣнчавшись римскою тіарою, Пій IX подчинился инымъ вліяніямъ, совершенно противнымъ іезуитамъ, которые, не задолго передъ тѣмъ потерпѣли жестокое пораженіе во Франціи откуда должны были даже удалиться и которымъ вообще неблагопріятстовало современное общество во всей Европѣ. Пій IX совершенно неожиданно изъявилъ готовность встать во главѣ этого общества и самъ вскорѣ заслужилъ его удивленіе, какъ своею частною жизнію, такъ и сочувствіемъ къ новымъ идеямъ. Эти идеи, быстро разносимыя по Европѣ, преимущественно французскою литтературою, находили себѣ особенно радушный пріемъ въ Италіи, которая, въ недавнее владычество французовъ, испытала уже на дѣлѣ выгоды политическаго соединенія и неохотно подчинилась рѣшеніямъ вѣнскаго конгресса, рѣшеніямъ, исполненіе которыхъ постоянно нуждалось въ австрійскихъ штыкахъ. Несмотря на эти штыки, политическіе заговоры и революціонные схватки вспыхивали, то тамъ, то самъ, въ Италіи безпрерывно и повсемѣстно, а между прочимъ и въ Римѣ. Римскія тюрьмы были наполнены политическими преступниками. Многихъ изъ нихъ освободилъ въ первый же годъ своего царствованія новый папа, показывавшій, кромѣ того, во многихъ случаяхъ, что онъ благопріятно смотритъ на политическія

1) Падучая болѣзнь, припадкамъ которой донынѣ, по временамъ, подверженъ Пій IX.

стремленія италіянцевъ. Эти то черты изъ политической жизни въ соединеніи съ другими характеристическими чертами новаго папы, свидѣтельствующими о его частной жизни, безъ счету, передаваемыя устно и печатно, доставили въ короткое время Пію IX такую популярность въ самомъ Римѣ, и, въ скоромъ времени, во всей Италіи, какою не пользовался до него, можно сказать, ни одинъ изъ его предшественниковъ. Эта популярность достигла высшей степени въ 1848-мъ году, когда, послѣ французской революціи, папа противъ ожиданія многихъ, не только не осудилъ революціоннаго движенія, охватившаго всю Италію и большую часть западной Европы, но, напротивъ того, торжественно благословилъ основаніе новаго италіянскаго устройства, на новыхъ началахъ, въ пользу которыхъ добровольно отказался отъ нѣкоторыхъ преимуществъ и выгодъ мірской своей власти. Къ сожалѣнію, тотъ же 1848 г., доведшій до апогея славы популярность Пія IX, положилъ и конецъ ей. Большимъ несчастіемъ для папы и вообщее для всей Италіи, слѣдуетъ считать тогда случившееся убійство Росси, который одинъ умѣлъ удерживать въ предѣлахъ разумной политической свободы республиканское движеніе, перешедшее, со смертію его, въ совершенную анархію. Осажденный въ квиринальскомъ дворцѣ толпами возмутившихся своихъ подданныхъ, которые поминутно обращались къ нему съ требованіями самыми неудобоисполнимыми, не зная къ кому обратиться за совѣтами, послѣ того, какъ потерялъ лучшаго своего совѣтника въ лицѣ убитаго министра Росси, папа ужаснулся своего положенія, въ которомъ отчасти самъ себя призналъ виновнымъ и послѣдовалъ внушеніямъ тѣхъ, которые совѣтывали ему бѣжать изъ Рима. Дѣятельно вспомоществуемый въ этомъ замыслѣ баварскимъ посланникомъ и самъ переодѣтый аббатомъ-милостынераздавателемъ (ammomer) баварскаго посольства, Пій IX оставилъ Римъ (осенью 1848 года и удалился въ неаполитанскія владѣнія, куда призывало его гостепріимство неаполитанскаго короля. Послѣ двухъ лѣтъ, проведенныхъ частію въ Гаетѣ, частію въ самомъ Неаполѣ, римскій первосвященникъ возвратился въ свою столицу, которая занята была въ этотъ промежутокъ времени французскими войсками, но возвратился совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Въ это время консервативная реакція восторжествовала повсюду въ Европѣ надъ

революціею. Пій IX усвоилъ себѣ реакціонныя идеи еще съ большимъ жаромъ, чѣмъ до того усвоивалъ революціонныя... Іезуиты, которыхъ онъ въ началѣ своего царствованія такъ упорно чуждался, теперь всецѣло овладѣли имъ съ помощію главнаго его совѣтника и друга кардинала Антонелли, доказавшаго лично папѣ свою преданность въ бурные дни римскихъ смутъ. Руководимый новыми своими совѣтниками, Пій IX, какъ бы желая загладить неудавшееся начало своего царствованія, сталъ уже управлять совершенно въ противоположномъ духѣ, слѣдуя упорно старой рутинѣ, и строго преслѣдуя всякія попытки нововведеній, посягающихъ на завѣтную старину. Несмотря, однакоже, на такое преслѣдованіе подобныя революціонныя попытки часто возобновлялись и находили себѣ, посреди всѣхъ гоненій на Аппенинскомъ полуостровѣ, уголокъ для себя безопасный и даже, по возможности, благосклонный. Уголокъ этотъ былъ сардинское королевство, часто, въ просторѣчіи, называемое общимъ именемъ Піемонта, въ которомъ царствующій савойскій домъ всегда отличался либеральнымъ направленіемъ, чуждымъ прочимъ италіянскимъ государямъ. Вопреки общегосподствовавшей тогда системѣ италіянскихъ государствъ, находившихся всецѣло подъ вліяніемъ Австріи, въ Піемонтѣ введена была давно конституція и уцѣлѣла тамъ даже послѣ военныхъ неудачъ 1848 и 1849 годовъ, жертвою которыхъ погибъ на чужой сторонѣ (въ Португаліи) король Карлъ-Альбертъ, напрасно подвизавшійся противъ австрійцевъ за освобожденіе и возвеличеніе родной страны. Сынъ его и преемникъ Викторъ-Эммануилъ, принимая бразды правленія (1819 г.), говорятъ, далъ клятву на гробѣ отца, стремиться всѣми силами къ осуществленію его идеи—соединенію, подъ скипетромъ савойскаго дома, всей Италіи, или же, въ случаѣ неуспѣха, отказаться вовсе отъ короны и жить частнымъ человѣкомъ въ Америкѣ. Долго обстоятельства неблагопріятствовали осуществленію этой идеи, которая, между прочимъ, нашла себѣ самаго ревностнаго и пламеннаго поборника въ лицѣ одного величайшаго изъ политиковъ и патріотовъ, какихъ только представляетъ новѣйшая исторія. Мы разумѣемъ графа Кавура. Будучи первымъ министромъ сардинскаго короля въ 1854 г. онъ безъ всякаго повода со стороны Россіи, присталъ къ воевавшей тогда противъ нея сторонѣ и послалъ, подъ начальствомъ

генерала Ламарморы, двадцатитысячный корпусъ въ помощь французской арміи подъ Севастополь. Это участіе въ крымской войнѣ, сперва осуждаемое многими недальновидными политиками, послужило краеугольнымъ камнемъ будущихъ судебъ Италіи, такъ какъ, вслѣдствіе того, сардинское королевство заняло, на равнѣ съ великими державами, видное мѣсто на парижскомъ конгрессѣ, гдѣ графъ Кавуръ игралъ, благодаря также и своимъ личнымъ достоинствамъ, довольно значительную роль. Тогда же там первый піемонтскій министръ вступилъ въ личныя и очень близкія сношенія съ императоромъ французовъ, который, по многимъ другимъ соображеніямъ и, въ особенности, въ слѣдствіе данныхъ еще въ дни юности своей обязательствъ, если не въ слѣдствіе и собственныхъ сочувствій, обѣщалъ содѣйствовать планамъ Кавура. Плодомъ этихъ сношеній, возобновляемыхъ и послѣ конгресса, неоднократными свиданіями и поддерживаемыхъ черезъ интимную переписку, была кампанія противъ австрійцевъ 1859 года, гдѣ къ сардинскому королевству присоединена была часть ломбардскаго вице-королевства, за исключеніемъ Венеціанской области. Роль, которую съигралъ въ этой кампаніи Наполеонъ III, остановившій побѣдное шествіе своихъ и италіянскихъ войскъ на полдорогѣ, опечалила многихъ и заставила грустно призадуматься на счетъ будущихъ судебъ Италіи. Не унывалъ одинъ графъ Кавуръ. Онъ шелъ бодро къ единожды предначертанной великой цѣли и, для достиженія ея не смущался никакими препятствіями, встрѣчаемыми на пути. Онъ понималъ очень хорошо, что Италіи, имѣющей противу себя столь многихъ и многихъ, надобно же заручиться какимъ нибудь союзомъ и не пожалѣть для пріобрѣтенія таковаго никакой цѣны, съ затаенною мыслію вернуть въ послѣдствіи, при другихъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, уступленное изъ крайней необходимости......Въ слѣдствіе такихъ соображеній, руководимый геніальнымъ своимъ министромъ, сардинскій король согласился на всякія вознагражденія Франціи— денежныя и территоріальныя, лишь бы та содѣйствовала ему, если не прямо, не дѣятельно, то хотя косвенно, отрицательно. Онъ не усомнился даже уступить Франціи нетолько богатую по своимъ климатическимъ выгодамъ Ниццу, но и колыбель своего дома, Савойю, и, благодаря этимъ уступкамъ, совершилъ соединеніе подъ своимъ скипетромъ Италіи, съ согласія Наполео-

на III,—провозгласившаго по этому случаю два новые неизвѣстные дотолѣ политическіе принципа:—принципъ невмѣшательства и принципъ признанія совершившихся фактовъ. Только нехотѣлъ никакъ Наполеонъ III приложить этихъ принциповъ къ Риму, который продолжало занимать (съ 1849) и удерживало въ повиновеніи папѣ народонаселеніе, горячо откликнувшееся на всеобщее движеніе, охватившее Италію въ 1860 и 1861 годахъ. Вслѣдствіи этого движенія, руководимаго въ политическомъ отношеніи Кавуромъ, а въ военномъ генераломъ Гарибальди, королевство обѣихъ Сицилій, великое герцогство тосканское, герцогства: моденское, луккское и пармское и даже незанятыя французами части папскихъ областей—Умбрія и обѣ Мархіи, ниспровергли существовавшія у нихъ правительства, и добровольно, черезъ всеобщую подачу голосовъ (плебсцитъ), соединившись съ Піемонтомъ, образовали новое единое италіянское королевство. Изъ земель всего Аппенинскаго полуострова не вошли только два, хотя очень дорогіе для Италіи и славные въ особенности по своему историческому значенію, города, оба съ ихъ округами занятыя и сдерживаемые чужеземными войсками: первый французскими, а второй австрійскими,—это Венеція и Римъ. Но неутомимый и геніальный Кавуръ, не терялъ надежды на освобожденіе и возсоединеніе съ общимъ отечествомъ и этихъ двухъ городовъ. Касательно перваго изъ нихъ, онъ думалъ рѣшить Италію на новыя чрезвычайныя пожертвованія и завелъ уже переговоры о денежномъ выкупѣ Венеціи у австрійскаго правительства, сильно нуждавшагося тогда въ деньгахъ, касательно [illegible]раго—онъ думалъ убѣдить папу добровольно отказаться отъ [illegible]ской власти, и жить, сохраняя высшую духовную власть [illegible] всѣмъ католическимъ міромъ, по прежнему въ Римѣ, только у[illegible] въ столицѣ не католичества, а италіянскаго королевства. [illegible] эти плана неудались. Австрія отрицала предложенный ей тор[illegible] и уже вынуждена была уступить Венецію вслѣдствіе войны че[illegible] нѣсколько лѣтъ потомъ (1866) А съ римскимъ дворомъ италі[illegible]ское правительство начинало и возобновляло прерванные оп[illegible]реговоры неоднократно, но всякій разъ безуспѣшно. На [illegible] предложенія въ этомъ родѣ, т. е. насчетъ взаимнаго [illegible] соглашенія т. п. modus vivendi, папа отвѣчалъ постоянно [illegible] фразою, получившею черезъ то уже историческую извѣс[illegible]

«Non possumus!» А въ началѣ италіянской кампаніи отлучилъ даже отъ церкви и предалъ проклятію особенно Кавура, Гарибальди и всѣхъ другихъ воителей италіянскаго единства. Дѣйствіе, произведенное этими духовными громами, пущенными изъ Ватикана, лучше всего показало, какая разница между XIX-мъ вѣкомъ и средними вѣками. И отлученный король, и его министръ, и всѣ, подобные имъ подпавшіе подъ церковное отлученіе римскаго первосвященника, въ сущности преспокойно оставались въ лонѣ церкви Христовой и неуклонно исполняли христіанскія свои обязанности. Однако же послѣ смерти Кавура (причины которой доселѣ покрыты какимъ то таинственнымъ мракомъ, бросающимъ тѣнь подозрѣнія на іезуитовъ), римская курія потребовала къ отвѣту напутствовавшаго его священника,—и, несмотря на мужественное и вполнѣ согласное съ духомъ евангельскимъ его оправданіе, — подвергло его тяжкому наказанію. Тѣмъ не менѣе пропаганда распространялась быстро по всему Аппенинскому полуострову. Уже въ 1862 году, мы сами видали тамъ священниковъ, которые участвовали въ политическихъ процессіяхъ, но которыхъ народъ требовалъ въ Римъ въ столицу Италіи и сами первые кричали: á basso il papa re! (Долой папу-короля.) Не дремала, съ своей стороны, и римская курія. Все, что было въ рукахъ ея, по мнѣнію ея, дѣйствительнаго, все это было энергически пущено въ ходъ на защиту и поддержку видимо разрушавшейся старины. Римъ сдѣлался убѣжищемъ не только всѣхъ изгнанныхъ изъ своихъ владѣній италіанскихъ государей (во главѣ которыхъ стали неаполитанскіе бурбоны), но всѣхъ сколько нибудь значительныхъ по своему положенію приверженцевъ стараго порядка и противниковъ новаго; наконецъ, мѣстомъ укрывательства бѣглыхъ лицъ духовнаго званія, преслѣдуемыхъ за преступленія въ своихъ странахъ. Для содержанія иностранныхъ принцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые еще, въ свою очередь, сами нанимали разбойничьи шайки для постоянной агитаціи въ утраченныхъ провинціяхъ съ цѣлію возвратить ихъ подъ свою власть, для содержанія этихъ принцевъ, равно и всей многочисленной орды пришельцевъ изъ «своихъ и чужихъ странъ» римской куріи нужны были деньги, деньги и деньги. Значительное пособіе, высылаемое ежегодно изъ всѣхъ странъ міра, главѣ католической церкви, подъ именемъ лепты

св. Петра (denier de st. Pierre) и получившее начало еще при отторженіи отъ римскаго престола Умбріи и Мархіи, какъ въ замѣнъ поступавшихъ оттуда въ Римъ доходовъ, не могло уже удовлетворять всѣмъ громаднымъ расходамъ римскаго двора. Чтобы покрыть ихъ іезуиты придумывали всякій годъ новыя, чрезвычайныя собранія подъ предлогомъ надобности всеобщихъ разсужденій о дѣлахъ вѣры, канонизаціи новыхъ святыхъ и т. п. На эти собранія съѣзжалось постоянно множество иностранцевъ изъ всѣхъ частей свѣта съ цѣлію взглянуть на папу, котораго іезуиты представляли всюду, какъ мученика, гонимаго и ограбленнаго врагами церкви. Очарованіе, искусно возбужденное усердными слугами папы, не уменьшилось нисколько отъ личнаго знакомства съ нимъ. Бурное царствованіе Пія IX, его бѣгство изъ своихъ владѣній, лишеніе важнѣйшей части ихъ, пышность и торжественность, которою онъ любитъ окружать себя при богослуженіяхъ, вообще имъ часто совершаемыхъ; къ этому блестящій даръ импровизаціи въ рѣчахъ и привѣтливое ласковое обращеніе съ вѣрными—все это придавало ему въ глазахъ большинства многочисленныхъ путешественниковъ и въ особенности путешественницъ, наиболѣе склонныхъ къ фанатисму, лучезарный ореолъ, блеску котораго многіе изступленно поклонялись. Безъ счета стекались дары и денежныя приношенія къ ногамъ римскаго первосвященника, и чтобы дать понятіе о богатствѣ таковыхъ, довольно привести одинъ случай въ этомъ родѣ. Въ 1866 г. одинъ богачъ изъ Индіи прислалъ папѣ къ юбилейнымъ праздникамъ въ Римъ небольшую игрушку, стоимостію, однако, въ нѣсколько милліоновъ. Эта игрушка представляла сдѣланный изъ золота корабль, украшенный драгоцѣнными камнями и имѣющій вмѣсто полотняныхъ парусовъ бумажки—банковые билеты........ Тогда какъ часть заѣзжихъ иностранцевъ разсыпала деньги на римскій дворъ, всѣ вообще путешественники, привлекаемые въ Римъ или зрѣлищемъ духовныхъ церемоній или желаніемъ видѣть тѣ сокровища древности и искуства, которыми такъ богатъ вѣчный городъ, оставляли тамъ не малыя суммы въ народѣ, который постоянно богатѣлъ отъ иностранцевъ и не тревожимъ былъ своимъ правительствомъ, весьма снисходительнымъ въ сборѣ податей и безъ того не значительныхъ тогда какъ всѣ города Италіи болѣе или менѣе страдали и нуждались отъ огром-

нихъ издержекъ, которыхъ стоила приведшая къ соединенію войны, и наконецъ, самая организація новаго политическаго устройства. Этимъ обстоятельствомъ также искусно пользовались римскіе духовные, чтобы удерживать въ повиновеніи народъ и умѣрять въ немъ пылъ патріотическихъ стремленій къ возсоединенію съ Италіею. А на болѣе образованные классы, чуждые фанатизма, но ищущіе вѣры, тѣ же духовные дѣйствовали еще другими путями: указывая на пагубный матеріализмъ, который будто бы за предѣлами Рима, охватилъ всю Италію и примѣры появленій котораго въ печати, благодаря свободѣ, предоставленной законами конституціоннаго, новосозданнаго королевства, найдти было нетрудно. Все это вмѣстѣ дѣлало то, что римское населеніе въ послѣднее время стало, по крайней мѣрѣ, повидимому, довольно равнодушно относиться къ дѣлу италіянскаго единства и многіе начинали уже мириться съ мыслію имѣть своимъ государемъ Пія IX, а не Виктора-Эммануила. Въ этой мысли еще болѣе казалось укрѣпляло твердо высказанное намѣреніе французскаго правительства не покидать папу. Отозвавъ войска свои изъ Рима въ силу сентябрской конвенціи, по которой Италія обязалась воздерживаться отъ всякихъ покушеній на Римъ, Франція опять прислала туда свои войска при первомъ извѣстіи о движеніи на Римъ гарибальдейцевъ, которые и были разбиты несравненно превосходящими ихъ, по числу и по средствамъ, соединенными римско-французскими войсками подъ Ментаною. Папа праздновалъ эту побѣду, какъ чудо дарованное свыше и съ благодарностію черезъ нѣсколько времени потомъ принялъ поднесенную ему изображающую битву подъ Ментаною картину, которую приказалъ повѣсить въ одной изъ комнатъ квиринальскаго дворца. Продолжая слѣдовать системѣ приносившей, какъ казалось имъ доселѣ, желанные плоды, іезуиты рѣшили папу на дѣло, которое, по ихъ мнѣнію, должно было окончательно закрѣпить старый порядокъ и совершенно ниспровергнуть новый. Они, разумѣется, устами Пія IX, созвали соборъ, на которомъ провозглашена непогрѣшимость папы. Римскій народъ отнесся къ этому провозглашенію совершенно равнодушно, какъ къ одному изъ тѣхъ пышно-торжественныхъ зрѣлищъ, какими его въ послѣднее время такъ часто угощали и къ какимъ онъ уже привыкъ; просвѣщенное меньшинство едно-

коновъ не сочувственно, а нѣкоторыя правительства, непріязненно, какъ напр. австрійское, вслѣдъ. затѣмъ немедленно уничтожившее заключенный нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ папою конкордатъ. Наконецъ, Франція, занятая собственною своею войною съ Пруссіею, принуждена была отозвать охранявшія папу свои войска, а вслѣдъ затѣмъ италіанскія войска вступили въ папскія области и въ самый Римъ. Тогда то, видя безполезность всякаго военнаго сопротивленія, папа тщетно обращавшійся съ просьбою о помощи въ разные уголки свѣта, распустилъ свои войска, желая, какъ сказалъ онъ въ письмѣ къ главнокомандующему папскими войсками генералу канцлеру, остановить пролитіе драгоцѣнной христіанской крови. Римъ сдался на капитуляцію, утвержденную подписами съ обѣихъ сторонъ 23 сентября въ виллѣ Альбани, гдѣ учредилъ главную свою квартиру командиръ италіянскихъ войскъ, генералъ Кадорна. Въ самомъ Римѣ учреждено немедленно муниципальное правленіе, во главѣ котораго стали нѣкоторые благороднѣйшіе представители княжескихъ фамилій. Первымъ дѣломъ этого временнаго правленія (юнты) было освободить всѣхъ политическихъ узниковъ, которымъ вмѣнялись въ преступленія ихъ патріотическое сочувствіе и стремленія къ Италіи. Затѣмъ приступлено было къ всеобщей подачѣ голосовъ, которая въ воскресенье 2 октября дала результатъ не только что удовлетворительный, но, можно сказать, самый блестящій: 50,000 изъявили согласіе на соединеніе съ Италіею подъ скипетромъ короля Виктора-Эммануила и только 46 голосовъ протестовали противъ него отрицательнымъ «no». Самое подаваніе голосовъ происходило при необычайномъ оживленіи и веселіи этого чуднаго римскаго народа, который, наконецъ, теперь увидѣлъ черезъ столько лѣтъ осуществленіе своихъ завѣтныхъ желаній и надеждъ. Мы легко себѣ можемъ представить это одушевленіе, бывши свидѣтелями таковаго же во время голосованія (плебесцита), послѣдовавшаго вслѣдъ за вступленіемъ италіянскихъ войскъ въ Венецію въ 1866 г. Вѣроятно никто изъ видѣвшихъ не позабудетъ того трогательно-прекраснаго и вполнѣ величественнаго зрѣлища, какое представляла изъ себя царица Адріатики въ эти незабвенно-торжественные дни, когда она праздновала свое освобожденіе изъ подъ позорнаго иноземнаго ига. Задолго еще до дня, назначеннаго для

положенія билетиковъ въ выставленныя въ разныхъ мѣстахъ и охраняемыя публичною стражею урны—народъ ходилъ украшенный этими разноцвѣтными билетиками, на которыхъ красовалось крупными буквами отпечатанное Si! и веселился, поминутно обращаясь другъ къ другу съ вопросами и отвѣтами, заключающимися къ одномъ этомъ словѣ......Si! Si! только слышалось повсюду. Эти радостные крики через несколько дней умолкли только для того, чтобы уступить мѣсто другимъ, не менѣе радостнымъ, привѣтствовавшимъ въѣзжавшаго въ бывшую столицу дожей перваго италіянскаго короля. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, мы были свидѣтелями инаго торжества, болѣе скромнаго и печальнаго, но если можно еще болѣе трогательнаго по своему смыслу и по своей умилительной простотѣ. На площади св. Марка стояли сосредоточенныя толпы, онѣ безмолвно окружали украшенный свѣжими цвѣтами и лавровыми вѣнками старый гробъ: то былъ только что привезенный изъ Парижа гробъ покойнаго диктатора Манина, бывшаго душою венеціанской республики въ тяжкіе и краткіе дни ея существованія въ 1848—49. Честь и слава странѣ, которая сумѣетъ цѣнить и вспоминать скромныхъ, но тѣмъ не менѣе великихъ дѣятелей, которымъ не суждено было при жизни насладиться плодами своихъ стремленій и трудовъ. Подобное же изъявлееніе сочувствія встрѣчается на каждомъ шагу и къ памяти Кавура, именемъ котораго названы многія новыя улицы и площади какъ главныхъ такъ и второстепенныхъ городовъ, и не одинъ публичный памятникъ которому воздвигла благодарная Италія. Эта чудная страна, облагодѣтельствованная всѣми дарами природы и всѣми сокровищами искуства и пользующаяся самымъ счастливымъ географическимъ положеніемъ, вступила, наконецъ, теперь твердою ногою и и на широкій историческій путь, соразмѣрный и ея мѣстнымъ условіямъ и соотвѣтствующій блестящимъ качествамъ ея народонаселенія, долго удерживаемаго въ развитіи своемъ своекористными вождями, которые находили свои низкія выгоды во мракѣ невѣжества большинства! Теперь и большинство это будетъ пользоваться, какъ пользовались доселѣ только привилигированные классы, благами просвѣщенія и общежитія устроеннаго на новыхъ, болѣе широкихъ и разумныхъ правахъ. Да утѣшится тѣнь Кавура! Его любимая завѣтная мысль, ***Италія свободная и***

единая, теперь уже осуществилась. Да осуществится и другая ему же собственно принадлежащая; *свободная церковь въ свободномъ государствѣ*. Нѣтъ сомнѣнія, что для осуществленія этой послѣдней мысли, придется еще одолѣть много трудностей, которыя воздвигаютъ и можетъ быть будутъ нѣкоторое время воздвигать іезуиты эти послѣдніе отчаянные борцы за старый порядокъ, за старыя времена. Еще не все сдѣлано съ конфискаціею церковныхъ имуществъ обращенныхъ въ собственность государства: еще не все покончено съ занятіемъ Рима. Въ Римѣ остался еще папа, который доселѣ нейдетъ ни на какое соглашеніе, не отвѣчаетъ на почтительныя къ нему письма италіянскаго короля и запретилъ своимъ бывшимъ подданнымъ участвовать въ плебесцитѣ. Но свѣтъ видѣлъ, какое дѣйствіе имѣло это запрещеніе. Вѣроятно, оно совокупно съ неотразимою силою другихъ обстоятельствъ, убѣдитъ св. отца и пламенныхъ его поклонниковъ, что достоинство его, во всякомъ случаѣ, болѣе выиграетъ, нежели потеряетъ, отъ примиренія съ Италіею. Тѣ, которые заодно съ іезуитами и съ папою, говорятъ, что сохраненіе свѣтской папской власти (temporel) надъ небольшимъ клочкомъ земли, составлявшимъ прежде папскую область, необходимо для поддержанія блеска св. престола, имѣютъ противъ себя свидѣтельство самыхъ положительныхъ и всѣмъ извѣстныхъ фактовъ. Кто не знаетъ, напримѣръ, что въ послѣдніе годы, папа не только не получалъ со своихъ владѣній никакихъ доходовъ, но, напротивъ, употреблялъ на нихъ же, по причинѣ, напр., содержанія войска и другихъ со свѣтскою администраціею расходовъ, часть той суммы, которую ежегодно приносила ему такъ называемая лепта св. Петра. Кромѣ того, италіянское правительство беретъ на себя папскій государственный долгъ и обязуется выплачивать ежегодно папѣ на содержаніе его духовнаго клира и на другія церковныя нужды ежегодно огромную сумму, хотя бы въ нѣсколько милліоновъ, какая только назначена будетъ по условію. И такъ, съ этой стороны римскій епископъ, переставъ быть свѣтскимъ государемъ, ничего не потеряетъ. А за то какъ много выиграетъ, съ уничтоженіемъ свѣтской власти, его собственно духовная епископская власть! Какъ удобно тогда будетъ и умѣстно намѣстнику и преемнику св. Петра писать къ духовнымъ чадамъ своимъ це-

слова и поученія въ духѣ апостольскомъ, а не буллы чисто политическаго содержанія, какое носитъ знаменитая булла Syllabus, вся направленная противъ европейской цивилизаціи, прогресса и современнаго политическаго положенія дѣлъ. Христіанская церковь тѣмъ и сильна и жива вѣковѣчно, что сила ея, жизнь заключается въ ней самой въ духѣ ученія истины, ею исповѣдуемаго, а не зависитъ ни отъ какихъ мірскихъ обстоятельствъ и дѣлъ. Утѣшительный и самый живой примѣръ такой церкви представляетъ собою православная церковь на Востокѣ, которая не только необладаетъ никакими поземельными владѣніями, ниже иными земными сокровищами, но и, страдая подъ игомъ тяжкаго иновѣрнаго владычества, нѣсколько вѣковъ продолжаетъ совершать кругъ спасительныхъ своихъ дѣйствій и служитъ для вѣрныхъ чадъ своихъ единственнымъ хранителемъ и проводникомъ просвѣщенія, которымъ такъ богаты были ихъ предки. Наконецъ, въ лицѣ самой католической церкви, даже близъ самаго Рима можно указать на немногія, правда, обители, которыхъ смиренные обитатели, отказавшись отъ всякихъ мірскихъ цѣлей и вліяній, посвятили себя единственно уединенной и трудолюбивой жизни на пользу человѣчества. Таково, напр., знаменитое абатство Монте-Кассино, пріютъ ученыхъ бенедиктинцевъ, которые трудами своими въ бурные и темные средніе вѣка спасли отъ уничтоженія почти всѣ памятники цивилизаціи древняго міра. Словомъ сказать во всѣхъ отношеніяхъ собственно церковь несомнѣнно будетъ возвышена, а не унижена съ уничтоженіемъ свѣтской власти папы. Вмѣстѣ съ тѣмъ возвеличится выстрадавшая и дорогою цѣною возвратившая себѣ давно заслуженныя права на величіе, прекрасная Италія. Излишенъ вопросъ: будетъ ли она, наконецъ, счастлива и покойна? Съ высотъ вѣчнаго города, устами 50,000 вѣрныхъ сыновъ ея, на вопросъ этотъ сказалось: Si!

Для историческихъ дѣятелей высшею наградою за ихъ труды служитъ осуществленіе занимавшихъ ихъ идей. При этомъ, для нихъ, какъ людей беззавѣтно преданныхъ своимъ идеямъ, дѣло безразличное—благодаря ли ихъ трудамъ совершается то явленіе, надъ которымъ они трудились, или благодаря трудамъ ихъ собратій по задачѣ; мелкіе разсчеты ограниченнаго эгоизма не къ лицу этимъ великимъ людямъ. Но часто великія зада-

чи этихъ людей осуществляются послѣ жизни ихъ. Цѣлыя столѣтія проходятъ иногда, когда, наконецъ, великая идея раждается на Божій свѣтъ въ видѣ всемірнаго событія. Тогда нѣтъ ничего лучше, священнѣе и пріятнѣе для свидѣтелей этого явленія идеи въ мірѣ, какъ вспомнить, въ виду великаго событія, о великомъ человѣкѣ мучившимся его родами.

Одно изъ такихъ великихъ, имѣющихъ всемірное значеніе, событій совершилось предъ нашими глазами—это отнятіе у папы Рима, а вмѣстѣ съ Римомъ, по крайней мѣрѣ, de facto и свѣтской власти папы. Отвергать у этого событія его всемірно-историческое значеніе едва ли возможно. Сколько добра человѣчеству принесетъ это событіе, опредѣлить впредъ нельзя; но не подлежитъ сомнѣнію, что принесетъ. А если обратиться къ прошлому исторіи, то едва ли мы выразимъ преувеличеніе, если скажемъ, что имъ—этимъ событіемъ—исторія нашего времени исправила свой старинный, хотя, можетъ быть, и необходимый, промахъ. Но, если наша мысль вѣрна, то за то, съ другой стороны, сколько мучениковъ и великихъ людей ратовало и пало въ борьбѣ противъ свѣтской власти папъ.

Изъ этихъ мучениковъ въ нашей памяти рисуется больше всего прекрасный образъ одного. Симпатичный, нѣжный, увлекающійся и увлекающій, мужественный до готовности воевать съ цѣлымъ міромъ, неустрашимый передъ самою смертію, еще юноша, Арнольдъ Брешіанскій первый явился въ западномъ мірѣ съ мыслію, что нужно отнять у папы Римъ и лишить его мірской власти. Войска у него не было, чтобы привести эту мысль въ исполненіе; сотрудниковъ также было не много; а между тѣмъ, въ тѣ времена,—это было назадъ тому 730 лѣтъ,—папа былъ не то, что теперь. Монархъ, предъ которымъ готова была склониться вся почти Европа, подубогъ, которому поклонялись въ западномъ мірѣ, онъ былъ страшный, по своей силѣ, владыка. И при всемъ томъ, вѣра въ силу истины, которая одна должна владѣть міромъ, вооружила юношу Арнольда противъ заблужденія, которое господствовало во всей римской церкви. Замѣнивъ войско чудными рѣчами, которыми онъ умѣлъ обворожать своихъ слушателей, ходилъ онъ точно пророкъ по селамъ и городамъ Ломбардіи, проповѣдуя необходимость очищенія церкви римской отъ мірскаго элемента. И голосъ его не былъ голосомъ вопіявшаго въ пу-

тія; съ удовольствіемъ слушали ломбардцы восторженную рѣчь молодаго проповѣдника и присоединялись къ его партіи. Но этотъ успѣхъ заставилъ римскій дворъ обратить вниманіе на опаснаго человѣка, и въ 1139 г., на латеранскомъ соборѣ, папа Иннокентій взялъ съ него клятву молчанія. Арнольдъ долженъ былъ оставить на время Италію. Онъ блуждалъ послѣ этого то по Франціи, то по Швейцаріи, не покидая все таки своего дѣла и терпя за это преслѣдованія со стороны римской куріи. Въ послѣдніе годы его жизни, мы находимъ его въ Римѣ и видимъ дѣйствующимъ успѣшно. Нѣсколько разъ римляне гоняли папу изъ Рима и онъ, пока живъ былъ Арнольдъ, можно сказать, не жилъ почти въ Римѣ, хотя и не отказывался отъ своей власти надъ нимъ. Римляне, увлеченные временнымъ успѣхомъ, ввели даже въ своемъ городѣ, на мѣсто папскаго правленія, прежнее республиканское устройство.

Но, при этомъ видимомъ успѣхѣ дѣла въ Римѣ, за его стѣнами, а отчасти и въ самыхъ стѣнахъ его, стояла тогда грозная сила общественнаго мнѣнія Европы. Она то и сгубила Арнольда, не оставивъ почти и слѣда отъ его попытки реформировать церковь римскую по образцу церкви временъ апостольскихъ. Подъ стѣнами Рима въ 1155 г. стоялъ съ войсками германскій императоръ Фридрихъ Барбаросса. Цѣль путешествія его сюда была получить отъ папы какимъ бы то ни было образомъ императорскую корону. Папа воспользовался этимъ и просилъ Фридриха, чтобы онъ выдалъ ему Арнольда; тотъ исполнилъ желаніе папы, и римская курія не замедлила произнести надъ Арнольдомъ свой приговоръ. По утру, еще до разсвѣта, не вдалекѣ отъ Porta del Popolo, онъ былъ повѣшенъ, а потомъ сожженъ, и самый прахъ его брошенъ былъ въ Тибръ, изъ опасенія, чтобы народъ, благоговѣвшій предъ нимъ при жизни, по смерти не сталъ почитать останковъ его, какъ останковъ мученика.

Но, со смертію Арнольда не погибла святая истина, за которую онъ ратовалъ всю жизнь. Прошли, правда, цѣлыя столѣтія послѣ него, папа все оставался владѣтелемъ Рима, но, наконецъ, наше время какъ бы вспомнило забытую задачу великаго человѣка: Римъ взятъ у папы и, можно надѣяться, уже никогда не будетъ возвращенъ ему. Но этимъ исполнена только

половина Арнольдовой задачи. Воспоминание о великих людях, въ виду событій, которыми оно вызывается, составляя священный долгъ потомства, вмѣстѣ съ тѣмъ приноситъ и пользу, именно въ томъ отношеніи, что бросаетъ вѣрный свѣтъ на событія, указываетъ, чего въ нихъ еще недостаетъ для того, чтобы онѣ были полнымъ осуществленіемъ извѣстной идеи. Въ этомъ отношеніи воспоминаніе объ Арнольдѣ, посвятившемъ свою жизнь дѣлу очищенія римской церкви отъ мірскаго элемента и видѣвшемъ въ томъ фактѣ, что папа владѣлъ Римомъ, только одно изъ проявленій этого мірскаго элемента, само собою напоминаетъ о другой, и притомъ болѣе важной, половинѣ дѣла—о мірскомъ духѣ церкви римской. Хорошо, что уничтожено одно изъ проявленій этого духа; но было бы еще лучше, если бы этотъ духъ, чуждый царству Божію, изгнанъ былъ совершенно изъ нея. и только въ этомъ случаѣ достойнымъ образомъ почтена была бы память Арнольда Брешіанскаго.

Матеріалы для исторіи.

Въ началѣ и даже почти въ теченіи всей первой четверти текущаго столѣтія въ предѣлахъ Бѣлоруссіи, не смотря на принимавшіяся правительствомъ мѣры, происходилъ нескончаемый рядъ попытокъ, не всегда безуспѣшныхъ, со стороны ксендзовъ и мѣстнаго польскаго дворянства, къ совращенію въ латинство крестьянъ и мѣщанъ уніатовъ. Ни ксендзы, ни паны не были слишкомъ разборчивы въ средствахъ къ ополяченію и окатоличенію бѣлорусскаго народа. Еще свѣжее преданіе сообщаетъ намъ много о подобныхъ дѣйствіяхъ здѣшняго римско-католическаго духовенства и панства; но и помимо народныхъ разсказовъ, въ пыли архивовъ нашихъ присутственныхъ мѣстъ, можно найти не мало актовъ, положительно свидѣтельствующихъ объ образѣ дѣйствія ксендзовъ и помѣщиковъ въ ополяченіи нашей искони русской и православной губерніи. Такъ еще недавно, разбирая, предназначенныя къ уничтоженію, дѣла бывшаго динабургскаго нижняго земскаго суда, мы нашли въ одномъ изъ нихъ, среди бумагъ совершенно другаго содержанія, указъ витебскаго губернскаго правленія, отъ 25 мая 1802 года, писько уѣз-

скаго митрополита Сестренцевича къ бѣлорусскому архіепископу Анастасію, отъ 26 апрѣля тогоже года и копію предписанія названнаго митрополита ксендзу-аудитору Шантырю, отъ тогоже года и числа, по предмету совращенія уніатовъ въ католицизмъ. Такъ какъ документы эти имѣютъ важное историческое значеніе, то мы воспроизводимъ ихъ на страницахъ нашего изданія для памяти и назиданія потомства.

I.

Указъ изъ витебскаго губернскаго правленія динабургскому нижнему земскому суду, отъ 28 мая 1802 года за № 12,211.

„Его высокопревосходительство, господинъ генералъ отъ инфантеріи, бѣлорусскій военный губернаторъ, управляющій и гражданскою частію и кавалеръ Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ въ предложеніи своемъ прописывая, что въ сообщенномъ его высокопревосходительству отъ господина бѣлорусскаго архіепископа и кавалера Анастасія отношеніи, а къ нему отъ господина митрополита Сестренцевича, и даннаго ксендзу аудитору Шантырю повелѣнія, находитъ его высокопревосходительство, что по бѣлоруссіи нѣкоторые ксендзы римскаго исповѣданія наговариваютъ и преклоняютъ уніатовъ къ пріему римскаго обряда, а изъ доходящихъ его высокопревосходительству бумагъ по земской полиціи и отъ другихъ увѣдомляется его высокопревосходительство, что нѣкоторые *владѣльцы католики, сверхъ ксендзовскаго преклоненія, принуждаютъ даже крестьянъ ихъ унитское исповѣданіе перемѣнить на римское;* а какъ не только насиліе, но и самое приглашеніе къ переходу изъ одной христіанской вѣры въ другую запрещено законами, что подтверждаетъ и господинъ митрополитъ, то его высокопревосходительство, препровождая при ономъ въ копіяхъ отношеніе и предписаніе господина Сестренцевича, предлагать изволитъ сему правленію предписать отъ себя всѣмъ городскимъ и земскимъ полиціямъ, дабы они въ пресѣченіе наговоровъ и насилій къ обращенію унитовъ въ римское исповѣданіе опубликовали съ подписками, и накрѣпко смотрѣли за духовенствомъ и владѣльцами римскаго исповѣданія, чтобъ они болѣе подобныхъ покушеній не дѣлали, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строгаго сужденія по законамъ. Въ семъ правленіи опредѣлено: съ

прописаніемъ сего его высокопревосходительства предложенія и съ приложеніемъ копіи пріобщенныхъ при ономъ отношеніи и предписанія, всѣмъ городничимъ и въ нижніе земскіе суды послать указы и велѣть опубликовать повсемѣстно въ ихъ вѣдомствѣ съ подписками, и накрѣпко смотрѣть за духовенствомъ и владѣльцами римскаго исповѣданія, чтобъ они наговоровъ и насилій къ обращенію уніатовъ въ римское исповѣданіе недѣлали, подъ опасеніемъ строгаго сужденія по законамъ; помянутыя въ копіи при семъ прилагаются.

II.

Письмо митрополита Сестренцевича къ бѣлорусскому архіепископу Анастасію изъ С.-Петербурга, отъ 26 апрѣля 1802 года за № 525.

„Ваше высокопревосходительство, милостивый государь! Сего дня получилъ я по дѣлу казенному письмо вашего высокопреосвященства, и сего дня послалъ я къ моему аудитору ксендзу Шантырю запрещеніе толкованія высочайшихъ указовъ и наговариванія и преклоненія уніатовъ къ пріему римскаго обряда, съ котораго письма и копію, имѣю честь вашему высокопреосвященству приложить, пребывая съ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію.

Вашего высокопреосвященства, милостиваго государя и архипастыря покорнѣйшій слуга митрополитъ С. Сестренцевичъ.

III.

Копія предписанія, даннаго митрополитомъ Сестренцевичемъ ксендзу-аудитору Шантырю, отъ 26 апрѣля 1802 года за № 523.

„Пишетъ ко мнѣ господинъ архіепископъ бѣлорусскій, что ксендзы наши, а именно: ксендзъ деканъ Мирскій наговариваетъ уніатовъ къ принятію обряда латинскаго и ихъ принимаютъ. Не надлежало бы мнѣ по мѣстной власти въ семъ случаѣ посылать повелѣнія вамъ, яко по многократнымъ послѣдовавшимъ уже указамъ, запрещающимъ наговариваніе къ переходу изъ одной христіанской вѣры въ другую; но письмо ваше, писанное къ ксендзу декану, коимъ помощь ему чрезъ васъ въ томъ дѣлѣ поручена,

имѣющее толкованіе наговариванія, заставляетъ меня, чтобъ, не допуская до жалобъ по правительствамъ, и самъ себя и прочихъ оберегалъ: во первыхъ отъ толкованія законовъ малѣйшей черты при обнародованіи оныхъ, во вторыхъ отъ наговариванія и склоненія христіанъ съ одной паствы въ другую.

(*Витеб. Губ. Вѣд.*)

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

СОБЫТІЯ ВЪ РИМѢ.

6 Октября.

„Могу ли, пишетъ изъ Рима отъ 24-го сентября корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей»,—могу ли, передать вамъ съ совершенною точностію то, что произошло въ нашемъ городѣ? Въ состояніи ли перо мое воспроизвести во всей истинѣ событія, совершившіеся у меня на глазахъ, въ теченіи этой недѣли? Нѣтъ, необходимо самому видѣть и чувствовать, чтобы понять то, что мы испытали. Всякое испытаніе будетъ ниже дѣйствительности.

«Важнѣйшій актъ нашей политической жизни, возникшей не болѣе двухъ недѣль тому назадъ, совершился съ такою торжественностью, которая привела всѣхъ въ восхищеніе.

«Въ городѣ, гдѣ новый порядокъ вещей нарушаетъ столько интересовъ, укоренившихся въ теченіи столѣтій, гдѣ каждое семейство имѣло болѣе или менѣе близкія отношенія къ господствовавшему духовенству, казалось невозможнымъ, чтобы чувство національности и патріотизма могло достигнуть такого апогея энтузіазма и единодушія. А между тѣмъ кто присутствовалъ при этой величественной и торжественной манифестаціи, тотъ не въ состояніи отрицать подобнаго факта. Непризнавать его можетъ духовенство, пораженное совершившеюся перемѣною. 2-го октября, на разсвѣтѣ, Римъ облекся уже въ праздничную одежду. Трехцвѣтныя знамена развѣвались во всѣхъ окнахъ; не обычайное одушевленіе господствовало въ цѣломъ городѣ. На дви-

надцати площадяхъ устроены были павильйоны, въ которыхъ, въ продолженіи цѣлаго дня, складывались бюллетени. Три гражданина, опоясанные трехцвѣтными шарфами, служили при каждой урнѣ представителями центральнаго комитета о плебисцитѣ. Въ распоряженіи ихъ находился караулъ изъ пожарныхъ. Каждый гражданинъ, имѣвшій право подавать голосъ, долженъ былъ запастись для того особымъ билетомъ. Билеты эти раздавались изъ 24-хъ бюро, съ приложеніемъ экземпляра италіянской конституціи, чтобы всякому было извѣстно, о чемъ идетъ дѣло.

„Всѣ ученыя, академическія корпораціи, всѣ профессіи и округи предварительно назначили себѣ сборныя мѣста, изъ которыхъ они и должны были двинуться въ Капитолій, для подачи голосовъ. Невозможно представить себѣ тотъ порядокъ, то единодушіе и энтузіазмъ, которыми отличались эти торжественныя манифестаціи народныхъ желаній. Длинныя вереницы, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, безпрерывно тянулись, одна за другою, къ грандіозному памятнику древняго величія носящему названіе Капитолія. Въ особенности отличились жители Леонинскаго города. Распространились слухи, что италіянское правительство предложило папѣ свободное и независимое верховенство въ Citta Leonina, которая есть какъ бы городъ въ городѣ, гдѣ находятся храмъ св. Петра и Ватиканъ. Какъ только до жителей означенной мѣстности долетѣлъ этотъ зловѣщій слухъ, то они предъявили противъ него протестъ всею массой. Они требовали, чтобъ имъ дозволено было подавать голоса съ остальнымъ городомъ, что и пришлось имъ дозволить. Жители Леонинскаго города не только пожелали участвовать въ голосованіи съ обычными формальностями, но потребовали, чтобы публичный нотаріусъ составилъ протоколъ о результатѣ ихъ голосованія, и самъ отнесъ въ Капитолій запечатанную урну съ ихъ бюллетенями. На трехтысячное населеніе оказалось тысячу шестьсотъ *да*, и ни одного *нѣтъ*. Представители его были встрѣчены оглушительными рукоплесканіями когда они внесли въ Капитолій свою избирательную урну.

„Вечеромъ, въ половинѣ 10-го, происходила повѣрка голосовъ. Оказалось 40,785 *да* и 46 *нѣтъ*. Я думаю, что никакой плебисцитъ въ мірѣ не имѣлъ на своей сторонѣ такого большинства. Тутъ не могло быть и рѣчи о какомъ-либо дав-

ленія или подлогъ. Это голосованіе было, дѣйствительно, независимое, и оно неоспоримо выражаетъ собою мнѣніе страны. Я самъ все видѣлъ, и могу поручиться въ истинѣ вышесказаннаго. Какъ только результатъ этотъ сталъ извѣстенъ, радость народа не имѣла границъ. То было общее упоеніе, которое увеличивалось блестящею иллюминаціей, превратившею Римъ въ пламенѣющій костеръ, оркестрами городской и полковой музыки, и въ особенности чувствомъ радости, сіявшей на всѣхъ лицахъ.

„Голосованіе въ провинціяхъ дало тѣ же результаты. Повсюду громадное большинство высказалось въ пользу національнаго дѣла. Вчера, съ высотъ Капитолія, сдѣлано было публичное извѣщеніе о результатѣ плебисцита."

Мы воспроизвели это, хоть уже и отсталое, извѣщеніе о событіи, имѣющемъ право на названіе всемірнаго, для того, дабы показать, какъ невозвратимо палъ тотъ, кто, во имя ложнаго принципа, держалъ столько вѣковъ человѣчество въ узахъ духовнаго рабства, и кто, наконецъ, дерзнулъ объявить себя предъ всѣмъ міромъ равнымъ Самому Богу. Казалось бы, finita la comedia, и никакого уже эпилога ненужно: такъ нѣтъ же,— Пій IX, говоря сказочнымъ языкомъ,

Идетъ на право, пѣснь заводитъ,
На лѣво—сказку говоритъ.

Мы познакомили уже читателей „Домашней Бесѣды" съ протестомъ кардинала Антонелли; пусть теперь прочитаютъ они протестъ самаго папы, разосланный къ чинамъ „священной коллегіи" 29-го сентября.

Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, смиряющій и возносящій, посылающій смерть и дарующій жизнь, карающій и милующій, допустилъ, дабы городъ Римъ, мѣстопребываніе верховнаго первосвященства, впалъ въ руки враговъ, вмѣстѣ съ остальною частію владѣній церкви, которую эти самые враги сочли нужнымъ, въ продолженіе нѣкотораго времени, избавить отъ расхищенія. Побуждаемые отеческою любовію къ нашимъ возлюбленнымъ сынамъ, кардиналамъ святой римской церкви, и видя въ нихъ помощниковъ нашему апостольскому призванію, мы рѣшились нынѣ, удрученные скорбію и слезами, выразить имъ, какъ то повелѣваетъ намъ долгъ и голосъ совѣсти, завѣтныя чувства

нашей души, побуждающія насъ открыто и всенародно заявить о нашей ненависти къ настоящему положенію вещей и предать его осужденію. Ибо, исполняя, хотя и недостойно и безъ всякой заслуги съ нашей стороны, на землѣ власть Христа Бога нашего, и пребывая пастыремъ всей церкви, мы поистинѣ чувствуемъ, что не имѣемъ свободы, которая намъ необходима для управленія церковію Божіею и для поддержанія нашихъ правъ мы понимаемъ, что нашъ долгъ обнародовать сей протестъ, и намѣреваемся напечатать оный, дабы онъ сталъ извѣстенъ, какъ то и подобаетъ, всему католическому міру. И если мы объявляемъ, что эта свобода была у насъ похищена и вырвана, то наши враги не могутъ намъ отвѣчать, что наше заявленіе и наша жалоба не имѣютъ основанія. Ибо нѣтъ человѣка въ здравомъ умѣ, который бы не видалъ и не сознавалъ, что такъ какъ верховная и свободная власть, коею мы пользуемся въ силу нашего гражданскаго верховенства надъ почтами, и въ слѣдствіе сего, надъ отправленіемъ нашихъ писемъ, у насъ отнята, и такъ какъ мы не можемъ довѣриться этому правительству, присвоивающему себѣ нашу власть, то мы совершенно лишены необходимыхъ средствъ сообщенія и свободы вести дѣла, которыя непремѣнно обязанъ вести и исполнять намѣстникъ Іисуса Христа и общій отецъ вѣрующихъ, къ которому сыны его прибѣгаютъ со всѣхъ концевъ міра.

«Это замѣчаніе еще яснѣе подтверждается новымъ фактомъ, случившимся въ послѣдніе дни: лица, преступавшія порогъ жилища нашего въ Ватиканѣ, были подвергаемы обыску: солдаты новаго правительства подстерегали ихъ, дабы разузнать—не скрываютъ ли они чего либо подъ своею одеждой. Противъ этого факта предъявленъ былъ протестъ, и на него отвѣтомъ было извиненіе въ ошибкѣ. Но кому неизвѣстно, что эти ошибки могутъ встрѣтиться и на будущее время!

«Сверхъ того, народному образованію грозитъ въ этомъ великомъ городѣ большая опасность; ибо не далекъ день, когда возобновится учебный курсъ въ римскомъ университетѣ; и мѣсто это, прославленное стеченіемъ почти 1,200 молодыхъ людей, бывшее доселѣ примѣромъ порядка и спокойствія, единственное прибѣжище стольких христіанскихъ и честныхъ родителей, присылавшихъ обучаться въономъ своихъ дѣтей, не опасаясь, что

ихъ коснется развратъ,—по причинѣ ли ложности ошибочныхъ ученій, которыя будутъ тамъ преподаваемы, или въ слѣдствіе неспособности тѣхъ, коимъ будетъ поручено преподаваніе,—придетъ въ положеніе совершенно отличное отъ прежняго, что понять можно безъ труда.

«Сверхъ того, объявлено было, что законы, имѣющіе силу въ Римѣ, останутся неприкосновенными и не будутъ нарушаемы даже послѣ занятія; не смотря на то, берутъ силой и разсматриваютъ, наперекоръ этимъ заявленіямъ, даже самыя метрики приходскихъ церквей города, очевидно, для полученія свѣдѣній, къ составленію списковъ военной конскрипціи и для другихъ цѣлей кои угадать не трудно.

«Необходимо присовокупить, что обиды и оскорбленія, порождаемыя раздраженіемъ партій и упоеніемъ мести, остаются безнаказанными, и та же безнаказанность покрыла гнусныя и недостойныя клеветы, направленныя, къ прискорбію всѣхъ честныхъ людей, противъ вѣрныхъ отрядовъ нашихъ солдатъ, кои оказали столь великія услуги религіи и обществу.

«Наконецъ, распоряженія и декреты, обнародованные относительно церковныхъ имуществъ, ясно свидѣтельствуютъ, къ чему направлены стремленія хищниковъ.

«Мы будемъ протестовать нашею верховною властью, какъ мы и протестуемъ нынѣ, противъ всѣхъ дѣлъ, уже совершенныхъ, и противъ тѣхъ, еще худшихъ, которыя намъ угрожаютъ. Симъ письмомъ мы доводимъ до свѣдѣнія твоего, сынъ нашъ возлюбленный, и каждаго изъ кардиналовъ святой римской церкви въ особенности, о случившихся событіяхъ, предоставляя себѣ поговорить о семъ подробнѣе въ другой разъ.

«Въ ожиданіи сего, мы молимъ Господа Всемогущаго нашими усердными непрестанными молитвами просвѣтить умъ нашихъ враговъ, дабы они не навлекали на себя все болѣе и болѣе церковную кару и не подвергались страшному гнѣву Бога живаго, Который все видитъ и отъ Котораго никто убѣжать не можетъ.

«Что касается до насъ, то мы молимъ Его божественную благость, съ мужествомъ и смиреніемъ, призывая заступничество Пречистой Матери Божіей и святыхъ апостоловъ Петра и Павла, и дѣлаемъ это со святою увѣренностью получить то, чего мы просимъ, ибо Богъ не отдаляется отъ тѣхъ, кого удручаютъ

треволненія, и близокъ ко всѣмъ, кто искренно призываетъ Его.»

Даже совѣстно читать такое болѣе чѣмъ неприличное заявленіе со стороны человѣка, который, и по характеру и по прямой обязанности своей, долженъ быть проповѣдникомъ любви и мира, примѣромъ кротости, самоотверженія и безкорыстія. Если протестъ кардинала Антонелли поражаетъ читателя намѣреннымъ возбужденіемъ самыхъ негодныхъ страстей, то протестъ папы Пія IX есть прямое приглашеніе къ мятежу и неповиновенію властямъ. Кощунственно называя себя представителемъ власти Христа Бога и непосредственнымъ намѣстникомъ Его, римскій архіерей откровенно, предъ всемъ міромъ говоритъ о своей ненависти къ людямъ за то только, что эти люди стали умнѣе и поняли, наконецъ, что нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и что нельзя въ одной и той же рукѣ держать крестъ и мечъ. Что бы, какъ можно болѣе раздражить умы и совѣсти легковѣрныхъ Пій IX рисуетъ мрачную картину новыхъ ученій, имѣющихъ распространиться въ римскомъ университетѣ, воспитанники котораго до сихъ поръ были будто бы примѣромъ порядка и спокойствія, чуждыми всякаго разврата. Не папѣ бы это говорить, не міру бы слушать! Знаетъ міръ, какимъ порядкомъ и спокойствіемъ надѣляли его школы, состоящія подъ вліяніемъ янычаръ папскихъ, іезуитовъ; знаетъ міръ, что въ основѣ прежней системы обученія римскаго юношества лежала ложь и самый недобросовѣстный прозелитизмъ въ пользу того принципа, который, въ послѣднее время, дошелъ до апогея нелѣпости. Если же теперь дѣйствительно въ римскомъ университетѣ появятся тѣ зловредныя идеи, которыя изчислены Піемъ IX въ его пресловутомъ силлабусѣ, то кто-жь виноватъ въ этомъ, какъ не само же папство, своими беззаконными дѣяніями породившее реформацію, и, вмѣстѣ съ нею, проложившее путь взиманію ума на разумъ Божій? А указаніе на церковныя метрики, на пересмотръ ихъ нынѣшнимъ правительствомъ Рима, съ намекомъ, что все это дѣлается для того, дабы всѣхъ годныхъ къ военной службѣ людей взять потомъ въ рекруты,—ну достойна ли такая агитаторская выходка пастыря церкви? А поддразниванье солдатъ, оказавшихъ будто бы великія заслуги религіи и обществу, а неумѣстное защищеніе ихъ отъ какихъ-то гнусныхъ, недостойныхъ клеветъ— прилично ли все это «отцу вѣрующихъ,» какимъ считаетъ себя

апа! А названіе лицъ коронованныхъ хищниками, грабителя-
и, узурпаторами, мыслимо ли въ устахъ того человѣка, кото-
ый величаетъ себя намѣстникомъ Того, Кто *трости сокру-*
шены не преломитъ, льна курящася не угаситъ? Положи-
льно можно сказать, что Пій IX, послѣднимъ протестомъ сво-
мъ, повалилъ и себя и папство, о которомъ онъ такъ хлопочетъ.
Трудно согласить съ такими протестаціями обращеніе папы
ъ нѣкоторымъ европейскимъ дворамъ съ просьбою о вмѣшатель-
твѣ ихъ въ совершившееся уже дѣло. Кажется, могъ бы онъ
онять, что, оскорбляя, въ лицѣ итальянскаго короля, самый
ринципъ законной власти, Пій IX менѣе всего можетъ надѣ-
ться на поддержку того, чѣмъ онъ самъ и предмѣстники его
ъ прямо узурпаторски владѣли въ теченіи многихъ вѣковъ: но
слѣпленіе его столь велико, что онъ не теряетъ еще надежды
оправить дѣло. То самъ непосредственно, то чрезъ своихъ
епископовъ папа, такъ сказать, сондируетъ общественное мнѣніе
ра христіанствующаго, и, разумѣется, отовсюду получаетъ весь-
а неутѣшительные отвѣты. Такимъ образомъ, въ Вѣнѣ пред-
авлена была императорскому канцлеру записка, составители ко-
рой просили его принять зависящія мѣры къ обезпеченію пол-
ѣйшей свободы и независимости папскаго престола, и—глав-
е, чтобы не признавать упраздненія свѣтской власти папы.
чарователь»—канцлеръ, отклонилъ отъ себя такое щекотливое
ло, сославшись на то, что онъ ничего не можетъ предпри-
ть безъ согласія своего императора, и что хотя его «христіан-
ѣйше-апостолическое» величество и принимало сильныя мѣры въ
льзу папы, но онѣ, къ сожалѣнію, остались безъ послѣдствій.
совершившемся же переворотѣ въ сферѣ папства христіан-
ѣйшій канцлеръ его апостолическаго величества смиренно ис-
вѣдывалъ, что, видно, Богу такъ угодно; но что ни онъ, ни
императоръ въ этомъ ничуть не виноваты. Еще безцеремон-
отвѣчалъ король прусскій на ходатайство о заступниче-
ѣ, котораго испрашивалъ у него папа собственноручнымъ пись-
ъ, представляя ему, между прочимъ, необходимость даже воору-
наго вмѣшательства, дабы воспрепятствовать «хищнику» вво-
ь свои войска въ папскую область. «Душевно сожалѣю, пи-
ъ король Вильгельмъ Пію IX, что политика, принятая мною
имъ правительствомъ, положительно воспрещаетъ мнѣ всякое

вмѣшательство въ подобнаго рода вопросы; съ другой стороны, я нахожусь въ наилучшихъ отношеніяхъ съ братомъ моимъ, королемъ итальянскимъ, и не могу нарушить дружественныхъ отношеній между Германіей и Италіей ради такого политическаго интереса, который несогласенъ съ интересами Пруссіи. Притомъ же, я не сомнѣваюсь, что если его величество, итальянскій король и его правительство нашли нужнымъ занять владѣнія вашего святѣйшества, то они сдѣлали это въ видахъ подавленія революціонной партіи и обезпеченія за вашимъ святѣйшествомъ духовной власти, которая должна принадлежать вамъ для пользы церкви, какъ верховному главѣ ея. Остаюсь съ живѣйшимъ желаніемъ, дабы порядокъ и миръ прочно утвердились во всей Европѣ».

При такихъ дипломатическихъ неудачахъ, Пій IX начинаетъ уже ребячиться: онъ запирается то въ Ватиканѣ, то въ крѣпости св. Ангела, никуда не выходитъ и вопитъ на весь міръ, что его держатъ въ плѣну и притесняютъ во всемъ. А между тѣмъ, на самомъ-то дѣлѣ правительство употребляетъ все, что можно, для успокоенія его святѣйшества, уступая ему [illegible] ное достоинство государя и совершенно свободное пользова[illegible] правами главы своей церкви. Но Пію IX не до духовны[illegible] правъ, которыя всегда служили римскимъ первосвященникамъ [illegible] средствомъ для достиженія другихъ, болѣе мірскихъ, цѣлей; [illegible] хочется, по прежнему, остаться царемъ и повелителемъ міра. [illegible] сожалѣнію, это время было и прошло. Министръ Селла р[illegible] тельно объявилъ о перенесеніи столицы итальянскаго королев[illegible] въ Римъ, отложивъ, впрочемъ, осуществленіе этого до того [illegible] мени, пока послѣдуетъ отъ парламента утвержденіе закон[illegible] семъ. Упорство Пія IX начинаетъ уже принимать комич[illegible] характеръ [1]).

1) Заимствуемъ эту статью изъ „Экономической Бесѣды“ ея дѣльными по римскому вопросу замѣчаніями. Ред.

Нечто по поводу папской непогрѣшимости изъ „Literary Churchman", Іюль 23, 1870.

Ученіе о папской непогрѣшимости наконецъ сдѣлалось догматомъ римской церкви. За ходомъ этого вопроса съ одинаковою бдительностію слѣдили и друзья и враги, и вотъ теперь рѣшеніе его, безъ сомнѣнія, должно оказать въ будущемъ глубокое вліяніе не только на римскую церковь, но и на весь христіанскій міръ. О самомъ ученіи мы не будемъ теперь говорить; чтобъ говорить о немъ съ нѣкоторою полнотою потребовалось бы написать цѣлый трактатъ, а не журнальную статью; но скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ отсюда произойти. Прежде всего нельзя не сказать, что эта послѣдняя мѣра со стороны латинской церкви нанесла всѣмъ ударъ и причинила общее уныніе. Въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ было сдѣлано дивное движеніе въ направленіи къ возсоединенію разныхъ отдѣльныхъ вѣтвей каѳолической церкви. Появленіе такого сочинія, какъ „Иреникон" Д-ра Пьюзея, и участіе, съ которымъ отнеслись къ нему, доказываютъ, что общественное мнѣніе по сему предмету далеко подвинулось впередъ; что люди не хотятъ болѣе съ равнодушіемъ или удовольствіемъ смотрѣть на тотъ печальный фактъ, что исповѣдующіе одни и тѣ же символы вѣры и участвующіе въ однѣхъ и тѣхъ же таинствахъ отдѣляются, однакоже, одни отъ другихъ такою страшною пропастію; наконецъ стало казаться не естественнымъ, что христіане вѣрующіе въ единаго Бога и почитающіе единаго Бога, находятся во вражескихъ лагеряхъ, питаютъ другъ къ другу чувства непріязни и подозрѣнія, и силятся не уменьшать а увеличивать отдѣляющую ихъ разность. Вотъ почему англійскіе churchmen (т. е. наиболѣе преданные англ. церкви), ни на минуту не отрекаясь отъ своихъ правъ на владѣніе каѳолическою истиною и каѳолическими преимуществами (privileges), обращали свои взоры къ тѣмъ досточтимымъ церквамъ, отъ которыхъ они такъ давно были отдѣлены, и усиливались отыскать точки соприкосновенія съ ними. И въ семъ случаѣ, какъ мы полагаемъ, они большею частію были движимы не духомъ измѣны своей церкви, но тѣмъ стремленіемъ къ единенію, которое чувствуется между разошедшимися братьями

въ виду общаго врага. Въ отношеніи къ восточной це
кажется, нѣтъ непреодолимыхъ преградъ; не было у н
вражды въ прошедшемъ, вражды, которая мысль о к
номъ возсоединеніи (corporate Reunion) дѣлала бы
ною. Не такъ было, должно сознаться, въ отношені
ской церкви; много, много лѣтъ отдѣляли насъ от
ныя причины, и политическія и церковныя; разныя н
нія только усиливались съ годами въ слѣдствіе взаимн
денія и разобщенія, такъ что, наконецъ, и самое жел
наго соглашенія и примиренія казалось въ нашихъ г
мѣною. И, не смотря на все это, въ послѣдніе годы
дило однакожъ нѣчто такое, отъ чего ослабѣвало ст
кое чувство, которое жило въ Англіи въ отношеніи
при видѣ общей опасности, которою стало угрожать
растающее вліяніе невѣрія, мы сблизились съ нимъ; у
взаимныя сношенія ослабили то непріязненное чувств
просто рождается отъ невѣдѣнія; а что всего больш
пробужденіе духовной жизни, которая въ настоящемъ
всюду даетъ себя чувствовать, тѣснѣе соединило серд
анъ въ любви къ общему ихъ Спасителю. Стало бы
не невозможнымъ, что этотъ „magna crux", пред
намъ главенствомъ римскаго престола, какъ либо, к
при посредствѣ приматства устранится. и дѣло мира
ренія будетъ покоится на томъ, что имѣетъ нѣчто под
рическому основанію. Но эти прекрасныя надежды
прямо сознаться, разбиты теперь въ прахъ новымъ то
крайнихъ ультрамонтановъ въ Римѣ; папство отъявлен
жительно усвоило себѣ всѣ непомѣрные притязанія вр
шедшихъ, и теперь даже вынуждено требовать—н
время—ни меньше, ни больше—самаго безусловнаго
чиненія. И слова не можетъ быть теперь о чемъ л
номъ негоціаціи на равныхъ правахъ тамъ, гдѣ ex
есть непогрѣшимый. Не менѣе пагубно слѣдствіе этог
и въ отношеніи къ христіанскимъ сектамъ, отдѣлен
единства церкви: они больше, чѣмъ когда либо, буд
гать каѳолическую истину, видя ее въ союзѣ съ столь
новѣйшими наростами.

И при всемъ томъ, статься можетъ, найдутся к

элементы, носящіе въ себѣ нѣчто не безнадежное, и именно въ томъ самомъ, что, по видимому, грозитъ пагубными слѣдствіями. Догматъ о папской непогрѣшимости прошелъ, не безъ протеста: противъ него было значительное меньшинство, а именно противъ него было не менѣе осьмидесяти восьми епископовъ; возставали противъ него люди замѣчательные и по дарованіямъ и по вліянію; а главное то, что теперь предъ всѣми обличился фактъ, свидѣтельствующій о существованіи сильной оппозиціи крайней партіи, такъ властно доселѣ господствовавшей въ римской церкви. А что еще всего замѣчательнѣе: эта оппозиція искренно и во всей полнотѣ желаетъ держаться „вѣры, преданной единою святымъ“. Конечно, никто не посмѣетъ усумниться въ правотѣ ученія (orthodoxy) такихъ людей, каковы настоящій архіепископъ парижскій или епископъ орлеанскій. Представимъ себѣ теперь, что этой оппозиціей будутъ отринуты всѣ крайнія притязанія папства; не удивительное ли тогда зрѣлище откроется? Да, откроется, что между членами римской, греческой и англиканской церквей есть много, много общаго. Что если умѣренная и либеральная партія въ римской церкви, поставленная послѣднимъ ватиканскимъ рѣшеніемъ въ состояніе разъединенія съ Римомъ, протянетъ свою руку къ отдѣлившимся отъ Рима братьямъ? Намъ кажется, что уже и теперь, хотя въ значительной дали, предносится какое-то видѣніе церкви, которая имѣетъ быть каѳолическою, не будучи папскою. Привлеченные и увлеченные такимъ зрѣлищемъ, быть можетъ, и наши Nonconformists (т. е. раскольники англійскіе) пожелаютъ тогда оставить новѣйшіе свои вымыслы и обратиться къ вѣрѣ первобытнаго христіанства. И, наконецъ, сама римская церковь, приведенная теперь въ схизматическое почти положеніе, почему бы не могла когда либо слиться съ великимъ тѣломъ христіанскихъ церквей? О, тогда еще разъ представилось бы міру (какъ нѣкоторые любятъ выражаться) прекрасное сновидѣніе (fair dream) а мы скажемъ—видѣніе единой вселенской церкви! Мы сознаемся, все это еще только не ясныя и неопредѣленныя гаданія о томъ, что можетъ быть въ будущемъ; намъ не дано проникать въ совѣты и судьбы Божіи о Его церкви; равно не можемъ мы съ отважностію предсказывать то, что выйдетъ изъ послѣдняго ватиканскаго акта; все одинакожъ мы знаемъ, что вѣчный законъ Божіей воли требуетъ намъ

мрака изводить свѣтъ и изъ нестроенія созидать порядокъ. «О Господи! внегда приближитися лѣтомъ, Ты познаешися; внегда прійти времени, явишися: внегда смутитися души моей во гнѣвѣ милость Твою помянеши».

Пер. Прот. Е. Поповъ.

(Христ. Чтен.)

ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ ВО ВРЕМЯ ХОЛЕРЫ.

Извлекаемъ изъ „Гродненск. губерн. вѣдомостей слѣдующія предосторожности, которыя необходимо соблюдать во время холеры.

1. Кто привыкъ вести правильный образъ жизни, т. е. умѣренъ въ діетѣ и не изнуряетъ себя излишними физическими или умственными трудами, тому нечего бояться появленія холеры: ему слѣдуетъ не отставать отъ привычныхъ своихъ занятій и образа жизни, сохранять постоянно спокойствіе духа, быть готовымъ на помощь заболѣвающимъ ближнимъ, твердо помня, что холера, не будучи болѣзнью *прилипчивою* (т. е. она не передается прикосновеніемъ къ больному), скорѣе поражаетъ людей боязливыхъ, предающихся страху и отчаянію при видѣ больныхъ, чѣмъ тѣхъ, которые смѣло, даже съ полнымъ самоотверженіемъ ухаживаютъ за одержимыми этимъ недугомъ.

2. Болѣе всего остерегаться разныхъ выхваляемыхъ противъ холеры предохранительныхъ средствъ, въ особенности же спиртныхъ, и отнюдь не употреблять самому, безъ предписанія врача, сильно-дѣйствующихъ лекарствъ, какъ то: порошковъ разнаго рода капель, будто бы прямо и непосредственно уничтожающихъ холеру, или въ составъ коихъ входитъ опій, преимущественно же слабительныхъ средствъ.

3. Всеми мѣрами нужно избѣгать простуды, весьма располагающей къ поносамъ и холерѣ; но изъ этого не слѣдуетъ однакожъ, что нужно запершись, безвыходно сидѣть дома. На противъ того, умѣренное движеніе на свѣжемъ воздухѣ весьма полезно; нужно только при этомъ одѣваться сообразно погодѣ, въ особенности же ноги и животъ держать потеплѣе; на животѣ полезно носить постоянно, во все время эпидеміи, фланелевый или суконный набрюшникъ, и укрываться отъ дурной ненастной погоды, заботясь въ особенности о сухости ногъ. Ни въ какое время года не слѣдуетъ ложиться, особенно же на

этомъ (какъ это иногда дѣлаютъ наши простолюдины) на сырую землю.

4. Еще болѣе располагаютъ къ холерѣ неумѣренность въ пищѣ и излишнее употребленіе крѣпкихъ напитковъ, особенно вредны ночныя попойки, съ карточными играми и разнаго рода распутствомъ; *пьяницамъ* всѣхъ болѣе угрожаетъ опасность. Весьма вредны также и ночныя продолжительныя бдѣнія за умственными работами.

5. Кто страдаетъ слабостію пищеваренія, тому должно непремѣнно держаться слѣдующей діэты: не выходить изъ дому на тощакъ, а выпить передъ тѣмъ не много горячаго чая, чернаго кофе или теплаго бульона, или же съѣсть кусокъ вареннаго или жаренаго мяса съ хорошо вареными овощами, напр. картофелемъ, морковью и т. п. смотря по тому, кто къ чему привыкъ. Обѣдъ долженъ быть всегда въ опредѣленный часъ и состоять изъ простыхъ и немногихъ блюдъ. Нужно всего болѣе избѣгать кушаній жирныхъ, сырыхъ и холодныхъ (ботвиньи, окрошки, винегрета и т. п.), всякаго рода салата, огурцовъ, дынь и арбузовъ, вообще сырыхъ фруктовъ и овощей, копченыхъ и некопченыхъ колбасъ, свинины, соленой рыбы, круто-сваренныхъ яицъ, сыру, грибовъ, свѣжепеченаго и недопеченнаго хлѣба. Всѣ эти кушанья еще вреднѣе дѣйствуютъ на ночь, чѣмъ днемъ.

6. Для питья употреблять всего здоровѣе свѣжую чистую воду, но отнюдь не утолять жажды за разъ большими пріемами—особенно при разгоряченіи тѣла или при усталости послѣ продолжительнаго движенія или работы; хорошо пить для утоленія сильной жажды тепловатый слабый чай. Воду не совсѣмъ чистую, при невозможности имѣть лучшую, надо очищать, опуская въ нее раскаленный уголь или нѣсколько сухарей чернаго хлѣба. Сухари не только придаютъ водѣ пріятный вкусъ, но отчасти очищаютъ отъ случайныхъ примѣсей, отъ коихъ зависитъ ея мутность и непріятный запахъ. Умѣренное употребленіе хлѣбнаго и виноградного вина, пива и кваса (съ прибавленіемъ мяты привыкшимъ къ этому напитку) не воспрещается.

7. Самое тщательное вниманіе слѣдуетъ обращать на соблюденіе чистоты, какъ тѣла (привычное хожденіе въ баню), такъ равно относительно одежды, постели и жилья. Само со-

бою разумѣется, что изъ бани не слѣдуетъ выходить не остывши. Дурно, неопрятно содержимыя и не н образомъ провѣтриваемыя помѣщенія весьма распол восприятію не только холеры, но и всякой эпидемич зни; потому необходимо въ ясную погоду, по нѣск въ день, открывать окна и двери (но отнюдь не но сырую, ненастную погоду—протапливать печи и камин вая трубъ Въ особенности же содержателямъ фабри скихъ и артелей слѣдуетъ обращать на этотъ пред строгое вниманіе. При переводѣ рабочихъ изъ одно нія въ другое, нужно непремѣнно, въ случаѣ, если были больные, выбѣливать стѣны негашеною извест одни только жилыя помѣщенія а точно также подва выя, конюшни и хлѣва, сорныя и помойныя ямы и ры, улицы и водосточныя трубы должны быть содер можно чище.

8. Домохазяевамъ и всѣмъ жильцамъ нужно забо можно болѣе о поддержаніи чистоты въ отхожихъ м торыя по господствующему нынѣ мнѣнію врачей, главнѣйшій источникъ распространенія холеры. Дл ли должно обмывать чистою водою стульчаки, а та лывать къ нимъ закрывающіе отверстіе ихъ прость Какъ для комнатныхъ подвижныхъ суденъ, такъ ности для обыкновенныхъ отхожихъ мѣстъ, крайне употребленіе составовъ, уничтожающихъ зловоніе: же пороса, хлориновой извѣсти, лабараковой воды, ждано кости и другихъ подобныхъ составовъ. Употребл составовъ, преимущественно же желѣзнаго купороса уксусной кислоты, еще существеннѣе необходимо для (объ употребленіи желѣзнаго купороса для отхожихъ общаемо было неоднократно въ приказахъ с.-пе оберъ-полицiймейстера). Испражненія больныхъ и рвотою должно тотчасъ же выносить изъ комнатъ, п створомъ хлориновой извѣсти или лабараковой водо вать въ отхожія мѣста. Запачканное испражненіям бѣлье слѣдуетъ, предъ тѣмъ какъ стирать, также въ этихъ жидкостяхъ.

9. Нѣкоторые неправильно разсуждаютъ, будто

наруживается со всѣми своими припадками внезапно, у совершенно здороваго человѣка. Напротивъ того, почти *всегда* замѣчаются *предвѣстники* этой болѣзни, появляющіеся обыкновенно за день за два, а иногда даже за недѣлю.

Предвѣстники эти состоятъ въ общемъ разстройствѣ здоровья, при боляхъ (коликахъ) въ животѣ, а иногда безъ всякой боли,—слизистомъ, водянистомъ поносѣ, потерѣ эппетита, тошнотѣ блѣдномъ, бѣловатомъ языкѣ, причемъ по временамъ ощущаются иногда легкія подергиванія въ икрахъ и въ ногахъ. Поносъ заслуживаетъ преимущественно вниманія: онъ почти всегда появляется какъ главный *предвѣстникъ* холеры, такъ что предоставленный самому себѣ, онъ почти всегда переходитъ въ эту болѣзнь; но если его захватить во время и подвергнуть правильному лѣченію, то въ большинствѣ случаевъ развитіе холеры легко предупреждается. Не должно пренебрегать даже незначительными припадками поноса и тотчасъ-же необходимо обращаться къ врачу, а до прибытія врача слѣдуетъ воздерживаться отъ всякой пищи, лечь тотчасъ же въ постель, напиться легкаго чая, настоя мяты или липоваго цвѣта и стараться немного вспотѣть. Если поносъ усилится, нужно давать больному пить отваръ рису, а на животъ положить горячей золы или овса въ салфеткѣ и горчишникъ. При большемъ усиленіи поноса и когда къ тому присоединится рвота, охлажденіе тѣла, судороги оконечностей, то, въ ожиданіи прибытія врача нужно стараться согрѣть больнаго, растирая тѣло его теплымъ камфорнымъ спиртомъ, или простымъ хлѣбнымъ виномъ съ уксусомъ или съ солью; скорченные же члены приводить постепенно, безъ значительнаго усилія, въ нормальное положеніе, что уменьшаетъ боли, возбуждаемыя судорогами конечностей.

10. Но невсегда удобно и безопасно оставлять больныхъ для излѣченія на дому, даже въ самомъ началѣ болѣзни, особливо когда нѣсколько человѣкъ, напр. рабочихъ или мастеровыхъ, живутъ вмѣстѣ, да притомъ же въ тѣсномъ, дурно провѣтриваемомъ помѣщеніи. Въ такихъ случаяхъ, при появленіи вышеописанныхъ припадковъ, больныхъ слѣдуетъ тотчасъ же отправлять въ больницы.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОБЪ ИЗДАНІИ
ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ
въ 1871 году.

Направленіе *Православнаго Обозрѣнія,* кажется, въ достаточной степени выяснилось предъ читателями какъ за одиннадцать лѣтъ его изданія вообще, такъ и въ частности за два послѣдніе года изданія подъ новой редакціей. Въ будущемъ намъ остается только возможно полнѣе раскрывать отдѣльныя стороны однажды поставленной задачи. Выясненіе истины православнаго христіанства въ примѣненіи къ требованіямъ современности, къ разнообразнымъ сферамъ и потребностямъ жизни,—сближеніе интересовъ религіозныхъ съ интересами общественными, духовной науки съ общею наукою, внутреннихъ вопросовъ русской церкви съ судьбами всего христіанскаго міра,—живое сочувствіе къ пробужденію религіозныхъ интересовъ преимущественно въ нашемъ обществѣ, къ важнымъ реформамъ, постепенно предпринимаемымъ въ нашей церкви,—разъясненіе значенія этихъ начинаній, возможное въ предѣлахъ частной литературной дѣятельности,—отрѣшеніе отъ сословной исключительности во взглядахъ и стремленіяхъ при твердой преданности общему дѣлу церкви:—вотъ главныя черты того литературнаго направленія, которому мы старались и будемъ стараться служить. Сочувствіе къ нашему дѣлу въ кругу людей, интересующихся религіозными вопросами, свободное сотрудничество въ нашемъ журналѣ представителей науки не только спеціально духовной, но и общей такъ-называемой свѣтской, постоянное вниманіе къ *Православному Обозрѣнію* въ большинствѣ образованнаго духовенства даютъ намъ увѣренность въ твердости избраннаго пути. Въ новыхъ ожидаемыхъ условіяхъ нашей духовной печати

и церковно-административнаго быта вообще мы надѣемся встрѣтить новыя удобства и болѣе широкую возможность для серьезнаго служенія литературнымъ словомъ великому дѣлу православія.

Православное Обозрѣніе въ 1871 году будетъ издаваться по прежней программѣ, ежемѣсячно, отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ, подъ редакціею священника Г. П. Смирнова-Платонова, при постоянномъ участіи въ трудахъ редакціи священниковъ А. М. Иванцова-Платонова и П. А. Преображенскаго.

Въ составъ *Православнаго Обозрѣнія* будутъ входить:

1) Статьи научно-богословскаго, нравственно-назидательнаго и церковно-историческаго содержанія.

2) Обозрѣніе замѣчательныхъ событій церковной жизни въ восточныхъ православныхъ церквахъ и западныхъ христіанскихъ обществахъ.

3) Статьи по практическимъ вопросамъ церковной жизни о положеніи церкви и ея отношеніяхъ къ государству и обществу, о призваніи и бытѣ духовенства, о современномъ положеніи духовно-учебныхъ заведеній, о задачахъ духовной литературы, о религіозно-нравственномъ воспитаніи народа и т. п.

4) Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательныхъ явленій духовной науки и литературы—русской и иностранной.

5) Извѣстія и замѣтки: новѣйшія постановленія по духовному вѣдомству, извѣстія о состояніи православныхъ русскихъ миссій, лѣтопись духовно-учебной реформы, распоряженія о новомъ устройствѣ приходовъ, внутренняя корреспонденція, письма изъ-за границы, славянская хроника, разныя извѣстія, библіографическій листокъ и т. п.

6) Въ *Приложеніи*, по окончаніи перевода сочиненій Св. Иринея, будетъ печаться переводъ творенія *Св. Ипполита* „О философскихъ умозрѣніяхъ“, или „Противъ всѣхъ ересей.“

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна годоваго изданія *Православнаго Обозрѣнія* на 1871 годъ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП.**,—съ доставкою на домъ въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города **СЕМЬ РУБ. СЕР.**

Подписка принимается *въ Москвѣ, въ редакціи Православнаго Обозрѣнія, Остоженка, приходъ Новаго Воскресенія, д. свящ. Смирнова-Платонова,* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями прямо и исключительно: *въ редакцію Православнаго Обозрѣнія, въ Москвѣ.* Въ случаѣ неисправнаго полученія книжекъ, редакція удовлетворяетъ всѣ справедливыя жалобы подписчиковъ.

Подписка на Православное Обозрѣніе 1870 г., равно какъ и 1869 г., продолжается на тѣхъ же условіяхъ.

Редакторъ *Православнаго Обозрѣнія* съ 1869 года *священникъ Григорій Смирновъ-Платоновъ.*

стоимости пассажирскихъ, билетовъ, багажа и правилъ пріема и выдачи посылокъ и багажа.

Лица, желающія напечатать свои объявленія въ указателѣ, могутъ обращаться для сего въ контору редакціи, *заблаговременно*.

Подписка принимается въ Главной конторѣ редакціи „Петербургской Газеты", на Невскомъ проспектѣ, надъ Милютиными лавками, въ домѣ Лѣсникова, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ лавкахъ. Иногородные подписчики адресуютъ требованія свои прямо въ С.-Петербургъ, въ редакцію „Петербургской Газеты", въ *Москвѣ*: подписка и объявленія принимаются въ конторѣ *Н. А. Мейеръ*, на Солянкѣ д. Бабурина.

ОДЕРЖАНІЕ 10-ой кн. „Вѣстника Западной Россіи“ за 1870 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.